Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 68. 25-го іюня 1904 г. Годъ IV.

МОНАРХИСТЪ ВЪ РОЛИ ТЕРРОРИСТА.

Въ эти дни, когда усовершенствованныя орудія истребленія неумолчно совершаютъ свою работу на Дальнемъ Востокѣ, — какъ кстати усовершенствованный револьверъ Броунинга снова напомнилъ, что не въ одняхъ лишь вопросахъ „мировой политики“, но и въ вопросахъ внутренней борьбы, послѣдне слово принадлежитъ — насилію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ политически мыслящая Россія скорбно смотрѣла на получившій широкое распространеніе снимокъ прекрасной картины „Финляндія“. Двухглавый хищникъ и геній маленькой страны, отбивающій у него книгу съ надписью lex (законъ). Да, только законъ, только ту ограниченную, неравномѣрно распредѣленную между гражданами сумму вольностей, которая была записана въ хартіи начала вѣка, — только ее отстаивала маленькая нація, отстаивала со всей энергіей, со всей узостью ограниченнаго буржуазнымъ кругозоромъ консервативнаго патріотизма, молившаго оставить Финляндію „подъ сѣнью“ той конституціи, которая позволяла ей пребывать вѣрноподданной провинціей, никакимъ общественнымъ интересомъ не связанной со всей порабощенной имперіей, съ борьбой ея гражданъ.

Прошло немного лѣтъ — и отъ старинной книги остались только корешки. Листокъ за листкомъ, выщипалъ двухглавый хищникъ записанныя въ ней права и вольности. И тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ гордились осутствіемъ всякой оппозиціи имперскому режиму, — тамъ нынѣ просвистѣли первыя пули революціоннаго протеста.

День убійства ген. Бобрикова останется исторической датой въ судьбахъ Россіи, и особенно Финляндіи. Пуля финляндскаго патріота не остановитъ, разумѣется, ни на минуту систему которая, шагъ за шагомъ, ведетъ Финляндію къ полному разоренію, обезличенію и разложенію. Эту систему остановитъ только россійская революція, ибо самодержавіе не можетъ уже уступить въ чемъ нибудь Финляндіи, не рискуя тѣмъ самымъ поднять надежды другихъ, связанныхъ съ нею общей цѣпью угнетенія, своихъ внутреннихъ враговъ.

Но пуля Шаумана, несомнѣнно, подвинетъ впередъ переходъ Финляндіи изъ состоянія „лойально оппозиціонной“ провинціи въ положеніе одного изъ становъ *революціи*.

Кровь сына сенатора уравнила передъ лицомъ русской реакціи умѣренныхъ патріотовъ Финляндіи съ революціонерами Россіи, Польши и Кавказа. И реакціонная печать спѣшитъ уже сдѣлать вытекающіе отсюда для царизма политическіе выводы.

Она сопоставляетъ убійство Бобрикова съ убійствомъ Сипягина. Та же почти обстановка, то же — скажемъ за реакціонную печать — изящество выполненія акта революціонной мести, такъ сильно повышающее производимое имъ сенсаціонное впечатлѣніе, та же отвага, тотъ же героизмъ мстителя. Но въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полувѣковой почти политической тяжбой между царизмомъ и русской демократіей; въ другомъ *первый* актъ революціоннаго террора въ борьбѣ между тѣмъ же царизмомъ и *цѣлой націей*, въ авангардѣ которой стоятъ ея буржуазные классы, управлявшіе доселѣ страной.

Шауманъ былъ шведоманомъ, т. е. членомъ умѣренно-либеральной партіи, политическое вліяніе которой опирается на привиллегіи отсталой конституціи. Довести *такую* партію до революціоннаго террора — для этого требуется политическая ловкость, до какой, кромѣ дома Романовыхъ, со времени 1848 г. не сумѣла возвыситься ни одна монархія. Эта особенность выстрѣловъ, раздавшихся, такъ сказать, изъ нѣдръ привиллегированнаго класса, сейчасъ же была учтена бружуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ Запада. Его пресса ни словомъ сожалѣнія не обмолвилась объ убитомъ палачѣ и не побоялась воспѣть героизмъ самоотверженнаго патріота. Вплоть до ультра реакціонной германской „Post“, газеты Запада говорятъ о неизбѣжности актовъ à la Шауманъ тамъ, гдѣ правители дѣйствуютъ à la Бобриковъ. Это не то, что говорилось два года назадъ по поводу выстрѣловъ С. Балмашева. Еще бы. Тогда пострадавшее въ лицѣ своего министра самодержавіе въ глазахъ Европы фигурировало въ роли „международнаго жандарма“, въ роли оплота противъ такихъ „разрушительныхъ“ стремленій въ Россіи, торжество которыхъ неминуемо усилило бы разрушительныя стремленія міроваго пролетарскаго движенія на Западѣ. Здѣсь — въ лицѣ Бобрикова — самодержавіе стоитъ передъ буржуазной Европой въ другой своей исторической роли, въ роли хищника-завоевателя, подъ пятой котораго стонутъ цѣлыя, оторванныя отъ европейскихъ цивилизаціи, націи. И когда революціонный протестъ противъ самодержавія въ *этой* его роли исходитъ изъ солидныхъ круговъ, безхарактерное и безпринципное общественное мнѣніе буржуазной Европы не можетъ не привѣтствовать политическаго убійства, которое еще вчера провозглашалось исчадіемъ „анархизма“. И самая возможность для современной буржуазной печати *симпатизировать* террору въ *такихъ* случаяхъ показываетъ, какой фальшью, какимъ лицемѣріемъ проникнуто ея обычное „моральное“ осужденіе террора русскихъ революціонеровъ и европейскихъ анархистовъ.

Русская реакціонная печать не можетъ не чувствовать, какъ воспринимается Европой этотъ новый эпизодъ агоніи самодержавія. Какая то пришибленность замѣчается во вѣхъ писаніяхъ реакціонныхъ газетъ объ убійствѣ Бобрикова. Безсмысленныя угрозы по адресу того самого финляндскаго сената, который, частью изъ добровольнаго холопства, частью изъ политической продажности, шелъ рядомъ съ Бобриковымъ, — эти угрозы, мотивируемыя тѣмъ, что сенатъ „не охранилъ“ генерала отъ пули Шаумана, могутъ только оттолкнуть отъ царизма тѣ реакціонные элементы финляндскаго общества, которые, путемъ бѣлаго террора и всякой деморализаціи, удалось отчасти приручить покойному ставленнику Плеве. Эти угрозы сами по себѣ показываютъ что руссификаторы отчаялись въ „умиротвореніи“ Финляндіи, что имъ не остается ничего другого, какъ объявить открыто, что они воюютъ со всей націей, средствами одного голаго насилія. Николай Романовъ и объявилъ это, изъявъ дѣло объ убійствѣ Бобрикова изъ компетенціи финляндскихъ судовъ и отправивъ на его мѣсто презрѣннѣйшаго изъ своихъ сатраповъ — князя Ивана Оболенскаго.

Но насиліе — оружіе обоюдоострое. Выстрѣлъ Шаумана еще разъ напомнилъ это, и не даромъ „Нов. Время“, устами г. Бѣляева, заговорило о невыносимомъ положеніи руссификаторовъ, живущихъ подъ постояннымъ страхомъ индивидуальной и коллективной мести со стороны мятежнаго населенія. Тамъ, гдѣ *вся* нація чувствуетъ себя въ положеніи затравленнаго звѣря, тамъ, гдѣ аристократы, священники и фабриканты вынужденны конспирировать и рукоплескать политическимъ убійствамъ; тамъ, гдѣ система насилія держится только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми, — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ Финляндіи начались акты террора, а тому, что ихъ тамъ досихъ поръ не было.

Своимъ выстрѣломъ Шауманъ шелъ на встрѣчу желаніямъ, можно сказать, всей финляндской націи, объединенной въ чувствѣ ненависти къ палачу Финляндіи. Но это общенаціональное дѣло борьбы за самостоятельность Финляндіи исторіей возложено на плечи финляндской буржуазіи, политически господствующаго въ данный моментъ класса, подобно тому, какъ буржуазія же несла на себѣ дѣло національнаго освобожденія германской и италіанской націй. Финляндская буржуазія шла впереди борьбы съ руссификаціей, она поставляетъ главныя жертвы этой борьбы, она и выслала изъ своей среды героя 3 іюня.

Единичный терроръ — революціонное орудіе, которое наиболѣе по плечу приведенной въ революціонное настроеніе буржуазіи. Еще покойный Либкнехтъ (Attentate und Socialdemokratie) указывалъ, что въ исторіи революціонной эманципаціи буржуазіи единичный терроръ игралъ видную роль. Ибо идеологическія традиціи буржуазіи дѣлаютъ ее склонной связывать опредѣленную систему съ личностью ея носителя и искать въ устраненіи этой личности ключа къ измѣненію системы.

Въ напечатанномъ заграницей письмѣ, которое Шауманъ оставилъ для Николая II, характерно сказывается это отождествленіе системы и личности. Передъ мстителемъ за горе и униженіе Финляндіи стоятъ двѣ личности: свирѣпый Бобриковъ, котораго надо лишить возможности вредить, и монархъ, котораго „доброе сердце и благородныя намѣренія“ слѣдуетъ разбудить, указавъ на совершающіяся беззаконія и преступленія. И Шауманъ пытается своимъ покушеніемъ вызвать поворотъ въ настроеніи монарха, „вѣрноподданнымъ“ котораго онъ остается до конца. Онъ не видитъ передъ собой исторически неизбѣжной системы, передъ нимъ только случайная комбинація человѣческой глупости и подлости. Что бѣлый терроръ въ Финляндіи необходимо связанъ съ разложеніемъ царизма въ Россіи, что петербургскіе правители *не могутъ* уже щадить финляндскую „окраину“, когда россійская революція поставила передъ ними дилемму жизни или смерти — этого не замѣчаетъ политическая мысль буржуазіи и въ своемъ невѣдѣніи, возлагаетъ громадныя надежды на возможныя послѣдствія устраненія одной личности.

При такихъ условіяхъ индивидуальный террористическій актъ, отражая въ себѣ политическое настроеніе дѣйствительно-революціонной и готовой ко всякому революціонному протесту общественной среды, не таитъ въ себѣ тѣхъ политическихъ опасностей, которыми чреваты такіе же террористическіе акты тамъ, гдѣ рѣчь еще идетъ о развитіи весьма слабой политической активности общественныхъ группъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ наличнымъ режимомъ. Въ Финляндіи террористическій актъ Шаумана знаменуетъ собой ту крайнюю степень раздраженія, которая охватываетъ *всю* передовую часть націи. Отдѣльный герой символизируетъ все общество со всѣми его наивными иллюзіями, но и со всей его готовностью идти до конца въ борьбѣ съ режимомъ угнетенія. Если въ какомъ нибудь отношеніи актъ Шаумана *можетъ имѣть вредныя послѣдствія*, то только въ одномъ — *онъ можетъ* пріостановить процессъ политической мобилизаціи финляндскаго пролетаріата, въ тотъ моментъ, когда онъ, не задолго до выстрѣла 3 іюня, впервые заявилъ внушительной демонстраціей на улицахъ Гельсингфорса готовность вступить въ самую активную борьбу за свободу Финляндіи. И въ интересахъ дальнѣйшаго развитія этой борьбы финляндскаго пролетаріата, въ интересахъ того, чтобы эта борьба за свободу послужила къ развитію его классоваго самосознанія, надо пожелать, чтобы выстрѣлъ сына сенатора встрѣтилъ, со стороны политической цѣлесообразности этого метода борьбы, надлежащую критику со стороны нашихъ финляндскихъ товарищей.

Въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о политическомъ террорѣ у насъ въ Россіи. Здѣсь главная, все еще не исполненная задача политической борьбы заключается *въ развитіи политической активности* недовольныхъ современнымъ режимомъ слоевъ населенія. Здѣсь иниціатива революціоннаго протеста исходитъ отъ такихъ общественныхъ группъ, которымъ невозможно надолго вѣрить въ достаточность устраненія одной личности, — слишкомъ сложны для этого тѣ соціальные мотивы недовольныхъ, которые вызвали самый протестъ. Здѣсь, поэтому, террористическія настроенія всегда означаютъ либо временную задержку въ ростѣ активности уже заволновавшихся народныхъ массъ, — либо присоединеніе къ общему движенію протеста новыхъ общественныхъ слоевъ, съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, съ большей, слѣдовательно, психологической готовностью *совершать революціонное движеніе, не замѣчая того и вѣря въ достаточность частныхъ перемѣнъ въ данномъ режимѣ*, готовность, такъ характеризующую финляндское общество и его героя. А поскольку *эти* политическіе мотивы даютъ себя знать въ террористическихъ увлеченіяхъ среди уже довольно далеко подвинувшихся въ дѣлѣ революціонной мобилизаціи пролетаріата и близкихъ ему круговъ студенчества, — постольку въ этомъ явленіи сказывается ростъ вліянія на эти общественные слои менѣе революціонной идеологіи буржуазнаго происхожденія. И постольку борьба противъ пропаганды террора есть борьба за вліяніе революціоннаго соціализма съ его методами классовой борьбы противъ вліянія политическихъ идей и пріемовъ борьбы буржуазной демократіи.

Когда общество находится въ состояніи такого политическаго возбужденія и революціонной готовности, что ружья, по выраженію, кажется, Макмагона, сами начинаютъ стрѣлять, тогда отдѣльный террористическій актъ, могущій, съ полнымъ правомъ, разсматриваться, какъ явленіе *стихійное*, не можетъ сыграть отрицательной роли, какъ бы ни было ничтожно непосредственное его практическое положительное значеніе. Тогда и моральное его дѣйствіе можетъ быть довольно велико. Въ этомъ случаѣ было бы смѣшно говорить о революціонномъ авантюризмѣ *такого* террора, какъ было бы нелѣпо пытаться его „систематизировать“ и сдѣлать орудіемъ планомѣрной борьбы опредѣленной партіи. Другое дѣло — когда революціонная активность массы населенія только начинаетъ развиваться, и развиваться въ направленіи пониманія общихъ соціально-политическихъ корней гнетущаго ихъ зла, и когда единичный террористическій актъ прежде всего отвлекаетъ начавшую работать мысль отъ системы къ ея индивидуальнымъ представителямъ и разслабляетъ начавшую формироваться революціонную волю массы. При этихъ условіяхъ успѣшный террористическій актъ естественнымъ образомъ группируетъ около себя опередившіе массу по нервности своего революціоннаго настроенія слои интеллигенціи и развиваетъ въ нихъ склонность подмѣнить политическую борьбу болѣе легкой, на первый взглядъ, игрой въ заговоры. Вотъ почему мы и говоримъ о дезорганизаторской роли террора въ Россіи.

Финляндское общество, отстаивающее въ неприкосновенности разрушенный царизмомъ буржуазно конституціонный status quo, можетъ пройти всѣ фазы революціоннаго подъема, не замѣчая того, какъ оно изъ „вѣрноподданнаго“ оппозиціи превращается въ мятежника, а его героическіе сыны могутъ пойти даже на цареубійство, продолжая считать себя монархистами.

Русская демократія и, прежде всего, россійскій пролетаріатъ не могутъ подготовиться къ совершенію дѣйствительной революціи, не разорвавъ въ своемъ собственномъ сознаніи со всѣми историческими традиціями политической пассивности. Финляндскому обществу не приходится учиться политической активности — прошедшее школу политической жизни, оно ни при какихъ условіяхъ не замѣнитъ политической борьбы игрой въ заговоры. Русской демократіи и русскому пролетаріату надо прежде всего научиться выступать политически. Въ исторіи Финляндіи убійство Бобрикова является *первымъ* случаемъ политическаго убійства; въ исторіи Россіи политическія убійства были искони суррогатомъ политической борьбы, признакомъ политической слабости и пассивности недовольныхъ самодержавіемъ слоевъ націи, и полный разрывъ съ *этой* традиціей долженъ быть предварительнымъ условіемъ всякаго дѣйствительно-революціоннаго движенія.

ОТЪ ПРОПАГАНДИСТСКИХЪ КРУЖКОВЪ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

I

Середина 90-хъ годовъ знаменуетъ собою крутой поворотъ въ жизни россійской соціальдемократіи. Сосредоточенная до тѣхъ поръ въ немногихъ кружкахъ съ группой „Освобожденія Труда“ во главѣ, она посвящала свои силы главнымъ образомъ пропагандѣ соціальдемократической идеологіи, разработкѣ марксистской теоріи, конкретизированію общихъ положеній соціальдемократіи въ примѣненіи къ россійской дѣйствительности. „Практическія“ задачи, которыя она главнымъ образомъ ставила себѣ въ эту эпоху не выходили изъ рамокъ тѣхъ задачъ, которыя вообще могутъ успѣшно выполнять тѣсные, замкнутые кружки пропагандистовъ: подготовка элементовъ для заложенія фундамента будущей соціальдемократической партіи, выработка сознательныхъ соціальдемократовъ изъ отдѣльныхъ личностей, притомъ преимущественно изъ рядовъ интеллигенціи — вотъ что составляло непосредственную практическую цѣль стремленій зарождавшейся россійской соціальдемократіи.

Стачечное движеніе второй половины 90-хъ годовъ, вызвавшее переходъ къ массовой агитаціи, т. е. выступленіе на путь непосредственнаго вмѣшательства въ соціально политическую жизнь страны, необычайно осложнило сравнительно простыя до того задачи соціальдемократіи и поставило на очередь вопросъ о превращеніи ея изъ „пропагандистскаго общества“ въ политическую партію. Для соціальдемократіи же превращеніе въ *политическую* партію неизбѣжно предполагаетъ превращеніе ея въ партію рабочихъ массъ. Ибо, если стройное и полное *обобщеніе* элементовъ классоваго сознанія, порождаемыхъ соціально экономической обстановкой, въ которой живетъ и дѣйствуетъ пролетаріатъ, требуетъ научно образованной мысли, то — согласно самымъ основамъ, на которыхъ построено наше міровоззрѣніе — только пролетарскій составъ, только самая тѣсная — не идейная лишь, а фактическая — связь съ рабочими массами можетъ гарантировать дѣйствительно пролетарскій характеръ политической дѣятельности партіи.

Мы сказали, что непосредственная политическая дѣятельность *осложнила* задачи, которыя до того ставила себѣ россійская соціальдемократія. Осложнила, но не устранила. Ибо это непосредственное выступленіе на общественную арену совершилось въ такую эпоху, при такихъ соціальныхъ условіяхъ, когда — какъ это еще разъ подробно выяснилъ въ своихъ замѣчательныхъ фельетонахъ П. Б. Аксельродъ — ни преобладающій соціальный составъ соціальдем. ни объективная общественно-экономическая обстановка, ни уровень политическаго пониманія и политическихъ интересовъ въ широкихъ рабочихъ массахъ вообще, — не благопріятствовали полному и всестороннему воплощенію въ политической практикѣ тѣхъ принциповъ соціальдемократизма, которые во всей ихъ чистотѣ были восприняты основателями и первыми дѣятелями россійской соціальдемократіи. Та дѣятельность, на которой концентрировались усилія соціальдемократіи, какъ „пропагандистскаго общества“, не только не должна была исчезнуть съ переходомъ къ непосредственному политическому дѣйствію, но въ самыхъ потребностяхъ этого дѣйствія должна была получила новый могучій импульсъ. Потребность зарождающейся политической партіи въ сознательныхъ соціальдемократахъ, въ принципіально выдержанныхъ работникахъ была безконечно больше, чѣмъ имѣлось на лицо — и при указанныхъ Аксельродомъ условіяхъ могло имѣться — годныхъ элементовъ.

Уже въ силу одного этого несоотвѣтствія наличныхъ силъ съ созданными новою дѣятельностью потребностями вопросъ о приданіи массоваго характера партіи съ одной стороны и оплодотворенія ея сознательною и послѣдовательною соціальдемократическою мыслью съ другой не могъ быть разрѣшенъ удовлетворительно на первыхъ же порахъ дѣятельности новой партіи.

Либо сохраненіе прежняго характера строго выдержаннаго принципіально въ элементарныхъ теоретическихъ основахъ научнаго соціализма, но замкнутаго, тѣснаго общества[1], вносящаго соціальдемократическое сознаніе въ рабочую массу *извнѣ*, или — перенося это отношеніе въ сферу политической практики — руководящаго ею, такъ сказать, *со стороны*; *либо* массовая партія, задающаяся лишь тѣми цѣлями, которыя ставитъ себѣ уже непосредственно сама масса, партія, растворяющая всѣ сознательные соціальдемократическіе элементы въ передовыхъ слояхъ впервые пробуждающагося къ политической жизни пролетаріата; — въ такомъ антагонистическомъ видѣ долженъ былъ встать вопросъ передъ подавляющимъ большинствомъ соціальдемократическихъ дѣятелей той эпохи. Мы знаемъ, что отвѣтъ, который дали на этотъ вопросъ „экономисты“, рѣшалъ его въ духѣ второй половины дилеммы. Слишкомъ настоятельна была необходимость сейчасъ же связать неразрывными узами зарождающуюся соціальдемократическую партію съ передовымъ слоемъ пролетаріата, слишкомъ примитивенъ былъ на первыхъ порахъ кругъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ соціальдемократическая партія фактически выступила какъ активная сила, чтобы можно было дать другой отвѣтъ. И это тѣмъ болѣе, что требовалось немногое: нужно было только возвести ограниченную объективными условіями партійную практику въ теорію — и вопросъ

[1]) Конечно, мы не хотимъ сказать, что вся россійская соціальдемократія представляла собою въ то время одно цѣлостное „общество“. Важно то, что вся организація была построена по типу замкнутыхъ кружковъ.

рѣшался самъ собою. Превращеніе „пропагандистскаго общества", кружка въ политическую партію, дѣйствительное формированіе партіи покупалось цѣною принципіальнаго суженія размаха политической дѣятельности ея. А такое суженіе, подрывая въ корнѣ самое необходимость существованія сплоченной, самостоятельной, единой политической партіи пролетаріата, въ свою очередь не давало никакого импульса къ дѣйствительному слiянію разрозненныхъ мѣстныхъ движеній въ одно цѣлое. Сліяніе соціальдемократіи съ передовыми элементами рабочихъ массъ не сопровождалось дѣйствительнымъ *объединеніемъ* многочисленныхъ группъ и группокъ въ единую политическую партію. Тѣ методы созданія партіи, къ которымъ прибѣгали „экономисты", очень скоро стали тормазомъ, мѣшавшимъ достиженію той самой цѣли, ради которой она примѣнялись; а возведеніе этихъ методовъ въ теорію сильно затрудняло преобразованіе ихъ.

Какъ ни гордились соціальдемократы той эпохи достигнутыми результатами, довольству ихъ собою и своею дѣятельностью очень скоро долженъ былъ наступить конецъ. И конецъ этотъ положило то политическое возбужденіе, которое охватило значительные слои русскаго общества и было само въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ пробужденія къ политической жизни пролетарскихъ массъ. Обстоятельства, сопровождавшія студенческое движеніе, подъемъ оппозиціоннаго настроенія въ земскихъ кругахъ, активное выступленіе на политическую сцену передовыхъ слоевъ буржуазной демократіи — показали съ очевидностью, что, какъ громко ни кричала бы соціальдемократія о своей политической гегемоніи, въ дѣйствительности широкое рабочее движеніе, самостоятельно не выходящее за предѣлы „чисто-рабочихъ" профессіональныхъ требованій и тѣхъ политическихъ вопросовъ, которые самымъ ближайшимъ образомъ связаны съ этими требованіями, что такое рабочее движеніе въ надвигающемся обще-политическомъ кризисѣ можетъ сыграть лишь роль того фундамента, на которомъ либеральная и демократическая буржуазія возведетъ свои политическія постройки, и того тарана, которымъ она прежде всего попытается расшатать въ своихъ интересахъ зданіе самодержавія. Слишкомъ очевидно было, что въ быстро охватывавшемъ всѣ слои русскаго общества политическомъ кризисѣ соціальдемократія и руководимое ею рабочее движеніе, если и были „авангардомъ", то не въ смыслѣ политически руководящаго элемента, а лишь въ смыслѣ передовой цѣпи, первой шедшей въ бой и первой принимавшей на себя удары врага. Въ результатѣ своихъ стремленій формировать пролетаріатъ въ самостоятельную политическую силу и предохранить его отъ роли того пассивнаго орудія въ рукахъ буржуазной демократіи, какимъ онъ былъ на Западѣ въ эпохи ликвидаціи феодально-абсолютистскаго строя, россійская соціальдемократія увидѣла, что — при дальнѣйшемъ сохраненіи сложившихся отношеній — вся ея роль сведется лишь къ организаціи той массовой силы, которою воспользуются въ своихъ цѣляхъ русскій либерализмъ и демократизмъ. Иначе говоря, соціальдемократія при такихъ условіяхъ лишь облегчила бы подчиненіе рабочаго класса буржуазнымъ интересамъ, взявъ *на себя* ту задачу организаціи и политическаго пробужденія пролетаріата, которую на Западѣ выполняла сама буржуазія въ лицѣ своихъ „радикальныхъ" идеологовъ. Извѣстное „credo" съ достаточною яркостью и недвусмысленностью подчеркивало это дѣйствительное положеніе дѣлъ и рѣзко поставило передъ соціальдемократами, не утратившими пониманія своихъ собственныхъ задачъ, вопросъ о „новыхъ путяхъ".

Нащупать основной грѣхъ „экономизма" всѣхъ видовъ и оттѣнковъ — отклоненіе отъ классовой теоріи и суженіе политическихъ задачъ партіи — было не трудно; тѣмъ болѣе, что кипѣвшая въ это время на Западѣ борьба ортодоксіи противъ бернштейніанства и мильеранизма какъ бы подчеркивала „международность" того зла, противъ котораго выступила русская „ортодоксія", и дѣлала русскій внутри-партійный конфликтъ однимъ изъ эпизодовъ того общаго конфликта, который раздиралъ въ то время соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ. Уже въ одномъ этомъ фактѣ скрывалась опасность „схематизированія" нашей борьбы съ „экономистами", полнаго отождествленія ея съ тою общей борьбою противъ „критики", которая велась во всемъ мірѣ, и забвенія тѣхъ специфическихъ особенностей, которыя создавались специфическими русскими политическими условіями. На Западѣ, при существованіи уже сложившихся политическихъ рабочихъ партій съ широкою политическою дѣятельностью, шла борьба за *направленіе* этой уже имѣющейся на лицо дѣятельности. Поэтому, побѣдить бернштейніанскую „теорію" и построенные на ея основѣ политическіе выводы — значило сдѣлать почти все. У насъ этого было мало. Ограничиться постановкой и рѣшеніемъ вопроса въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ на Западѣ, значило бы переоцѣнивать — не самое теорію, ее переоцѣнить нельзя — а *самодовлѣющую* роль теоріи, самодовлѣющую политическую роль соціальдемократической сознательности, концентрированной въ тѣсномъ по необходимости кругу руководителей движенія, къ тому же — въ значительномъ большинствѣ выходцевъ изъ среды буржуазной интеллигенціи. „*Идейная*" побѣда надъ „экономистами" рѣшала лишь половину вопроса, ибо, отрицая то рѣшеніе проблемы о превращеніи соціальдемократіи въ политическую партію, которое дали „экономисты", нужно было дать другое ея рѣшеніе. Ограниченіе идейной побѣдой, расширеніе политическаго кругозора руководителей движенія само по себѣ означало бы лишь — при существующихъ условіяхъ — рѣшеніе вопроса о политической партіи въ духѣ первой половины той дилеммы, о которой мы говорили выше, и за вторую половину которой ухватились экономисты. А между тѣмъ полное отождествленіе нашего внутрипартійнаго конфликта съ общесоціальдемократическимъ благопріятствовало такому „одностороннему" рѣшенію вопроса, благопріятствовало забвенію необходимости *діалектически* разрѣшить то противорѣчіе, которое заключалось въ условіяхъ созданія классовой рабочей партіи въ россійской соціально-политической обстановкѣ. То повышеніе соціальдемократической сознательности и принципіальной выдержанности руководящихъ элементовъ соціальдемократіи, которое сопровождалось бы одновременнымъ разрывомъ начавшихся уже складываться тѣсныхъ организаціонныхъ отношеній съ передовыми слоями рабочей массы, никакъ не могло само по себѣ повести къ дѣйствительному образованію классовой политической партіи пролетаріата.

А между тѣмъ опасность такого разрыва заключалась уже въ недостаточно полной постановкѣ вопроса. Разрывъ въ значительной мѣрѣ сталъ дѣйствительностью благодаря той организаціонной практикѣ „искровцевъ", которая сама являлась необходимымъ слѣдствіемъ наличныхъ внутри-партійныхъ условій. Предыдущій періодъ, какъ уже сказано выше, не создалъ дѣйствительно единой, сплоченной крѣпкими организаціонными узами партіи, и новое направленіе могло возникнуть лишь въ видѣ направленія одного изъ тѣхъ кружковъ, на которые распадалась „партія", и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было усвоить себѣ всѣ тѣ организаціонные навыки и методы, которые неизбѣжно выростаютъ на почвѣ кружковой дѣятельности. Предыдущій періодъ пытался построить партію на основѣ отказа отъ всей полноты соціальдемократической программы и принижалъ свои задачи и цѣли до уровня наличнаго сознанія активныхъ слоевъ рабочей массы; въ лицѣ пробудившихся къ политической жизни, но не вышедшихъ еще за предѣлы тредъ-юніонистской идеологіи передовыхъ элементовъ пролетаріата, онъ искалъ организаціонной опоры; эти элементы играли рѣшающую роль въ направленіи значительной доли дѣятельности соціальдемократическихъ комитетовъ. Новое направленіе, встрѣтивъ на первыхъ порахъ сопротивленіе со стороны этихъ „организованныхъ" рабочихъ, очень скоро обнаружило склонность отнестись рѣзко отрицательно къ „демократизму", не только въ смыслѣ господства выборнаго начала и полнаго подчиненія своихъ собственныхъ задачъ и методовъ дѣйствія рѣшеніямъ рабочихъ кружковъ и собраній, но и въ смыслѣ признанія необходимости построить партію на сознательномъ участіи все растущихъ рабочихъ массъ въ политической и организаціонной дѣятельности партіи. Принципу „демократизма" было противопоставлено голое и категорическое отрицаніе его, дошедшее въ сознаніи многихъ товарищей до представленія о „принципіальной" несовмѣстимости „демократизма" съ соціальдемократическимъ движеніемъ.

Та масса организованныхъ рабочихъ, которая играла руководящую роль въ предшествующій періодъ и, при всей своей политической примитивности и узости, могла послужить фундаментомъ для заложенія дѣйствительной *классовой* политической партіи, въ значительной степени была не утилизирована новымъ направленіемъ, была оставлена за бортомъ и брошена въ оппозицію. „Партія" же начала создаваться вновь — не столько поглощая и подымая уже существующія силы, сколько пытаясь *опереться на новыя*.

При такихъ условіяхъ партія все больше и больше строилась по типу тѣсной организаціи, *со стороны* руководящей втянутой въ движеніе рабочей массой. Расширеніе политическаго кругозора сопровождалось въ сущности возвращеніемъ къ организаціоннымъ основамъ перваго періода существованія русской соціальдемократіи, періода „пропагандистскаго". Но новыя задачи требуютъ новыхъ формъ. И поскольку соціальдемократія, войдя въ сферу непосредственнаго политическаго дѣйствія, будетъ построена по типу общества пропагандистовъ, постольку задача созданія классовой политической партіи фактически не можетъ быть выполнена.

Въ слѣдующей статьѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ и покажемъ, къ чему привелъ и фактически не могъ не привести „новый курсъ". Ф. Данъ.

ПЕРЕДЪ ГОЛОДОМЪ.

Тяжелыя послѣдствія безсмысленной и дерзкой войны, затѣянной царскимъ правительствомъ, осложняются новымъ бѣдствіемъ. Грозный призракъ неурожая и голода снова встаетъ передъ русской деревней. Въ настоящее время еще невозможно съ точностью опредѣлить силу удара, разразившагося надъ страной, и безъ того тратящею послѣднія средства на расплату за чужіе грѣхи. Газетныя сообщенія о размѣрахъ неурожая отличаются чрезвычайной сдержанностью и краткостью. Но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя проникли въ несчастную подцензурную печать, ясно показываютъ, что крестьянскому хозяйству угрожаетъ серьезное разстройство. Засушливая осень, бѣдная атмосферическими осадками зима и холодная вѣтряная весна самымъ гибельнымъ образомъ отразились на ростѣ травъ и хлѣбовъ. „Петербургскія Вѣдомости" сообщаютъ, что въ Бессарабіи состояніе хлѣбовъ, виноградниковъ и выпасовъ для скота производитъ удручающее впечатлѣніе на земледѣльцевъ. Истощенные засухой и вѣтрами яровые посѣвы находятся на краю гибели; озимые же настолько плохи, что уже никакіе дожди не въ состояніи ихъ поправить. Сѣнокосы повсемѣстно выгорѣли, и крестьяне принуждены кормить скотъ соломой. По позднѣйшимъ извѣстіямъ „Южныхъ Записокъ", неудовлетворительный урожай въ районѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дор., въ особенности бессарабскаго и дунайскаго участковъ, выяснился съ такою опредѣленностью, что въ Одессѣ замѣтно упали цѣны на магазины для ссыпки зерна. Въ Херсонской губ., какъ пишутъ „Южн. Записки", поля также представляютъ печальное зрѣлище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на озимые посѣвы, въ виду ихъ полной безнадежности, уже выпущенъ скотъ. „Рус. Вѣд." сообщаютъ, что и въ Таврической губ. полевыя работы запоздали и развитіе растительности, вслѣдствіе холода, идетъ очень медленно. Кіевскій корреспондентъ „Руси" утверждаетъ, что не только въ Кіевской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ не будетъ урожая ржи, культивируемой въ данномъ районѣ почти исключительно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Яровые хлѣба также значительно пострадали отъ майскихъ холодовъ. Гречиха, конопля сильно повреждены. Сады и огороды, занимающіе видное мѣсто въ малорусскомъ хозяйствѣ, почти погублены заморозками. На сѣверѣ дѣла обстоятъ не лучше, чѣмъ на югѣ. По словамъ „Рус. Вѣд.", стоявшіе все время холода неблагопріятно повліяли на ростъ яровыхъ хлѣбовъ и травъ въ Петербургской, Новгородской и Псковской губерніяхъ. Состояніе озимыхъ, особенно въ Петербургской губерніи, также нехорошо. Въ Московской губ. рожь вышла низкорослою; яровые хлѣба запоздали всходами и не даютъ надежды на сносный урожай. Картофель во многихъ мѣстахъ загнилъ. Кормовыя травы повсюду плохи. Сады и огороды повреждены снѣгомъ, градомъ и утренними заморозками. Кромѣ этихъ свѣдѣній въ газетахъ уже начинаютъ появляться сообщенія о томъ, какъ отразились военныя приключенія россійскаго самодержца на неустойчивомъ и обезсиленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. „Амурская Газета" пишетъ, что въ Орловской волости близъ Читы населеніе за неимѣніемъ хлѣба питается лебедою, а скотъ валится отъ полной безкормицы. Въ Благовѣщенскѣ переселенцы толпами бродятъ по улицамъ, прося милостыни. Они возвращаются въ Россію и буквально голодаютъ. Въ Нижегородской г. крестьяне страшно бѣдствуютъ отъ недостатка хлѣба и корма для скота. Все, что можно было продать, продано и съѣдено. Послѣднее уцѣлѣвшее имущество распродается за неуплату податей. Кредитъ исчерпанъ до конца, а задатковъ подъ промысловыя работы подрядчики не даютъ по случаю войны. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи волостныя ссудо-сберегательныя кассы прекратили выдачу ссудъ запаснымъ воинскимъ чинамъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ наблюдается полный застой въ лѣсномъ промыслѣ, составляющемъ главную опору населенія...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведенныя свѣдѣнія далеко не полны. На основаніи отрывочныхъ замѣтокъ русскихъ газетъ можно съ увѣренностью предположить, что неурожай поразилъ не только перечисленныя, но и однородныя

Къ вопросу объ источникѣ и значеніи нашихъ организаціонныхъ разногласій.

(Изъ переписки съ Каутскимъ.)

Настоящимъ виновникомъ печатаемаго ниже, по желанію нѣкоторыхъ товарищей, письма къ Каутскому является никто иной, какъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей „большинства", которому пришла въ голову счастливая — для насъ — мысль познакомить Каутскаго со всѣми прегрѣшеніями „меньшинства" вообще и „новой" редакціи въ частности. Статьи, направленной противъ насъ, Каутскій не напечаталъ, но, какъ видно изъ его напечатаннаго въ № 66 „Искры", отвѣта автору ея, прочиталъ ее съ пользой. Заключенія, къ которымъ Каутскій пришелъ, на основаніи этой статьи, въ существенныхъ пунктахъ, совпадаютъ со взглядами „меньшинства"... Редакція „Искры", получившая отъ него копію его отвѣта автору, рѣшила просить у него позволенія обнародовать этотъ отвѣтъ. Читатели, знакомые съ новѣйшимъ, своеобразнымъ литературнымъ произведеніемъ Ленина и понимающіе то, что они читаютъ, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ планами и стремленіями послѣдняго, замѣтили, конечно, что письмо Каутскаго представляетъ собой весьма недвусмысленную критику тѣхъ обвиненій противъ насъ, формулировкѣ и обоснованію („научному") которыхъ посвящено упомянутое произведеніе. Очевидно, авторъ статьи просто на просто преподнесъ Каутскому квинтъ-эссенцію этого произведенія. Я увѣренъ, однако, что онъ не воспроизвелъ въ ней ленинской діаграммы, такъ тонко изображающей главные „типы голосованій" на нашемъ съѣздѣ и такъ наглядно вскрывающей „политическое значеніе того дѣленія партіи на „большинство" и „меньшинство", которое сложилось" на этомъ съѣздѣ. Нужно будетъ пополнить этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ Каутскаго относительно „анализа борьбы на партійномъ съѣздѣ", представленнаго вожакомъ „большинства".

Не одни только дурные примѣры дѣйствуютъ заразительно. На меня заразительно подѣйствовала достойная подражанія попытка одного изъ коллегъ Ленина познакомить Каутскаго съ нашими „организаціонными разногласіями". Въ своемъ первомъ письмѣ къ нему я подчеркнулъ совпаденіе, по существу, его принципіальной позиціи въ организаціонныхъ вопросахъ съ взглядами „меньшинства". Въ слѣдующемъ письмѣ, вызванномъ его отвѣтомъ на первое, я подтвердилъ его догадку, что наши „разногласія съ приверженцами Ленина въ Россіи" „въ значительной мѣрѣ покоятся на недоразумѣніяхъ", и попутно высказалъ нѣсколько замѣчаній объ объективной подкладкѣ и значеніи воцарившейся въ партіи организаціонной и идейной анархіи. Нѣкототорые изъ товарищей, прочитавшихъ копію моего письма, выразили желаніе, чтобы оно было напечатано въ „Искрѣ" — и я не вижу причины, по которой желаніе ихъ было бы неудобоисполнимо.

6-го іюня 1904 года.

Спѣшу отвѣтить на твое, сегодня полученное письмо.

Ты правъ и въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ *Россіи*[1]) (но не заграницей) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей не знакомы съ протоколами съѣздовъ партіи и Лиги и почти вовсе не читали „Искры" за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты; послѣдніе же прославляютъ его, какъ единственнаго, истиннаго и непреклоннаго, представителя революціонной соціальдемократіи, спасающаго ее отъ покровительствуемаго нами оппортюнизма. Такъ-какъ, однако, было бы слишкомъ рисковано прямо обвинить насъ въ оппортюнизмѣ на почвѣ программныхъ и тактическихъ вопросовъ, то Ленинъ и К° выбрали организаціонный вопросъ — именно первый пунктъ нашего партійнаго устава — исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ нападокъ и обвиненій противъ насъ. Но затѣмъ этотъ оппортюнизмъ sui generis (со своимъ слабымъ разсудкомъ я не въ состояніи понять, что это за штука такая „оппортюнизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ", — выдвигаемый на сцену, какъ нѣчто самостоятельное, внѣ органической связи съ программными и тактическими взглядами) превращается подъ рукой въ универсальный, господствующій надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ и дѣятельностью, оппортюнизмъ; и такимъ путемъ мы вдругъ оказываемся отрядомъ международной арміи оппортюнистовъ въ соціальдемократіи, частью ея „жиронды", ея „буржуазно-демократическаго крыла". Если же нѣсколько присмотрѣться къ тому содержанію, которое вкладываютъ Ленинъ и его приверженцы въ понятія „ортодоксальный марксизмъ" и „революціонная соціальдемократія", то мы получимъ тощія и безсодержательныя „идеи": „централизмъ", „строгая дисциплина", contra-„демократизмъ", „отсутствіе дисциплины" или „анархія" и „автономизмъ" Первыя двѣ изъ нихъ нѣсколько конкретизируются требованіемъ безпрекословнаго „повиновенія" и подчиненія", требованіемъ, вырождающимся на *практикѣ* не въ „якобинизмъ", бланкизмъ и т. п., а въ самую что ни на есть заурядную жалкую каррикатуру на бюрократически-автократическую систему нашего министерства внутреннихъ дѣлъ. Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я — mutatis mutandis — нисколько не преувеличиваю.

Какъ бы тамъ ни было, въ общемъ и цѣломъ ты правъ, если думаешь, что отношеніе ленинскихъ сторонниковъ къ намъ, по существу, основано на недоразумѣніи. Однако, это обстоятельство нисколько не рѣшаетъ вопроса: какъ могло случиться, что именно Ленинъ сдѣлался идоломъ такого значительнаго числа товарищей, что въ короткое время онъ произвелъ такой хаосъ въ ихъ головахъ и въ нашихъ партійныхъ отношеніяхъ, какой едва-ли когда либо существовалъ въ соціальдемократіи другихъ странъ? Ибо, поскольку я знаю исторію западной соціальдемократіи, въ большинствѣ изъ тѣхъ случаевъ, когда тамъ возникали конфликты и расколы, дѣло шло о разногласіяхъ программнаго и тактическаго характера, обѣими сторонами понятыми и формулированными, и лишь въ связи съ ними получали рѣшающее значеніе и организаціонные вопросы. У насъ же разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только въ тѣхъ *методахъ* и *пріемахъ, какими* Ленинъ и его пособники проводили на практикѣ всѣми нами признаваемый „централизмъ", въ ихъ практическомъ отношеніи къ товарищамъ, которые обнаружили склонность противодѣйствовать имъ или просто не соглашаться съ ними въ ничтожныхъ вопросахъ. Въ томъ-то и заключается чудовищность нашего положенія, что на почвѣ мелочей въ партіи могъ возникнуть и получить господство бюрократически-бонапартистскій режимъ!

Дѣйствительная же причина этого явленія лежитъ въ томъ, что мы еще вовсе не составляемъ *политической* партіи въ настоящемъ смыслѣ слова, между тѣмъ, какъ по своимъ субъективнымъ стремленіямъ и объективнымъ требованіямъ нашего положенія должны бы уже быть такой партіей[2]). Мы страдаемъ

---

[1]) Если не говорить объ агентахъ, спеціально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію.

[1]) Примѣчаніе для русскихъ читателей, а въ особенности для проницательныхъ.

Я подразумѣваю „политическую партію" современнаго типа, господствующаго въ государствахъ конституціонныхъ. Революціонныя группы и организаціи, существовавшія въ нихъ въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ, вообще лишены были основныхъ признаковъ, характеризующихъ политическія партіи въ современномъ смыслѣ. И у насъ несоціальдемократическія революціонныя группы и фракціи лишены этихъ признаковъ, изъ которыхъ однимъ изъ главныхъ, или вѣрнѣе, главнымъ является практическая близость, непосредственная связь партійной организаціи съ широкими слоями населенія или классами, на почвѣ совмѣстной съ ними борьбы за ихъ интересы. Россійская соціальдемократія, сравнительно со всѣми прежде существовавшими и нынѣ существующими въ современной Россіи революціонными и оппозиціонными организаціями и группами, опирается непосредственно на широкія общественныя массы — на передовые слои пролетаріата — и съ самаго начала планомѣрно искала сближенія съ этими массами. Поэтому она и является у насъ единственной, относительно организованной, революціонной силой, представляющей собою нѣкоторое подобіе современной, т. е. дѣйствительной политической партіи. Но только: „нѣкоторое подобіе". Въ этомъ смыслѣ я и говорю въ текстѣ, что мы еще не являемся „*политической* партіей въ настоящемъ смыслѣ слова".

Мнѣ могутъ сказать: „при абсолютизмѣ образованіе такой партіи и невозможно, а потому всякія разсужденія на эту тему совершенно безплодны". Но объ этомъ придется спеціально поговорить въ другой разъ. Здѣсь же замѣчу только, что тѣ товарищи, которые такъ думаютъ, обнаруживаютъ большую непослѣдовательность, когда они ратуютъ за „строго централизованную организацію" съ „авторитетными *политическими* вождями и руководящими центрами" во главѣ. Такая организація, точно такъ же, какъ и „принципіально выдержанная" соціальдемократическая программа дѣйствія предполагаетъ, какъ реальную посылку, наличность классовой пролетарской партіи или, по меньшей мѣрѣ, неуклонное, сознательное развитіе данной политической коллективности въ этомъ направленіи. При отсутствіи же этой посылки, та и другая, не соотвѣтствуя дѣйствительному возрасту партійной коллективности, могутъ принести ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Политическому зародышу

съ ними по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ губ. Тѣмъ не менѣе, даже тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, позволяетъ заключить. что „недородъ" хлѣбовъ и травъ распространяется на значительную часть хлѣбородной площади Россіи. Петербургская, Псковская, Новгородская, Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Кіевская, Полтавская, Черниговская губерніи, Бессарабія и весь Новороссійскій край въ той или другой степени пострадали отъ неурожая. Какъ мы уже сказали, въ настоящее время еще нѣтъ возможности опредѣлить силу неурожая, но въ переживаемый моментъ даже такъ называемый „пестрый" урожай является серьезнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что на международномъ хлѣбномъ рынкѣ обстоятельства складываются далеко неблагопріятно для русскаго сельскаго хозяйства. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ ожидается вполнѣ удовлетворительный урожай. Слѣдовательно, русскій хлѣбъ останется въ низкой цѣнѣ, и крестьяне будутъ вынуждены вынести на рынокъ даже ту часть, которую они, при болѣе высокихъ цѣнахъ, могли бы оставить для собственнаго потребленія. Но главное зло заключается, разумѣется, въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя созданы для Россіи царемъ и окружающею его шайкою. Безумная война уже произвела громадныя опустошенія въ народно-хозяйственной жизни. Застой промышленности и торговли не можетъ не оказать гибельнаго вліянія и на положеніе сельскаго хозяйства. Городская безработица больно задѣнетъ и деревенское населеніе. Кромѣ того, крестьянство испытало и непосредственный ударъ. Сотни тысячъ людей оторваны въ самое горячее время отъ обычной мирной работы; сотни тысячъ семействъ остались безъ куска хлѣба и безъ возможности добыть его. Въ ближайшемъ будущемъ крестьянству придется перенести энергичное взысканіе податей и, вѣроятно, увеличеніе налоговъ. Такимъ образомъ, тяжесть неурожая усиливается въ нѣсколько разъ требованіями настоящаго политическаго положенія. Между тѣмъ, опутанное крѣпкою сѣтью крѣпостнически-полицейскаго строя крестьянство и при обычныхъ условіяхъ никогда не могло собственными силами справиться съ послѣдствіями неурожаевъ и постоянно требовало государственной и общественной помощи. Но можно ли теперь разсчитывать на то, что помощь придетъ въ сколько нибудь существенныхъ размѣрахъ? Царское правительство, обирая крестьянъ до послѣдней нитки, никогда не считало своей обязанностью поддерживать голодающее населеніе. Подъ давленіемъ необходимости бюрократія выбрасывала крестьянамъ ничтожныя крохи собранныхъ народомъ богатствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, употребляла всѣ усилія, чтобы и эти жалкія подачки не ушли изъ чиновничьихъ рукъ. Земство, болѣе знакомое съ мѣстными нуждами, было отстранено отъ продовольственнаго дѣла. Частныя лица, въ простотѣ сердечной поспѣшившія на помощь голодному и холодному крестьянству, подверглись всевозможнымъ надругательствамъ и, какъ преступники, были высланы изъ неурожайныхъ мѣстностей. Сами голодающіе крестьяне были оффиціально объявлены лѣнтяями, желающими воспользоваться даровымъ хлѣбомъ. Такъ относилось правительство къ пострадавшему населенію въ мирное время. Теперь, когда оно занято безумною войною, крестьяне не могутъ разсчитывать даже на тѣ жалкія крохи, которыя имъ доставались раньше. Всѣ средства государства будутъ поглощены военными потребностями. По приблизительнымъ вычисленіямъ французскаго спеціальнаго журнала, война обходится Россіи по 70 милліоновъ въ мѣсяцъ. т. е. если военныя дѣйствія, какъ это весьма вѣроятно, продолжатся два года, то Россія должна будетъ израсходовать 1.600 милліоновъ рублей. Но французскій журналъ не могъ, конечно, принять въ расчетъ русскаго казнокрадства. Г. Гензель, знающій родныя условія, высчитываетъ стоимость войны въ 90 милліоновъ рублей ежемѣсячно. Между тѣмъ, къ началу войны правительство имѣло свободныхъ денегъ на военныя нужды всего около 518 милліоновъ. Майскій заемъ далъ ему еще около 292 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ ни о какой серьезной помощи голодающимъ не можетъ быть и рѣчи. Необоротъ, правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы „выбить" изъ населенія не только 15 милліоновъ для уплаты процентовъ по новому займу, но и тѣ *сотни милліоновъ*, которые необходимы для дальнѣйшаго веденія войны.

Не могутъ помочь голодающимъ и земскія учрежденія. И они такъ же, какъ и правительство, только усиливаютъ тяжесть неурожая своими пожертвованіями на военныя нужды. По сообщенію „Правит. Вѣстника", до 11 марта 15 губернскими собраніями было ассигновано на военныя нужды 4.710,000 руб. Съ тѣхъ поръ сумма пожертвованій, навѣрно, удвоилась. Эти 8 милліоновъ составляютъ новый налогъ, свалившійся на измученное крестьянство вслѣдствіе „высшихъ" соображеній земской политики. И если бы даже земство имѣло возможность оказывать поддержку неурожайнымъ мѣстностямъ, то это было бы простымъ перекладываніемъ денегъ изъ одного крестьянскаго кармана въ другой. Но, къ сожалѣнію, нелѣпая земская политика „патріотизма" сдѣлала невозможной даже такую „помощь". Дѣло въ томъ, что земскія собранія, жертвуя милліоны на нужды арміи и флота, и въ непосредственное распоряженіе царя, совершенно забыли о томъ, что по закону 25 іюня 1877 года на земскія и городскія общества возложена обязанность заботиться о семьяхъ запасныхъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ, мобилизація, захватывая все болѣе и болѣе обширный районъ, вызвала такую острую нужду въ оставшихся безъ работниковъ семьяхъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило обратить вниманіе губернаторовъ на своевременное удовлетвореніе ходатайствъ, поступающихъ отъ семей призванныхъ къ оружію солдатъ. Губернаторы съ удовольствіемъ напомнили земству объ его обязанностяхъ, но земскія деньги уже отправлялись на Дальній Востокъ въ видѣ санитарныхъ отрядовъ или лежали въ разныхъ „комитетахъ" по сооруженію флота и т. д. Больше взять денегъ было рѣшительно неоткуда, и недавно гордые „патріоты", попавъ въ затруднительное положеніе, принимаютъ такія нелѣпыя и постыдныя рѣшенія, какъ Харьковское губ. собраніе, которое, только что пожертвовавъ 1½ милліона на войну, теперь проситъ у правительства 2 милліона взаймы на пособія семьямъ запасныхъ солдатъ. По разсчетамъ „Новаго Времени" на эти пособія потребуется, въ общемъ, не менѣе 30 милліоновъ рублей. Какъ найдутъ эту сумму земства и найдутъ ли они ее — трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, голодающее населеніе не имѣетъ никакихъ основаній разсчитывать на серьезную поддержку со стороны земскихъ учрежденій.

Нельзя надѣяться и на добровольцевъ филантроповъ. Во-первыхъ, Плеве ихъ не пуститъ въ деревню, а „благотворить" черезъ посредство урядниковъ и земскихъ начальниковъ не согласится даже россійскій обыватель; во-вторыхъ, война отозвалась и на обывательскомъ карманѣ. Въ предстоящей голодной „кампаніи" крестьянинъ, такимъ образомъ, останется безъ союзниковъ... если къ нему не придетъ революціонеръ. И онъ долженъ прійти...

Мы считаемъ излишнимъ доказывать товарищамъ важность настоящаго момента. При самомъ скептическомъ отношеніи къ современной дѣйствительности очевидно, что всеобщая растерянность и всеобщее недовольство, переживаемое нынѣ Россіей, обязываютъ партію революціоннаго дѣйствія къ рѣшительной и беззавѣтной борьбѣ. Каждый день войны приноситъ въ Россію новый фактъ полной неспособности самодержавія, каждый день увеличиваетъ непосредственныя страданія народныхъ массъ. Голодъ, тяжесть котораго ни правительство, ни „общество" не будутъ въ состояніи ослабить, подавитъ послѣдніе остатки „патріотическихъ" чувствъ и вызоветъ раздраженіе въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и въ самыхъ заглохшихъ умахъ. Въ такіе моменты, по авторитетному сужденію покойнаго Сипягина, каждый городъ, каждое мѣстечко, каждый поселокъ превращается въ „благопріятную почву для противоправительственной агитаціи", тѣмъ болѣе благопріятную, что мысль о неразрывной связи голода съ царизмомъ въ достаточной мѣрѣ популярна среди значительной части русскаго населенія. Неудачная война, голодъ, раззореніе при наличности революціонно настроеннаго пролетаріата, озлобленнаго крестьянства, недовольнаго „общества", — въ такіе рѣдкіе моменты надо, по выраженію Г. В. Плеханова, агитировать или оставаться за флагомъ!

Быть можетъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россіи придется подводить итоги политикѣ военныхъ приключеній и самодержавнаго произвола. Каковы бы они ни были въ конечномъ результатѣ, ихъ содержаніе опредѣлится столкновеніемъ между царизмомъ и „обществомъ". Передъ революціонной социальдемократіей развертывается, слѣдовательно, грандіозная перспектива организовать настолько сознательное участіе народныхъ массъ въ предстоящей схваткѣ между отживающимъ азіатскимъ и нарождающимся европейскимъ строемъ, чтобы народъ боролся за политическія права для себя, а не за политическія привиллегіи для своихъ эксплуататоровъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда революціонная соціальдемократія, ни на минуту не забывая особеннаго характера присущихъ ей задачъ, возьметъ на себя иниціативу и главную роль въ общемъ антицаристкомъ движеніи и объединитъ подъ своимъ знаменемъ городскія и сельскія народныя массы. Въ городахъ вліяніе соціальдемократіи достаточно велико; теперь же, когда война, голодъ и раззореніе до болѣзненности обострятъ гнетъ крѣпостныхъ пережитковъ въ современной деревнѣ, передъ партіей пролетаріата открывается широкая дорога къ уму и сердцу крестьянина. Крѣпкое сплоченіе въ единую армію городскихъ рабочихъ, революціоннаго класса по отношенію ко всему существующему строю, и крестьянства, революціоннаго класса по отношенію къ полуфеодальному строю, сохранившемуся въ сельской Россіи, становится близкимъ и возможнымъ.

Но ставя себѣ задачей повліять на народныя массы и побудить ихъ къ непосредственному дѣйствію, соціальдемократическая партія обязана немедленно выяснить характеръ и содержаніе предстоящей дѣятельности. Та обычная полупропаганда-полуагитація, которая ведется въ историческіе будни, едва ли умѣстна въ настоящее „смутное" время. Въ моментъ всеобщей растерянности и всеобщаго ожиданія перемѣнъ недостаточно „проповѣдывать" необходимость сверженія самодержавія; необходимо перейти къ разъясненію тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ совершится это сверженіе, и дать руководящія указанія, съ чего начать. Поэтому, мы полагаемъ, что насталъ моментъ придать болѣе конкретный характеръ обычной революціонно-просвѣтительной агитаціи нашей партіи. Исходя изъ многочисленныхъ фактовъ, которые показываютъ полную неспособность царскаго правительства развязать мертвую петлю, затянутую имъ на народной шеѣ, мы должны сосредоточить главное вниманіе на популяризаціи того пункта нашей программы который гласитъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе политическихъ и соціальныхъ преобразованій въ Россіи, достижимо лишь путемъ низверженія царскаго самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

Благодаря нашей агитаціи, требованіе созыва учредительнаго собранія должно широко разлиться по Россіи и громко зазвучать изъ глубины народныхъ массъ, изъ всѣхъ городовъ и поселковъ. И когда мысль объ учредительномъ собраніи, какъ единственномъ выходѣ изъ современнаго положенія, станетъ дѣйствительно народнымъ достояніемъ, — революціонная соціальдемократія можетъ смѣло начать открытую войну противъ царизма и завоевать въ ней такія политическія позиціи, которыя она уже не отдастъ запоздавшей въ битву буржуазіи.

„РЕВОЛЮЦІОНАЯ РОССІЯ" ПРОТИВЪ „УМѢРЕННОЙ" НѢМЕЦКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

Въ страшно трудной, почти трагической борьбѣ, которую революціонная „лѣвая" европейскаго соціализма ведетъ съ оппортунистической „правой", „Революціонная Россія" умудрилась, за три года своего существованія, сохранить полный таинственности нейтралитетъ. Ни борьба такъ называемыхъ „гэдистовъ" и „бланкистовъ" съ жоресистами и мильерандистами во Франціи, ни историческіе дебаты Дрезденскаго конгресса, ни борьба итальянскихъ революціонеровъ съ „реформистами" на недавнемъ Болонскомъ съѣздѣ не оказались достаточно важными мотивами, чтобы вызвать *редакцію* „Рев. Рос". на откровенное выраженіе своего отношенія къ жгучимъ, „проклятымъ вопросамъ" международнаго соціализма. Она до сихъ поръ дипломатически отмалчивалась. Органъ, претендующій чуть ли не на монополію „настоящаго", боевого революціонизма, оказался глухъ и нѣмъ въ вопросѣ: *быть или не быть современному соціализму революціоннымъ или даже: быть или не быть соціализму вообще*, ибо нельзя же на самомъ дѣлѣ признать соціализмомъ министерскій карьеризмъ, извѣстный подъ именемъ жоресизма или мильеранизма.

За то мы находимъ въ № 47, отъ 20 мая 1904 г., этой газеты грозный окрикъ по адресу германской соціальдемократіи, за ея недостаточную революціонность. Инцидентъ этотъ заслуживаетъ вниманія.

Статья „Рев. Рос." носитъ заглавіе: „Къ вопросу объ эволюціи германской соціальдемократіи", она написана, какъ почти всѣ передовыя статьи этой газеты: безконечно-размашисто, невыносимо-краснорѣчиво, олимпійски-величаво и сокрушающе-грозно. Въ ней отъ трехмилліонной соціальдемократической партіи не осталось ничего или очень мало достойнаго вниманія читателей „Рев. Россіи". Она составлена по извѣстному „методу цитатъ", назначеніе которыхъ доказать въ n+1-ый разъ, что въ разное время разные соціальдемократы разно думали. Я прошу, поэтому, читателя уволить меня отъ разбора этихъ далеко не свѣжихъ плодовъ эрудиціи передовика „Рев. Рос.". Любопытные могутъ найти эти самыя цитаты въ оправѣ болѣе тонкой работы въ рѣчахъ Фольмара и другихъ нѣмецкихъ оппортунистовъ, въ твореніяхъ Бернштейна и въ недавно съ этой цѣлью издан-

---

подъ гнетомъ колоссальнаго несоотвѣтствія между потребностью въ крѣпкой организаціи и единствомъ дѣйствія на принципіальномъ соціальдемократическомъ базисѣ, съ одной стороны, и примитивнымъ характеромъ нашего движенія, съ другой. Это несоотвѣтствіе породило у насъ своего рода организаціонный фетишизмъ, — вѣру въ чудодѣйственную, внутреннюю творческую силу „совершенной" формы организаціи. Но такъ какъ внутреннее развитіе нашей партіи, характеръ и размѣры ея реальной дѣятельности, ея пропаганды и агитаціи, степень политической опытности и зрѣлости нашихъ товарищей, внѣшнія трудности; — словомъ, такъ какъ цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ задерживалъ органическое выростаніе такой формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ и потребностямъ нашей партіи, то нашими товарищами овладѣло чувство безсилія и безпомощности.

До демонстрацій 1901 года дѣятельность нашей партіи, не вынуждавшейся къ большимъ, ослѣпительно-яркимъ актамъ, развивалась, сравнительно, медленнымъ темпомъ; однако, это не мѣшало ей быть единственной, задававшей тонъ, силой на нашей революціонной аренѣ. Но вотъ вдругъ наступилъ новый, рѣзко политическій, періодъ, поставившій предъ соціальдемократіей задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ она подготовлена была предыдущимъ періодомъ. Безъ соотвѣтсвенной подготовки мы должны были, въ новой общественной атмосферѣ, сохранить за собой преобладаніе на политической аренѣ и сплотиться для этого въ централизованную организацію, должны были при томъ оставаться на строго принципіальной почвѣ, выступая въ тѣсной связи съ рабочими массами, въ качествѣ ихъ политическаго авангарда, какъ послѣдовательная, принципіально-выдержанная классовая партія пролетаріата. Для надлежащаго выполненія всего этого намъ необходимо было бы пройти черезъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ; но время этого не допускало, и мы должны были ухватиться за наиболѣе простые и доступные намъ средства и методы борьбы, — за демонстраціи. Въ остальномъ же все оставалось по прежнему или, вѣрнѣе, въ одномъ отношеніи мы пошли даже назадъ, ибо такъ называемая экономическая агитація была въ очень сильной степени совсѣмъ заброшена. Словомъ: въ то время, когда броженіе въ народныхъ массахъ видимо росло, когда политическое недовольство самыхъ разнообразныхъ слоевъ „общества" все увеличивалось, и все чаще выступали наружу явленія, указывавшія на формированіе и ростъ буржуазно-революціонной демократіи, — соціальдемократія продолжала дѣйствовать въ рамкахъ старыхъ мѣстныхъ организацій, не дѣлая никакихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, т. е. въ расширеніи и углубленіи пролетарскаго содержанія своей практики. И наши товарищи все сильнѣе чувствовали противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно бы быть, между фактическимъ состояніемъ своей партіи и запросами, предъявляемыми къ ней.

Гдѣ же выходъ изъ этого плачевнаго положенія, въ чемъ спасеніе отъ него? — „Строго-централизованная организація съ принципіально послѣдовательными руководителями во главѣ въ центрѣ" — таковъ былъ спасительный лозунгъ!

Нѣтъ надобности, конечно, подробно разъяснять тебѣ, что ни крѣпкая организація, ни штабъ практическихъ *политическихъ* вождей не могутъ — подобно Минервѣ изъ головы Юпитера — вдругъ появиться на свѣтъ, какъ готовый продуктъ, въ результатѣ чьего-либо властнаго приказанія или какого-нибудь волшебнаго дѣйствія. Жизнеспособная организація и дѣйствительно руководящая группа политическихъ вождей могутъ развиться лишь постепенно, извнутри партіи, на почвѣ ея практики, путемъ *самовоспитанія* и ея коллективнаго приспособленія къ условіямъ времени и мѣста. А между тѣмъ, какъ я уже выше указалъ, такой процессъ выработки или образованія организаціи исключался или во всякомъ случаѣ крайне затруднялся общими условіями развитія россійской соціальдемократіи. Отсюда — то чувство безпомощности и безвыходности, которое явилось психологической почвой для развитія своеобразнаго организаціоннаго фетишизма. Какъ соціалисты прежнихъ временъ, когда современнаго рабочаго движенія еще не было, всѣ свои надежды возлагали на совершенный „планъ" „совершеннаго" общества, во всѣхъ своихъ деталяхъ разработанный какой-нибудь умной головой, — такъ наши товарищи начали чаять спасенія отъ совершеннаго плана организаціи. И этому, именно, психологическому состоянію Ленинъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ кругу значительной части товарищей. Не то, чтобы онъ дѣйствительно изобрѣлъ какой-нибудь замѣчательный планъ или же самъ являлся выдающимся организаторомъ. Но онъ былъ единственный изъ насъ, который какъ разъ слабыя стороны нашего движенія, въ частности, внутреннее чувство безсилія нашихъ „практиковъ", сумѣлъ использовать для себя, а можетъ быть, даже съ самаго начала систематически его эксплуатировалъ.

Я долженъ оборвать свое изложеніе, такъ какъ оно слишкомъ разростается. На этотъ разъ только еще нѣсколько строкъ.

По существу, наша программа и наша „строго-централистическая" организація, пока, только — форма или оболочка, которую еще необходимо заполнить (въ *практикѣ*) соотвѣтственнымъ соціальдемократическимъ содержаніемъ. По своему соціальному характеру и историческимъ задачамъ, россійская соціальдемократія представляетъ собою нѣчто среднее, промежуточное, — ни рыба, ни мясо. Она является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей, во имя соціализма, опору въ народныхъ массахъ, чтобы — *объективно* говоря — разрѣшить буржуазно-революціонную задачу. Но на этомъ пути она вызвала къ жизни рабочее движеніе и въ такой степени ассоціировалась съ марксизмомъ, что ей остается лишь одна альтернатива: либо идти дальше до полнаго развитія въ дѣйствительно *пролетарскую* классовую партію, либо же, какъ организованное (политическое) цѣлое, такъ же исчезнуть съ исторической сцены, какъ въ свое время исчезла „Народная Воля" и другія народническія партіи. А между тѣмъ, именно въ послѣдніе годы она сдѣлала остановку въ развитіи пролетарскаго содержанія своей практики. А эта пріостановка — въ связи съ *формальной* побѣдой „Искры" надъ „экономизмомъ" и другими отсталыми теченіями въ нашей партіи — привела и къ интеллектуальному регрессу: у большинства товарищей ихъ „ортодоксальный марксизмъ" и „принципіальная выдержанность" сводятся, какъ я уже выше говорилъ, къ такимъ общимъ, безсодержательнымъ представленіямъ, какъ „централизмъ", „дисциплина", „престижъ Ц. К." и т. п. банальностямъ. Русская поговорка гласитъ: „въ мутной водѣ легко рыбу ловить". При такомъ состояніи нашей партіи, легко вести бонапартистскую демагогическую политику и препятствовать концентраціи всѣхъ ея силъ надъ изысканіемъ путей и средствъ для поднятія ея на новую ступень развитія въ принципіально пролетарскомъ смыслѣ. Путемъ самокритики (прошедшаго и настоящаго партіи, ея односторонностей и проч.) мы обращаемъ вниманіе товарищей на жизненный вопросъ нашей партіи: *„что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская соціальдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію"*? Не рѣшивъ этой задачи, мы рискуемъ, что въ рѣшительный моментъ крупныя событія сметутъ ее съ исторической сцены. Постоянное указываніе на необходимость возможно болѣе скораго рѣшенія этой проблеммы, разоблаченіе опасности, которой партіи угрожаетъ ея остановка на теперешней стадіи развитія, выясненіе тѣхъ средствъ и опорныхъ пунктовъ, которыми мы должны воспользоваться, чтобы проложить путь разрѣшенію этой проблеммы — во всемъ этомъ заключается миссія, такъ называемаго „меньшинства" или оппозиціи. Ленинъ же и К° своими дезорганизаторскими методами и систематическимъ заподазриваніемъ нашихъ критическихъ и положительныхъ разъясненій толкаетъ партію не только къ расколу, но и къ полному разложенію.

Въ этомъ — истинный смыслъ и значеніе нашихъ „разногласій". Послѣднія лишь отражаютъ элементарный историческій процессъ, о значеніи и смыслѣ котораго значительное большинство товарищей едва ли и имѣетъ какое-нибудь представленіе.

П. Аксельродъ.

онѣ такъ же мало подходятъ, какъ вицъ-мундиръ, парадная шляпа и внушительная палка — ребенку. Это несоотвѣтствіе программнаго и организаціоннаго облаченія нашей партіи съ ея младенческимъ возрастомъ и проявилось такъ рѣзко въ томъ поразительномъ фактѣ, что именно формальное „объединеніе" ея положило начало господству такого идейнаго и организаціоннаго хаоса въ ней, по сравненію съ которымъ даже анархія кустарническаго періода можетъ показаться образцомъ внутренняго единенія и порядка. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ формальнаго объединенія. Воцарившійся хаосъ указываетъ лишь на то, что если мы не воспользуемся нашимъ организаціоннымъ аппаратомъ, какъ рычагомъ для дальнѣйшаго развитія соціальдемократіи въ смыслѣ возможно болѣе полнаго приближенія ея къ типу пролетарской политической партіи, наше формальное „объединеніе" явится для нея лишь внутреннимъ факторомъ дезорганизаціи и разложенія. А потому тѣ товарищи, которые, объявляя утопіей стремленіе къ систематическому самопреобразованію россійской соціальдемократіи — въ оковахъ абсолютизма — изъ партіи революціонной интеллигенціи, *опирающейся* на пролетаріатъ, въ классовую партію самого пролетаріата, — *вмѣстѣ съ тѣмъ* фанатически стоятъ за „строгую централизацію" и т. п., безсознательно произносятъ смертный приговоръ надъ россійской соціальдемократіей, какъ исторически сложившейся партійной коллективностью.

ной брошюрѣ Поля Кампфмейера, бывшаго анархиста и „независимаго“, а нынѣ благополучно пребывающаго въ бернштейновскомъ лагерѣ.

Я буду слѣдовать методу менѣе скучному и, если можно такъ выразиться, болѣе благородному. Я стану на точку зрѣнія передовика „Революц. Россіи“. Пусть его устами глаголетъ истина. Пусть нѣтъ ни одного атома революціонности въ германской соціальдемократіи. Посмотримъ же, что изъ этого слѣдуетъ?

Представьте себѣ на минуту слѣдующій, мало вѣроятный случай. Предъ вами держатъ приблизительно такую рѣчь: Вотъ самостоятельная, строго классовая рабочая партія съ научно-обоснованной соціалистической программой, твердо и неуклонно преслѣдующей сверженіе капиталистическаго строя. *Но у нея* одинъ крупный пробѣлъ. Она стремится къ своей цѣли исключительно *легальными* средствами. Но вотъ вамъ другая партія. Она представляетъ самую разнородную смѣсь до подлинныхъ и готовыхъ „на все“ революціонныхъ брандмейстеровъ, съ зажигательными рѣчами на устахъ, съ карманами, полными страшныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, но, увы, съ невѣроятной теоретической кашей въ головахъ и полной организаціонной и программной анархіей. *Выбирайте.* Признаюсь, что я, какъ и всякій, послѣдовательно мыслящій соціалистъ, сознающій необходимость и неизбѣжность революціонныхъ способовъ борьбы, ни на минуту не задумался бы отдать предпочтеніе пролетарской и классовой партіи *легалистовъ*, отвергнувъ, съ болью въ сердцѣ, брандмейстеровъ и конфузіонистовъ. Ибо всякій, знакомый хотя бы съ азбукой революціоннаго дѣла, прекрасно знаетъ, что *нѣтъ большей опасности* для революціи и соціализма, чѣмъ теоретическая путаница и организаціонный и программный хаосъ. А вотъ и другія соображенія по этому поводу.

Соціальдемократическая пролетарская партія, которая признавала бы исключительно легальныя средства, стояла бы *отчасти* на ложномъ пути, она жестоко ошиблась бы въ *одномъ* вопросѣ, вопросѣ, конечно, первостепенной важности. Но каковы были бы *практическія* послѣдствія этой ошибки? Полагаю, что эти послѣдствія не были бы такъ страшны. Соціальдемократія, проникнутая классовымъ революціоннымъ духомъ, отстаивающая *фактически революціонные* интересы пролетаріата, неминуемо, въ силу вещей, даже противъ воли, становится на революціонную почву. Она всей своей дѣятельностью, всѣми своими успѣхами, толкается на революціонный путь. Раньше или позже она, должна будетъ стать, она *станетъ* на этотъ путь. Она двигается къ революціи, хотя ошибочно воображаетъ, что направляется къ мирному прогрессу. Давно извѣстно, что дѣйствительный путь политическихъ партій, какъ и отдѣльныхъ личностей, далеко не совпадаетъ съ желательнымъ для нихъ и заранѣе ими очерченнымъ маршрутомъ. Это мы, между прочимъ, видимъ и на примѣрѣ нѣмецкой соціальдемократіи, которая, и по признанію передовика „Рев. Рос.“, должна была поставить вопросъ о революціонныхъ средствахъ „ребромъ“.

Но если соціалистическая пролетарская партія революціонна malgré elle, въ силу своей исторической и соціальной „сущности“, то какъ разъ обратное явленіе наблюдается по отношенію къ конфузіонистамъ и „революціоннымъ“ брандмейстерамъ. Тѣ же общія причины — опредѣленная соціально экономическая основа и строго выдержанное революціонное міросозерцаніе, — которыя дѣлаютъ изъ пролетарской партіи растущую историческую революціонную силу, превращаютъ хаотическую коалицію конфузіонистовъ и брандмейстеровъ въ реакціонную массу malgré elle, т. е. несмотря на временную и преходящую волю ея случайныхъ отдѣльныхъ представителей, подчасъ достойныхъ всякаго уваженія. Сколько бы послѣдніе ни говорили о революціи, сколько бы они даже ни „дѣлали“ ее, они своей точкой зрѣнія, своимъ партійно-соціальнымъ положеніемъ, всѣми своими анархическими и индивидуалистическими формами мышленія и дѣятельности, осуждены сыграть реакціонную роль, очутиться, въ концѣ концовъ, въ реакціонномъ лагерѣ, реакціонномъ съ точки зрѣнія революціоннаго пролетаріата и его теоретическихъ представителей.

Политическіе и экономическіе противники соціальдемократіи *являются лучшими* судьями въ этомъ вопросѣ. Могущественный инстинктъ самосохраненія имъ диктуетъ вѣрный взглядъ на фактическое положеніе дѣлъ. И вотъ эти то противники преслѣдовали нѣмецкую соціальдемократію, несмотря на ея „легальную“ аммуницію, какъ настоящую революціонную партію.

У „революціонныхъ“ брандмейстеровъ единственнымъ критеріемъ революціи часто являются кровь и мученичество, физическая жертва. Но и съ этой точки зрѣнія нельзя сказать, чтобы наши нѣмецкіе товарищи такъ отстали. Бросьте хотя бы бѣглый взглядъ на періодически печатающіяся въ нѣмецкой соціальдемократической прессѣ извѣстія о тысячахъ лѣтъ тюремнаго заключенія и крупныхъ штрафахъ. Заголовокъ этихъ извѣстій гласитъ скромно, хотя не безъ умысла: „Подъ новымъ курсомъ“ и т. п. Но извѣстія эти могли бы носить съ такимъ же правомъ названіе: „революціонная хроника“. Еще Марксъ замѣтилъ, что пролетарская революція *отстаетъ* отъ фразы, ставя революціонность *дѣла* выше революціонности *выраженія*. Можетъ быть этимъ отчасти объясняется, что нѣмецкая соціальдемократическая пресса страдаетъ отсутствіемъ органа: „Революціонная Германія“ въ pendant къ газетѣ „Револ. Россія“.

Пролетарская кровь, какъ и пролетарскія слезы, льются и видимо и „невидимо“.

Неужели ретивый и черезъ чуръ краснорѣчивый передовикъ „Р. Р.“ ничего не слышалъ, напримѣръ, о стачкѣ въ Криммичау и тому подобныхъ проявленіяхъ классовой борьбы, стоившихъ нѣмецкому пролетаріату не мало слезъ и крови?...

Разъ мы, противъ воли, очутились въ области quasi маратовскаго, хирургическаго пониманія революціи, то позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о сентенціи Либкнехта, цитируемой передовикомъ „Рев. Рос.“ На Эрфуртскомъ съѣздѣ покойный Либкнехтъ сказалъ: „Сила отъ вѣка (въ текстѣ оффиціальнаго протокола: seit Jahrtausende) была реакціоннымъ факторомъ“. Мнѣ извѣстно, что, когда въ началѣ 90 годовъ эту фразу процитировали Энгельсу, онъ очень рѣзко осудилъ ее, не смотря на „предисловіе“, смыслъ котораго былъ, кстати сказать, не тотъ, который ему придаетъ передовикъ „Р. Р.“.

Безспорно, что Либкнехтовская фраза, вырвавшаяся у него въ пылу полемики съ революціонными брандмейстерами того времени, носившими названіе „die Jungen“, поголовно почти перекочевавшими нынѣ въ Бернштейніанскій лагерь, неточна и можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но вѣрно и то, что она допускаетъ — и *безъ особенныхъ натяжекъ* — толкованіе, придающее ей глубокій смыслъ. Если взять грубую, физическую силу, какъ таковую, не сопровождающуюся общественно революціонными стремленіями, такъ сказать, *тѣло* революціи, безъ ея *духа*, то можно, *безъ всякаго* преувеличенія, сказать, что *сила была всегда реакціонна*. Революціонное употребленіе насилія *всегда* сопровождается революціонными *стремленіями*, обусловливается революціоннымъ *міросозерцаніемъ*, сопряженнымъ съ выступленіемъ новаго революціоннаго класса. Одна лишь реакція опирается, опиралась и будетъ опираться на одной *голой* силѣ, на грубомъ фактѣ насилія. Насиліе въ революціи имѣетъ чисто случайный, временный и служебный характеръ. Для реакціи же оно *въ борьбѣ* является какъ бы „сущностью“. Ея „духовныя оружія“ („Geistige Waffen“) борьбы, напротивъ, играютъ роль случайнаго придатка къ „саблѣ, которая рубитъ“ и къ „ружью, которое стрѣляетъ“ (der Säbel der haut, die Flinte die schiesst). Самыя рѣшительныя битвы политическаго и соціальнаго прогресса, не въ обиду революціонному передовику „Р. Р.“ будь сказано, суть „духовнаго“ свойства — пропаганда, агитація и организація. Насильственная же революція является лишь заключительнымъ звеномъ движенія, вѣнцомъ въ потѣ лица построеннаго зданія. „Мирный“ сѣятель „добраго и разумнаго“ долженъ долго и основательно поработать, чтобы подготовить возможность революціонной „жатвы“.

Это обстоятельство, замѣтимъ мимоходомъ, есть одна изъ причинъ, которыя вырываютъ пропасть между мыслящимъ соціальдемократомъ и мечтающимъ „соціалистомъ революціонеромъ“: первый *органически* не способенъ вѣрить въ „единовременность“ политическаго и болѣе или менѣе соціалистическаго переворота, въ народовольческій утопическій планъ жатвы на незасѣянной нивѣ, который „П. С. Р.“ поспѣшила перенять отъ своихъ предшественниковъ.

Итакъ, *голая сила, голое насиліе всегда реакціонны.* Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ, Либкнехтъ сказалъ великую правду.

Возьмите хоть бы современную Францію.

Ни одна партія не говоритъ столько о необходимости *насильственнаго* низверженія господствующаго во Франціи режима, какъ „черная партія“, т. е. партія отъявленнѣйшихъ реакціонеровъ-націоналистовъ. Каждый божій день „соціологъ“ Дрюмонъ требуетъ въ „Libre Parole“ браваго генерала, который огнемъ и мечемъ вымелъ бы изъ Франціи „республиканскую сволочь“. Онъ чуть ли не ежедневно провозглашаетъ нравственное, замѣтьте, нравственное паденіе Франціи именно въ силу того обстоятельства, что когда то чрезвычайно смѣлая и революціонная нація до сихъ поръ медлитъ доставкой такого генерала.

За французскимъ Крушеваномъ слѣдуетъ Морисъ Барресъ, любитель „тонкихъ“ ощущеній, „теоретическій“ глава французскихъ реакціонныхъ индивидуалистовъ и ничшеанцевъ, изъ славнаго гнѣзда Жюля Леметра и Коппе.

Этотъ герой будуаровъ, въ свою очередь, требуетъ „профессора энергіи“ въ лицѣ новаго Наполеона, который смастерилъ бы „Coup d'état“.

Впрочемъ, это явленіе мы замѣчаемъ не въ одной только Франціи. Никто за послѣднее десятилѣтіе не произнесъ столько, по истинѣ, кровавыхъ и зажигательныхъ рѣчей, сколько императоръ Вильгельмъ, противникъ соціальдемократовъ — „легалистовъ“. Неужели всѣ эти проповѣдники употребленія коллективнаго насилія, неужели всѣ эти Дрюмоны, Жюль Леметры, Коппе, Барресы, Вильгельмы должны быть признаны „революціонерами“? Если послѣдовательно держаться исключительно „хирургическаго“ пониманія революціи, то пожалуй, пришлось бы отвѣтить: *да.*

Но это обстоятельство, это неизбѣжное reductio ad absurdum (сведеніе къ абсурду) ложной точки зрѣнія показываетъ именно, что хирургическое пониманіе революціи глубоко одностороние и чрезвычайно опасно. Передовикъ „Р. Р.“, упрекая нѣмецкую соціальдемократію въ отсутствіи революціонности, становится, самъ не сознавая этого на эту самую точку зрѣнія.

Нѣмецкой соціальдемократіи не въ первый разъ приходится выслушивать отъ разныхъ „революціонныхъ“ брандмейстеровъ (преимущественно, анархистовъ) обвиненіе въ „измѣнѣ“ революціи. Эти господа не вѣдаютъ, что говорятъ. Но прощать имъ ихъ нелѣпаго обвиненія все-таки не надо. Дѣло въ томъ, что гораздо легче писать передовыя статьи, гдѣ каждое слово:

Колетъ, рубитъ, рѣжетъ,

чѣмъ взять на себя отвѣтственность, политическую и нравственную, толкать милліоны организованныхъ рабочихъ подъ жерло императорскихъ пушекъ, не выждавъ для этого „настоящаго дня“, о большей или меньшей близости котораго мнѣнія въ одной и той же партіи могутъ и должны подчасъ расходиться.

Господа брандмейстеры отъ революціи любятъ иногда поиронизировать надъ „легальными“ побѣдами нѣмецкой соціальдемократіи, по поводу которыхъ Энгельсъ писалъ свое знаменитое „Предисловіе“. Но эти господа никогда, очевидно, не поставили себѣ серьезно слѣдующаго вопроса: „Что было бы съ европейскимъ и, пожалуй, съ американскимъ соціализмомъ *безъ* примѣра гигантскаго, хотя бы и мирнаго роста нѣмецкой соціальдемократіи?“ Возможно, что безъ этого — міроваго фактора, провозгласившаго способомъ, *понятнымъ для всѣхъ*, приближеніе новой эры, само появленіе „П. С. Р.“ и ея органа „Р. Р.“ не имѣло бы мѣста. И передовикъ „Р. Р.“ не имѣлъ бы возможности, съ высоты своей злосчастной кучи цитатъ, величественно преподносить урокъ революціи трехъ-милліонной рабочей партіи.

Пусть тѣ или другія замѣчанія Энгельса, Либкнехта и Бебеля, неизбѣжно вызванныя временными политическими и тактическими соображеніями не вѣрны для настоящаго времени. Но это не устраняетъ и не умаляетъ того факта, имѣющаго крупное историческое значеніе, что *легальная* дѣятельность этихъ и имъ подобныхъ людей могущественно содѣйствовала созданію *величайшей революціонной силы*, подобной которой нѣтъ и не было. И если *временная* легальная тактика способствовала росту *этой* силы, то да здравствуетъ эта тактика, поскольку она была неизбѣжна въ прошломъ!

Когда эту силу хотѣли совратить на путь уже несомнѣнно реакціонный, разные Бернштейны, смѣлые и стыдливые, то брандмейстеры отъ революціи апплодировали этимъ попыткамъ, не видя и не понимая ихъ опаснаго реакціоннаго характера. И теперь еще „Рев. Рос.“ прославляетъ „теоретическую“ критику Бернштейна, не понимая (или игнорируя) что „теоретическая“ критика гг. Бернштейновъ была только орудіемъ ихъ стремленій къ *практическому* ревизіонизму.

Часъ рѣшительной борьбы для нѣмецкой соціальдемократіи, можетъ быть, скорѣе наступитъ, чѣмъ полагаютъ, не то черезъ чуръ наивные, не то черезъ чуръ хитрые брандмейстеры. Во всякомъ случаѣ нѣмецкій пролетаріатъ сдѣлаетъ *свою* революцію не тогда, когда этого желаютъ Вильгельмы и генералъ Богуславскій, которому лавры французскаго Галифэ не даютъ спать.

Классы, какъ и отдѣльныя личности, неизбѣжно переживаютъ періоды иллюзій, моменты тяжелыхъ колебаній и непріятной внутренней борьбы. Можно даже сказать, что чѣмъ жизненнѣе партія или личность, тѣмъ болѣе онѣ подвержены этимъ неизбѣжнымъ кризисамъ которые, по прекрасному выраженію Энгельса, надо durchfressen (переварить). Къ числу этихъ неизбѣжныхъ иллюзій, отъ которыхъ можетъ и могъ излѣчить только горькій опытъ, принадлежитъ вѣра во всемогущество легализма и реформизма.

Но то обстоятельство, что теорія Маркса, „догма“ марксистовъ помогли соціалистамъ разныхъ странъ освѣтить этотъ опытъ и побѣдить предразсудокъ легализма и миражъ реформизма, на почвѣ которыхъ нынѣ стоятъ одни „критики“ марксизма, показываетъ необходимость и пользу борьбы съ теоретическимъ и практическимъ конфузіонизмомъ, стремящимся скрасить свою теоретическую нищету практическимъ безсиліемъ, сіяющаго мишурнымъ блескомъ „революціоннаго“ брандмейстерства.

Х. Л. Раппопортъ [1]).

[1]) Авторъ статьи — бывшій членъ „партіи с.-р.“ недавно перешедшій къ марксизму.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Съ театра войны.

1) Письмо раненнаго солдата съ театра военныхъ дѣйствій:

„Много нашихъ земляковъ было въ знаменитомъ 11 полку въ битвѣ при Тюренченѣ. Лежу я въ госпиталѣ въ ... Раненъ въ плечо. Какъ только выздоровѣю снова меня пошлютъ въ полкъ. Мы стояли на Тюренченѣ. Японецъ двинулся на насъ тучей. Его было видимо невидимо. Если бы мы не побѣжали, оставивъ пушки, то всѣ погибли бы. Изъ нашей роты осталось всего 100 человѣкъ изъ 250. До Ляояна я, раненный, шелъ пѣшкомъ *200 верстъ.*

2) Письмо военнаго врача съ театра военныхъ дѣйствій:

„Въ арміи полная деморализація. Провіанту мало, солдаты голодаютъ. Офицеры крайне недовольны высшимъ начальствомъ. Начальство, съ своей стороны, многимъ офицерамъ не довѣряетъ и ставитъ кавалерійскихъ офицеровъ въ пѣхотныя части и наоборотъ. Провинившихся солдатъ безпрерывно сѣкутъ. Происходитъ нѣчто ужасное“.

Изъ Манджуріи. Ляоянъ 4 мая. Сообщаю свѣдѣнія кратко. Время не такое, чтобы много писать. Русскія войска на Ялу разбиты японцами, благодаря превосходству ихъ боевой тактики надъ русской — это во-первыхъ, превосходству ихъ артиллеріи — во-вторыхъ, отличному качеству корпуса японскихъ офицеровъ — въ-третьихъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, — удивительной храбрости ихъ солдатъ. Превосходство японской арміи надъ русской признано теперь и нашимъ полевымъ штабомъ. Штабъ главной квартиры, впрочемъ, все еще остается при своемъ мнѣніи. Во время боя 18 апрѣля 22-ой полкъ взятъ японцами въ плѣнъ вмѣстѣ со знаменемъ. Геройскаго поведенія 11-го полка отрицать нельзя. Отступленіе русскихъ отъ Ялу къ Фынъ-хуанъ-чену носило характеръ безпорядочнаго бѣгства людей, объятыхъ паническимъ ужасомъ. Разсказы очевидцевъ боя и отступленія полны самыхъ мрачныхъ красокъ.

Ген.-ад. Куропаткинъ отправилъ къ Николаю Романову курьера флиг.-ад. полковника кн. Васильчикова съ докладомъ о критическомъ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.

Это положеніе усугубляется присутствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій адмирала Алексѣева, который является однимъ изъ числа злыхъ геніевъ династіи Романовыхъ. Въ то время, какъ штабъ Куропаткина чисто дѣловой, штабъ Алексѣева — это сборище жуировъ, достойныхъ своего главы. Интриги, подсиживаніе Куропаткина и его „партіи“, сѣяніе раздоровъ между генералами, изобрѣтеніе новыхъ и новыхъ полицейскихъ мѣръ въ отношеніи арміи, а въ перерывахъ между этими невинными занятіями кутежи съ представительницами международнаго демимонда — вотъ вамъ слабая картина жизни двора сатрапа его величества на Дальнемъ Востокѣ. M-lle Люси, солидныхъ лѣтъ, возлюбленная ген.-ад. Алексѣева, царитъ въ этомъ кафе-шантанномъ мірѣ. Штабные офицеры всѣ давно отправили своихъ женъ въ Россію и всѣ теперь обзавелись новыми, пріѣхавшими изъ Шанхая, Чифу, Инкоу и даже Нагасаки. При отступленіи русскихъ на сѣверъ всѣ „эти дамы“ вѣроятно послѣдуютъ за главной квартирой. Вы, навѣрное, уже слышали, о мѣрахъ, принятыхъ Алексѣевымъ въ отношеніи русскихъ корреспондентовъ. Эти мѣры постигли и иностранныхъ корреспондентовъ. Нарисую такую картинку. Являются они въ Ляоянъ. Въ часъ дня ихъ накормили завтракомъ, напоили шампанскимъ съ тостами, а въ три убѣдительно попросили занять предназначенный для нихъ вагонъ въ отходящемъ изъ Ляояна на сѣверъ поѣздѣ въ Мукденъ и дальше. Разрѣшеніе ѣхать въ Ляоянъ было дано намѣстникомъ. Эта исторія будетъ еще имѣть свои послѣдствія.

Казнь японскаго полковника Іо-Ши-Ко и капитана Іо-Ки въ Харбинѣ произвела удручающее впечатлѣніе на офицеровъ арміи. Всѣ ждали, что намѣстникъ помилуетъ ихъ. Смерть японскихъ офицеровъ была удивительна по геройству. Русскіе офицеры, бывшіе на казни, отдали должное мужеству своихъ японскихъ собратьевъ. Передъ тѣмъ, какъ японскимъ офицерамъ завязали глаза, всѣ 200 русскихъ офицеровъ, бывшихъ на полигонѣ съ комендантомъ во главѣ, приложили руку къ козырьку, отдавая этимъ салютомъ должное храбрецамъ.

Этотъ поступокъ офицеровъ Алексѣевъ принялъ за демонстрацію и хотѣлъ даже возбудить противъ нихъ преслѣдованіе; только уговоры приближенныхъ умѣрили его охранительный пылъ.

Русская армія переполнена шпіонами внутренняго надзора. Ищутъ, конечно, не внѣшней измѣны, а внутренней крамолы. Въ поискахъ за послѣдней слишкомъ увлекаются и слишкомъ поздно открываютъ защитниковъ существующаго внутренняго правопорядка въ ихъ роли поставщиковъ японскому генеральному штабу свѣдѣній изъ русскаго штаба.

Совмѣщеніе службы русскихъ охранителей россійскому престолу и японскому генеральному штабу настолько характерно, что мы посвятимъ этому вопросу отдѣльный очеркъ, когда будемъ располагать точно провѣреннымъ матеріаломъ. Укажемъ пока на три случая. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ казненъ русскій штабный офицеръ (фамилія неизвѣстна) въ Ляоянѣ за выдачу японцамъ свѣдѣній о численности и дислокаціи русскихъ войскъ. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ арестованъ капитанъ Николаевъ въ Нижне-Уссурійскѣ за выдачу плановъ мѣстностей и высотъ отъ Владивостока до Нижне-Уссурійска; въ апрѣлѣ же былъ арестованъ контръ-адмиралъ кн. Ухтомскій за выдачу японцамъ плана минныхъ загражденій[1]). Его адъютантъ успѣлъ бѣжать въ Америку, захвативъ съ собой кассу портъ-артурской эскадры.

Закончу настоящую корреспонденцію сообщеніемъ такого эпизода:

Пріѣзжаютъ иностранные и русскіе корреспонденты изъ Ляояна въ Мукденъ. На вокзалѣ корреспондентовъ встрѣчаетъ г.-м. Флугъ.

Разражается буря.

— Вы варварами были и варварами останетесь, кричитъ корреспондентъ „Berl. Tag.“.

— Это безобразіе, кричатъ хоромъ всѣ остальные 27 иностранныхъ корреспондентовъ.

Больше всѣхъ горячится г. Кравченко, корреспондентъ „Новаго Времени“, получившій заказъ на батальныя картины отъ Николая Романова.

— „Новое Время“ одно въ Россіи и Кравченко одинъ, а васъ, полковниковъ генеральнаго штаба столько, что плюнуть негдѣ! Меня сюда приглашали вы сами, но мнѣ начхать на васъ. Я немедленно уѣзжаю.

Даже покладливые нововременцы вышли изъ себя.

Иркутскъ. Результаты войны уже сказались въ Забайкальѣ. Многіе хозяева совершенно раззорились. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ началась голодовка. „Хлѣбъ весь вышелъ, а сѣять и нечего и некому; всѣ „большаки“ ушли на войну“, — такъ разсказывалъ одинъ крестьянинъ о дѣлахъ въ деревнѣ. Среди забайкальскихъ казаковъ сильное недовольство. На войну идутъ неохотно. Ходили слухи, что было нѣсколько случаевъ отказа идти на войну.

Солдатская голодовка.

Повидимому, порядки въ интендантской части на театрѣ военныхъ дѣйствій таковы, что оставляютъ за флагомъ всѣ самыя худшія предположенія. Это видно уже изъ того, что даже свѣдѣнія, проникающія въ легальную печать и просѣянныя сквозь мельчайшія сита военной и штатской цензуры, превышаютъ всякія вѣроятія. *Солдаты*, очевидно, *буквально голодаютъ*. Такъ, въ „Южной Россіи“ помѣщено письмо солдата участвовавшаго въ боѣ при Ялу. Авторъ письма прямо говоритъ, что „*во время и послѣ него солдаты восемь дней хлѣба не видали.* Взамѣнъ хлѣба имъ выдавалась мука, которую одни ѣли смѣшанною съ водою, другіе даже и безъ воды“.

Интересно знать, мукой ли питались во время боя, требовавшаго громаднаго напряженія всѣхъ силъ, генералы и офицеры? И что дѣлало въ это время интендантство? Сколько уже уворовано имъ на счетъ солдатъ, идущихъ умирать?

Газета, помѣстившая письмо, выдержку изъ котораго мы привели, прибавляетъ, что и безъ заявленія автора-солдата ясно, что „скудость была великая“, и ссылается при этомъ на дороговизну съѣстныхъ припасовъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Но развѣ ужъ солдаты, посылаемые правительствомъ на убой, должны питаться на свой собственный счетъ?

Впрочемъ, правительство открыто признаетъ, что, выжимая изъ народа сотни милліоновъ рублей на армію, оно не въ состояніи даже чернымъ хлѣбомъ и сухарями прокормить солдатъ. И прославляемые на всѣ лады лицемѣрными устами правительства и реакціонной печати „герои“ должны протягивать руку за милостыней, чтобы не умереть съ голоду. Что другое, какъ не признаніе необходимости кормить солдатъ „христа-ради“ представляетъ помѣщенное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 163)

[1]) Замѣтимъ, что, по легальнымъ газетамъ, кн. Ухтомскій продолжаетъ занимать свой постъ въ Портъ-Артурѣ, такъ что приводимые здѣсь слухи кажутся маловѣроятными.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

КЪ ВОПРОСУ О НАШЕЙ „ВОЕННОЙ КАМПАНІИ“.

Письмо въ редакцію Ц. О.

Дорогіе товарищи!

Въ № 62 „Искры“ помѣщенъ фельетонъ тов. Т., въ которомъ комитеты „большинства“ (въ томъ числѣ и Екатеринославскій) обвиняются въ томъ, будто они отрекаются отъ классовой политики. Выходки тов. Т., слѣдующаго здѣсь, очевидно, примѣру тов. Троцкаго и кричащаго о „недомысліи“, „соціалистическомъ доктринерствѣ“, „вульгарномъ радикализмѣ“ etc., можно, конечно, пройти мимо, но сущность фельетона требуетъ отвѣта. Тов. Т., а за нимъ и редакція „Искры“ въ передовицѣ: „Такъ ли мы готовимся“, главнымъ обвиненіемъ противъ большинства выставляетъ „неумѣніе связать интернаціональныя задачи россійскаго пролетаріата съ условіями его національнаго положенія, неумѣніе на пути общедемократическаго движенія найти колею самостоятельной политики пролетаріата“. Выразилось это, по его мнѣнію, въ томъ, что эти комитеты одной изъ видныхъ причинъ теперешней войны выставляютъ исканіе новыхъ рынковъ крупными россійскими капиталистами-монополистами, использованное, конечно, россійскимъ самодержавіемъ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ и выгодахъ, въ томъ, что ими, по его мнѣнію, не указанъ авантюристскій и „антинаціональный“ (не только антипролетарскій) характеръ войны. Рядомъ цитатъ изъ различныхъ прокламацій различныхъ комитетовъ „большинства“ тов. Т. иллюстрируетъ это свое обвиненіе, пытаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать, что основной причиной подобнаго „заблужденія“ является то, что мысль „тов. изъ большинства“, „какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей“. Можно соглашаться или не соглашаться съ мнѣніемъ тов. Т., что буржуазія россійская „безвинно пострадала“ отъ нападокъ комитетовъ. Замѣчу лишь, что ни въ одной изъ цитатъ, приведенныхъ тов. Т., не говорится, будто война въ интересахъ „всей буржуазіи“, какъ это далѣе ставитъ въ ковычки тов. Т.; точно также *нигдѣ* и *ни въ одной* прокламаціи не говорится, чтобы эта война была въ интересахъ *развитія производства.*

Екатеринославскій комитетъ въ прокламаціи объясняетъ *отношеніе* большинства нашей буржуазіи *къ войнѣ*; причиной войны называется тамъ разоренность внутренняго рынка самодержавіемъ, протекціонная его политика, и, съ другой стороны, его политика захватовъ и стремленіе отвлечь вниманіе пролетаріата отъ войны внутренней на войну внѣшнюю, его стремленіе отдалить свою гибель.

Но не въ этомъ сейчасъ дѣло. Основная мысль фельетона тов. Т. та, что, дескать, комитеты „большинства“ показали своей военной кампаніей свою (не разобрано въ подлинникѣ. *Ред.*) и политическую несостоятельность. Извѣстное объясненіе войны ставится въ связь съ опредѣленнымъ организаціоннымъ теченіемъ въ Партіи.

Такъ ли это?

Не буду останавливаться на томъ, что членомъ Екатеринославскаго Комитета, *сторонникомъ меньшинства*, былъ предложенъ проектъ листка о войнѣ, также объясняющій причины войны и что, наоборотъ, проектъ, предложенный однимъ сторонникомъ большинства, главными причинами выставилъ самодовлѣющіе интересы самодержавія и интересы *финансовой* буржуазіи. Мнѣніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть характерно для цѣлыхъ теченій.

Можетъ быть, болѣе значенія имѣетъ то, что листокъ Комитета „меньшинства“, Донского, придавалъ войнѣ такой же характеръ, какъ и Екатеринославскій. Къ сожалѣнію, тов. Т. при написаніи своего фельетона забылъ о существованіи комитетовъ „меньшинства“ и не даетъ *ни одной* цитаты *изъ первыхъ* листковъ этихъ комитетовъ (въ послѣднихъ, должно быть, „замѣчается улучшеніе“), иначе, вѣроятно, онъ не съ такимъ пафосомъ говорилъ бы объ организаціонно-уставной мышеловкѣ. Но, можетъ быть, на это время комитеты „меньшинства“ подпали подъ губительное вліяніе комитетовъ „большинства“.

Поэтому, посмотримъ, какъ объясняетъ войну „Искра“, являющаяся идейнымъ руководителемъ меньшинства и въ то же время, какъ это постановилъ съѣздъ — хотя и и для другой редакція — идейнымъ руководителемъ всей Партіи.

„Антинаціональный“ характеръ войны „Искрой“, конечно, подчеркнутъ съ достаточной яркостью. Не говоря уже о передовицахъ, даже „мудрыя птицы“ (статья въ № 62) говорятъ, что „во имя существованія *отечества* (!) и народа, до послѣдняго человѣка *долженъ* пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма“, — ибо „въ прерывисто растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію „частью“, которая готова была *принести себя въ жертву*[1]) только что познанному „цѣлому“ („Искра“ № 62 „Замѣтки Журналиста“ Ст. „О патріотизмѣ“).

Антинаціональный характеръ войны „Искрой“ подчеркнутъ достаточно ярко, можетъ быть даже слишкомъ „національно“. „Искра“ дала войнѣ слѣдующее объясненіе: „царское правительство затѣяло войну въ *своихъ* интересахъ“ (листокъ редакціи: „Правдивое слово министра финансовъ“). Интересы *буржуазіи* здѣсь не при чемъ — по крайней мѣрѣ, если судить по передовицѣ Парвуса въ 61 №. Но въ листкѣ „Ко вс. раб. нар.“, изданномъ за подписью редакціи „Искры“, говорится уже нѣсколько другое: „русскіе капиталисты забираются и въ Манчжурію, и въ Корею, и въ Китай — вотъ одна изъ *причинъ* земельнаго захвата, а слѣдовательно и *войны*“. Русскіе капиталисты стремятся къ земельнымъ захватамъ, небось, не изъ за прекрасныхъ глазъ манчжурцевъ и корейцевъ, а чтобы завоевать новый рынокъ? Оказывается, что, по мнѣнію новой „Искры“, эти „ортодоксальные“ рынки, надъ которыми съ такой залихватской безцеремонностью издѣвается т. Т., имѣютъ все же таки значеніе!... Спрашивается, „этимъ самымъ каждый протестующій противъ войны получаетъ ли возможность „выписаться“ изъ буржуазнаго общества“? — Конечно нѣтъ! Потому что „въ первую минуту войны и капиталистамъ достается солоно: сокращеніе производства, паденіе спроса на товары уменьшитъ ихъ барыши и, пожалуй(?), разоритъ кой кого изъ нихъ“[2]).

Екатеринославскій Комитетъ немного менѣе „просто“ объяснялъ разорительный характеръ войны: онъ указывалъ на возможное окончательное разореніе внутренняго рынка (что дѣлать, опять таки „рынка“!).

Но все же таки въ интересахъ ли буржуазіи будетъ эта война? На это ред. „Искры“ отвѣчаетъ: „Нужда бѣдныхъ классовъ доставитъ капиталистамъ новые источники обогащенія“... въ концѣ концовъ, доходы многихъ капиталистовъ возрастутъ (листокъ ред.: „Правдивое слово министра финансовъ“), „буржуазія отъ войны останется въ прибыли“ (ст. 61 № „Искры“: „Война и государственные финансы“) и т. д. и т. д. во многихъ другихъ листкахъ ред. „Искры“. Мы привыкли до сихъ поръ оцѣнивать общественныя явленія по тому, какимъ (временнымъ и основнымъ) классовымъ интересамъ какихъ классовъ можетъ быть полезно данное явленіе. И классъ, пріобрѣтающій выгоды отъ какого-либо явленія, мы до сихъ поръ дѣлали „отвѣтственнымъ“ за это явленіе. — Теперь тов. Т. говоритъ, что если мы выставляемъ все буржуазное общество виновникомъ войны, „то мы этимъ самымъ“ отрекаемся отъ классовой политики. Въ этомъ именно, по его мнѣнію, и повинны комитеты „большинства“. Но оказывается, что „Искра“ проповѣдуетъ такую же „ересь“! „... Не народъ вызвалъ войну. Сдѣлали это безъ воли народа, не спросивъ его, царь да его министры и чиновники. Имъ только, да еще шайкѣ грабителей, которые и дома выжимаютъ всѣ соки изъ народа, и нужна Манчжурія (листокъ ред.: „Ко всѣмъ запаснымъ солдатамъ“)... изъ за чего началась война? Изъ за того, что царь со своими министрами и стаей хищниковъ, желающихъ погрѣть свои руки около чужого добра, захватилъ уже Манчжурію и сталъ уже подбираться къ Кореѣ“ (тамъ же). Получается нѣчто невообразимое. „Идейный руководитель“ объясняетъ войну, комитеты даютъ это объясненіе массамъ, — а Юпитеръ громовержецъ тов. Т. глубокомысленно изрекаетъ: „недомысліе“.

Но, можетъ быть, ред. „Искры“ вправѣ отречься отъ комитетовъ, заявивъ, что они „искажаютъ“ ея взгляды? Можетъ быть со всей редакціей здѣсь произошло „курьезное недоразумѣніе“, подобно случившемуся съ тов. Плехановымъ изъ за статьи въ 52 №, когда его не поняли ни враги, ни друзья?

Комитеты „большинства“, можетъ быть, видятъ въ Манчжуріи и Кореѣ рынокъ, въ которомъ *одинаково* заинтересованы японская и россійская буржуазія? — Во всякомъ случаѣ, Екатеринославскій Комитетъ вправѣ на это отвѣтить: „откуда мнѣ сіе, да пріиде мати бога моего ко мнѣ“. — Можетъ быть, они ложно оцѣниваютъ интересы буржуазіи и необходимость для нея политической свободы? Цитирую на память слова тов. Т.: „тогда глупа была бы, слѣдовательно, буржуазія, еслибы стала у насъ добиваться политической свободы“. — Но еще болѣе глупой выходитъ буржуазія въ освѣщеніи „Искры“: „буржуа всѣ согласны въ томъ, что война съ Японіей *никому* не нужна, что она принесетъ одни убытки“, но „хотя бы они понимали, что вовсе не нужна Россіи[1]) ни Манчжурія, ни Корея, хотя бы они понимали, что въ этой *безумной* войнѣ *задаромъ* будутъ загублены сотни тысячъ солдатскихъ жизней, хотя бы они хорошо знали, что царское правительство затѣяло войну *въ своихъ* интересахъ, — они все таки не выдадутъ это правительство“! (листокъ ред.: „Правдивое слово министра финансовъ“)... падая, царь найдетъ друзей, которые его поддержутъ. Эти его друзья: купцы, фабриканты и помѣщики — всѣ (такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Вотъ откуда тов. Т. взялъ свою подчеркнутую цитату „вся буржуазія“) *капиталисты и буржуа*“ (листокъ за подписью редакціи: „Ко всему рабочему народу“.

Наконецъ, можетъ быть, комитеты большинства неправильно, иначе, чѣмъ „Искра“, оцѣниваютъ соотносительное значеніе самодовлѣющихъ интересовъ самодержавія и интересовъ крупныхъ капиталистовъ-монополистовъ? Обвинительный актъ, составленный тов. Т., гласитъ: „они уравниваютъ на бумагѣ соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и Японіи“. Листокъ ред. „Искры“: „Ко всему рабочему народу“ на это отвѣчаетъ: „... итакъ, война эта ведется только *правительствами и капиталистами*, одурачившими народъ, а въ Россіи, даже не спросясь народа[2]), въ обѣихъ странахъ противъ воли сознательной части рабочихъ и всѣхъ мыслящихъ честно и свободно людей“... преслѣдуя свои интересы наживы, варварства и грабежа, *капиталисты вгоняютъ государства* въ кровопролитныя и разорительныя *войны* и подъ маской патріотизма разъединяютъ народы, боясь сплоченія рабочихъ“... *Капиталисты вгоняютъ государства въ войны.* Тов. Т., отвѣтьте мнѣ, это, конечно, правильно лишь по отношенію къ Японіи? А у насъ, по мнѣнію „Искры“ и меньшинства, нѣтъ?

Тов. К. Д. въ статьѣ № 59 „Искры“: „Почему царское правительство затѣяло войну?“ поясняетъ: „Во главѣ ея (Японіи), *какъ и во главѣ Россіи, стоитъ буржуазное правительство, защищающее одни только интересы капиталистовъ*“... Своего несогласія съ этимъ мнѣніемъ редакція не оговорила. Такъ писала „Искра“ въ № 59, а черезъ два номера, та же редакція, не оговаривая своего несогласія, но, наоборотъ, опираясь на него, помѣщаетъ фельетонъ тов. Т., разносящій комитеты „большинства“ — Полѣсскій Комитетъ за то, что онъ дословно повторилъ мысль „Искры“, другіе комитеты за то, что они проводятъ ту же мысль, хотя и не въ столь категорической формѣ.

Въ № 62 тов. Т. съ полнымъ правомъ посмѣивается надъ с. р.-скимъ выраженіемъ „буржуазно-самодержавный строй“, — а въ 57 тов. Практикъ, сторонникъ меньшинства, опредѣляетъ теперешній строй въ Россіи, какъ капиталистически самодержавный. „Что видишь сучекъ въ очеси брата своего?“ Но въ чемъ же дѣло, наконецъ? Отчего пальба и крики, и внушительная эскадра грозныхъ передовицъ, шустрыхъ фельетоновъ? Почему, наконецъ, ред. „Искры“ показываетъ грубому, неотесанному большинству примѣръ „мягкости“ и „тактичности“, говоря „заблудшимся (слѣдуя идейному руководству „Искры“) членамъ комитетовъ большинства: мы не поднимаемъ вопроса объ исключеніи васъ изъ Партіи, но дескать, вы сами должны признать, что, въ сущности говоря, вамъ въ ней не мѣсто. Мы васъ милуемъ, но въ наказаніе будемъ васъ воспитывать... статьями тов. Т.!!

Вся грозная буффонада обвиненій тов. Т. направляется противъ самой же „Искры“! Что же остается? Въ чемъ, дѣйствительно, повинны комитеты большинства? О, они во многомъ виноваты! Они не восклицаютъ съ пафосомъ, что „россійскій народъ — царь надъ царями!“[3])

Они не выдумываютъ совѣтовъ для царя, какъ ему добиться помощи народной! Они не... (не разобрано) у массы... (не разобрано) мыслей, будто возможна такая помощь![4])

Они не даютъ съ глубокой и непоколебимой увѣренностью всякихъ совѣтовъ „такъ называемымъ противникамъ революціоннаго насилія“, чтобы это имъ сдѣлать, чтобы „завоевать теоретическое и нравственное (!) право (!) ожидать, что страна *избѣгнетъ* (!) народной революціи“[5]).

Они („ортодоксальность“! восклицаетъ съ издѣвкой тов. Т.), вѣрные всей исторіи революціонной соціальдемократіи, призываютъ рабочихъ къ борьбѣ за свободу *во имя соціализма*, и до сихъ поръ еще не послѣдовали своему „идейному руководителю“, который поучаетъ насъ, что „... *во имя существованія отечества* и народа, до послѣдняго человѣка долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма“![1]).

Они не желаютъ въ своей агитаціи спускаться до демагогіи![2])

И, наконецъ, что, кажется, всего важнѣе, мѣстные комитеты (большинство до 4/5) нѣсколько скептически относятся къ превмущественности практическихъ способностей лицъ, забаллотированныхъ съѣздомъ при выборахъ въ Ц. К., по сравненію съ имъ выбранными. Они недостаточно прониклись сознаніемъ необходимости сближенія въ процессѣ совмѣстной работы во всѣхъ организаціяхъ Партіи сверху до низу[3]), т. е. *начиная съ Ц. К.!* Они нѣсколько удивлены требованіемъ ред. „Искры“ „добровольной“ кооптаціи въ Ц. К. сторонниковъ меньшинства[4]), когда меньшинство (пока что, пока Ц. К. не согласился „добровольно“ кооптировать) добивается этой кооптаціи бойкотомъ и борьбой съ Ц. К.!

Да, огромное большинство комитетовъ, дѣйствительно, во многомъ повинно! Но, тов. Т., „милости прошу, а не справедливости“! Удобно ли, протестуя противъ нарисованныхъ вашимъ воображеніемъ „исключительныхъ мѣръ“ etc., посвящая статьи за статьей необходимости привлеченія вновь къ работѣ нѣкоторыхъ устранившихся экономистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимать хотя бы и въ „мягкой“, „тактичной“ и „политичной“ формѣ[5]), вопросъ объ исключеніи изъ Партіи цѣлыхъ комитетовъ, когда — то, что они говорятъ, говоритъ и „Искра“! Удобно ли, исходя изъ какихъ-нибудь мотивовъ, выискивать разногласія тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ?

Приводить эти разногласія въ связь съ организаціонными разногласіями, не значитъ ли это, спрошу я васъ въ свою очередь, слѣдовать примѣру изобрѣтенныхъ вами „товарищей“, о которыхъ вы говорите, что ихъ мысль, какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей?“

Я не допускаю, чтобы ред. „Искры“ на другой день забывала то, что она сказала вчера, въ предыдущемъ номерѣ, въ предыдущемъ листкѣ, такъ какъ не думаю, чтобы идейное руководство Партіей могло слѣдовать старому правилу: „пусть твоя лѣвая рука не знаетъ, что дѣлаетъ правая“.

Но тогда возникаютъ у меня вопросы, которые я вамъ, товарищи, и задаю безъ дальнѣйшихъ околичностей, тактичностей и т. п. 1) Какимъ изъ объясненій причинъ войны должны мы, мѣстные работники, руководиться: тѣмъ ли, которое выражено въ „Искрѣ“ или тѣмъ, которое дается въ предназначенныхъ для массового распространенія[6]) листкахъ ред. „Искры“? — 2) Принимая во вниманіе, что газета всегда расходилась и, до достиженія политической свободы, будетъ расходиться въ меньшихъ количествахъ и не такъ широко, какъ листки, — допустимо ли давать два объясненія войны, одно, такъ сказать, „для домашняго употребленія“, а другое — для широкой „массы“. 3) Если эти два объясненія войны не находятся въ такомъ противорѣчіи, — то не означаютъ ли грозныя статьи „Искры“ противъ комитетовъ большинства за то, что они проводятъ въ массы одно изъ этихъ, данныхъ „Искрой“ же, объясненій, не означаетъ ли это просто на просто стремленіе дискредитировать комитеты большинства *во чтобы то ни стало*, именно потому, что они — комитеты *большинства?* 4) Отыскивать разногласія тамъ, гдѣ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, существуетъ единомысліе, приводить эти „разногласія“ въ связь съ „организаціонно-уставными деталями“ — не значитъ ли это *изобрѣтать* разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ? и 5) Принимая во вниманіе обсуждаемую теперь редакціей перспективу раскола[7]) и ея заявленіе, что „при такихъ „разногласіяхъ“ (кавычки редакціи)... расколъ былъ бы чистѣйшимъ безуміемъ и преступленіемъ предъ пролетаріатомъ[8]), — не означаетъ ли это выискиваніе и суммированіе новыхъ разногласій — стремленія подготовить расколъ и отыскать „теоретическое и нравственное право“ не подчиниться возможному рѣшенію возможнаго будущаго третьяго съѣзда?

Гко. — Членъ Екатеринославскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Прошу редакцію напечатать это письмо, зная, что тов. Т. или другой можетъ, *выхвативши* отдѣльныя мѣста, использовать его въ цѣляхъ агитаціи.

[1]) Немного странновато это мѣсто: если пролетаріи могутъ, жертвуя собой, лишиться жизни, то пролетаріатъ можетъ жертвовать собой, лишь *жертвуя своими классовыми интересами*! Это ли „*долженъ*“, по мнѣнію теперешней „Искры“, сдѣлать пролетаріатъ?!

[2]) Листокъ редакціи „Искры“: „Правдивое слово министра финансовъ“.

[1]) А вѣдь для буржуазіи Россія — это она, буржуазія.

[2]) Какъ будто въ Японіи пролетаріатъ имѣетъ избирательное право, или для „Искры“ японскій народъ — японская буржуазія?

[3]) Листокъ ред.: „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“.

[4]) „Царь, чувствуя, что время для него настало опасное, шлетъ манифесты народу. *Но если царь хочетъ народной помощи*, то пусть же дастъ народу свободу собираться и обсудить, какъ помочь отечеству. Однако на такія требованія у царя заготовлены штыки и пули“.

[5]) Листокъ ред.: „Къ обществу“.

[1]) Искра № 62 статья „Мудрыя птицы“.

[2]) Приведенныя мѣста листковъ ред. Ц. О. указаны мнѣ рабочими, читавшими ихъ.

[3]) Циркулярное (гектографированное) письмо ред. Ц. О. Екатеринославскому Комитету.

[4]) „Искра“ № 62.

[5]) Вспоминаются мнѣ слова Плеханова, что онъ всегда былъ сторонникомъ „политики“, но не политиканства!

[6]) На всѣхъ этихъ листкахъ есть примѣчаніе редакціи: „товарищи, перепечатывайте и распространяйте въ массахъ этотъ листокъ!“.

[7]) Циркулярное письмо редакціи Екатеринославскому Комитету. [Это письмо не просто „обсуждаетъ перспективы раскола“, а предостерегаетъ товарищей отъ слѣдованія политикѣ, имѣющей въ виду *добиться* раскола. — Ред.].

[8]) Тамъ же.

ОТВѢТЪ НА „ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ“.

Авторъ письма питаетъ опасеніе, какъ бы я изъ его статьи не „выхватилъ“ отдѣльныя мѣста „въ цѣляхъ агитаціи“. Напрасно безпокоится уважаемый товарищъ. Оставляя въ сторонѣ соображенія высшаго порядка, въ которыхъ мой оппонентъ мнѣ, очевидно, отказываетъ, я не прибѣгъ бы къ такому методу ужъ потому, что это было бы *невыгодно.* Товарищъ, писавшій это „письмо въ редакцію“, былъ, что называется, „не въ себѣ“, — иначе нельзя понять, какъ это онъ на небольшомъ пространствѣ набросалъ массу исключающихъ другъ друга обвиненій. Если резюмировать сущность письма, то получимъ не болѣе, не менѣе, какъ:

1. Ничего того, что я приписываю комитетамъ большинства, они не говорили.

2. Точь въ точь тѣ же „ереси“, какія я приписываю комитетамъ „большинства“, выражала „Искра“, съ которой у комитетовъ въ оцѣнкѣ войны нѣтъ никакихъ „разногласій“, а наоборотъ, существуетъ „единомысліе“.

3 Настоящихъ ересей ищи именно въ „Искрѣ“.

Весь этотъ методъ защиты-нападенія очень напоминаетъ разсказъ о женщинѣ, которая обвинялась въ томъ, что взяла у сосѣдки цѣлый кувшинъ и возвратила разбитый. Обвиняемая тоже была „не въ себѣ“ и построила свою рѣчь на такой аргументаціи: 1) никакого кувшина она у сосѣдки отъ роду не брала, 2) возвратила-то онъ кувшинъ цѣлехонькій и, наконецъ, 3) кувшинъ былъ съ трещиной прежде, чѣмъ попалъ къ ней въ руки.

Приходится разбирать аргументы этихъ трехъ категорій.

Я приписываю комитетамъ то, чего они не говорили. Къ сожалѣнію, оппонентъ не пытается дополнить или исправить, очевидно, неправильно „выхваченныя“ мною цитаты изъ прокламацій Центральнаго, Екатеринославскаго, Петербургскаго, Полѣсскаго, Одесскаго, Московскаго и Николаевскаго комитетовъ. Поскольку оппонентъ даже не пытается опорочить эти мои ци-

таты, онѣ сохраняютъ всю свою силу[1]). Я могу только отослать читателя къ моему фельетону въ № 62 „Искры“; здѣсь я позволю себѣ лишь процитировать прокламацію Екатеринославскаго Комитета.

„Самодержавное правительство въ погонѣ за рынкомъ, куда буржуазія могла бы сбывать свои залежавшіеся товары, захватило во время войны съ Китаемъ Манчжурію...“ „Какія же причины побуждають правительство вести эту завоевательную политику? Причины эти глубоко коренятся въ самыхъ условіяхъ современнаго капиталистическаго строя, при которомъ всѣ средства производства находятся въ рукахъ небольшой кучки капиталистовъ. Побуждаемые жаждой наживы, они другъ предъ другомъ стараются произвести возможно больше товаровъ, чтобы получить какъ можно больше прибыли. Главнымъ потребителемъ этихъ товаровъ является народъ, но тяжелые налоги и всевозможныя вымогательства царскаго правительства и его слугъ довели народъ до полнаго разоренія, лишивъ его возможности покупать предметы даже первой необходимости, что вызываетъ сокращеніе внутренняго рынка. Это сокращеніе внутренняго рынка выдвигаетъ для капиталистовъ необходимость обезпечить себѣ внѣшніе рынки для сбыта своихъ товаровъ. Царское правительство, всегда готовое защищать ихъ интересы, не останавливается ни предъ какими жертвами для завоеванія этихъ рынковъ, которыми въ настоящее время является Манчжурія и Корея. *Теперь вы видите, товарищи, что эта губительная война ведется всецѣло въ интересахъ буржуазіи, и она радостными кликами привѣтствуетъ ее*“. Авторъ письма пытается теперь ослабить эту мысль, утверждая, что Екатеринославскій Ком. имѣлъ въ виду „большинство нашей буржуазіи“. Цѣлый рядъ комитетовъ выдвигалъ въ прокламаціяхъ ту же основную мысль, даже не ослохняя ее соображеніями о работѣ самодержавія въ дѣлѣ форсированнаго сокращенія внутренняго рынка. Но затѣмъ нѣкоторые комитеты — напр., Петербургскій, Одесскій, Николаевскій — рѣзко измѣнили свою оцѣнку войны, стали характеризовать ея „*авантюристскій*“, *т. е. невыгодный интересамъ даже и господствующихъ классовъ*, характеръ, стали доказывать, что въ парламентскихъ странахъ, гдѣ политика выражаетъ собою чистую волю капитала, такая война была бы невозможна. Я думаю, что это болѣе правильное освѣщеніе событій заимствовано комитетами изъ цѣлаго ряда статей „Искры“. И ужъ, конечно, тутъ нѣтъ ничего худого. Ибо, вообще говоря Ц. О. существуетъ не исключительно для того, чтобъ его бранили, но также и для того, чтобъ отъ него поучались.

Несомнѣнно однако, что Партія не можетъ позволить себѣ роскошь — имѣть двѣ политическія оцѣнки войны. По крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ оцѣнокъ невѣрна и отъ нея необходимо отказаться. Къ сожалѣнію, мой екатеринославскій оппонентъ даже не замѣчаетъ разницы этихъ двухъ оцѣнокъ и потому изъ его письма совершенно не видно, согласенъ ли онъ съ утвержденіемъ Екатеря. Ком., что „эта губительная война ведется *всецѣло* въ интересахъ *буржуазіи*“, и что, *поэтому*, буржуазія „радостными кликами привѣтствуетъ ее“.

Что же означаетъ утвержденіе автора письма, будто комитеты проводили тѣ же воззрѣнія на войну, что и „Искра“? Вѣдь комитеты проводили воззрѣнія *двоякаго рода*. Слѣдовательно: либо „Искра“ умѣла перейти отъ одного объясненія къ другому (какъ Петерб. и Одесскій комитеты), либо она все время безсознательно сбивается съ одного толкованія на другое, чисто фразеологически связывая ихъ (какъ Николаевскій Ком., Сибирскій Союзъ, Кавказскій Союзъ). На самомъ дѣлѣ, не было и нѣтъ ни того, ни другого. Уличающій смыслъ приданъ цитатамъ, приведеннымъ въ письмѣ, силою теоретическаго недоразумѣнія: авторъ письма явно смѣшиваетъ интересы той или другой группы капиталистовъ съ интересами буржуазіи. Такое отождествленіе, неправильное вообще, въ данномъ случаѣ, неправильно сугубо.

Каждый капиталистъ есть не только представитель своего предпріятія, своей собственной фирмы, но и носитель интересовъ своего класса, представитель „фирмы“ всей буржуазіи. Какъ А, какъ В, каждый данный буржуа заинтересованъ только въ томъ, чтобы на его долю пришлась возможно большая дробь національнаго фонда прибавочной стоимости. Какъ *буржуа*, какъ безличный сынъ класса, онъ заинтересованъ въ возрастаніи всего фонда прибавочной стоимости, въ увеличеніи матеріальной мощи своего класса. Какъ А, какъ В, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы подняться на трупахъ менѣе счастливыхъ членовъ своего класса. Какъ абстрактный буржуа, онъ заинтересованъ въ укрѣпленіи политической позиціи всей буржуазіи.

Интересы отдѣльнаго капиталиста, какъ и цѣлой капиталистической группы, могутъ, поэтому, стоять въ противорѣчіи съ интересами буржуазіи. Когда это противорѣчіе очень рѣзко, когда групповымъ эгоизмомъ задѣты какіе нибудь основные интересы буржуазіи, тогда не только соціалисты, но и идеологи болѣе или менѣе широкихъ слоевъ буржуазнаго общества третируютъ ту или другую капиталистическую группу, какъ хищническую шайку. Связывая свой интересъ съ судьбой такого правительственнаго предпріятія, какъ война съ Японіей, эта шайка не способна, однако, перетянуть за собою на сторону самодержавной авантюры патріотическія симпатіи буржуазіи и заставить ее „радостными кликами привѣтствовать войну“.

Если, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые слои средней и мелкой буржуазіи настроены патріотически, то это объясняется не тѣмъ, что война служитъ „всецѣло“ ихъ интересамъ, а тѣмъ, что они не понимаютъ своихъ интересовъ. Дальнѣйшій ходъ войны будетъ не повышать, а понижать уровень ихъ патріотизма.

Нашъ екатеринославскій товарищъ не понимаетъ, какъ это буржуа могутъ быть не заинтересованы непосредственно въ восточныхъ рынкахъ и въ то же время поддерживать войну, и какимъ это образомъ „царь“, затѣявшій войну въ „своихъ“ интересахъ, падая подъ тяжестью этой войны, найдетъ друзей въ лицѣ „купцовъ, фабрикантовъ и помѣщиковъ“... Авторъ письма не понимаетъ этого. А сколько разъ онъ повторялъ общія мѣста о „половинчатости“ и „предательскомъ“ характерѣ либеральной буржуазіи, порождаемомъ ея промежуточнымъ положеніемъ между реакціей и революціей, между царизмомъ и пролетаріатомъ. Но стоило ему столкнуться съ политической комбинаціей, наполняющей общее мѣсто живымъ содержаніемъ, и онъ уже представляетъ изъ себя одно воплощенное недоразумѣніе и ставитъ за счетъ нелогичности „Искры“ то, что вытекаетъ изъ противорѣчивости общественныхъ условій.

Такова основа всѣхъ блужданій нашего автора. Его отдѣльныя замѣчанія интересны лишь и исключительно для характеристики уровня теоретической и политической культуры тѣхъ товарищей, которые, какъ видно изъ заключительныхъ строкъ письма, мечтаютъ, повидимому, на III съѣздѣ „удивить міръ злодѣйствомъ“ „ортодоксальной“ безпощадности.

Ставя знакъ равенства между выгодами той или другой группы капиталистовъ и интересами буржуазіи, авторъ уличаетъ „Искру“ и изданныя ею прокламаціи въ солидарности съ екатеринославскимъ комитетомъ. „Нужда бѣдныхъ классовъ доставитъ капиталистамъ новые источники обогащенія“... говоритъ прокламація „Искры“. Но думаетъ ли авторъ письма, что эти источники обогащенія — манчжурскій и корейскій рынки? Тогда онъ жестоко ошибается. Вызываемая войною нужда бѣдныхъ классовъ создаетъ почву для самой варварской эксплуатаціи ихъ ростовщическимъ, торговымъ и промышленнымъ капиталомъ. Но ведется ли война за дѣйствительный рынокъ или фиктивный, либо даже за ключи отъ гроба Господня, это ни мало не вліяетъ на дѣло. „Искра“ писала: „буржуазія отъ войны останется въ прибыли“ (№ 61, „Война и гос. финансы“). Къ сожалѣнію, товарищъ не вполнѣ точно цитируетъ. Указанное мѣсто гласитъ: „повышеніе косвенныхъ и прямыхъ налоговъ увеличитъ податное бремя и обезсилитъ платежеспособность населенія, за исключеніемъ *кучки* буржуазіи, которая отъ войны останется въ прибыли“. Но „въ прибыли“ останется значительная часть буржуазіи и отъ каждаго неурожая, подтачивающаго внутренній рынокъ. Было бы, тѣмъ не менѣе, опрометчиво писать на этомъ основаніи, что россійскіе „недороды“ — „всецѣло въ интересахъ буржуазіи“. Тов. Т. возстаетъ противъ того, чтобы „*все буржуазное общество* выставлять виновникомъ войны“, а между тѣмъ, по изслѣдованію екатеринославскаго товарища, „Искра“... „проповѣдуетъ эту ересь“, ибо она говоритъ: 1) Только царю, его министрамъ и чиновникамъ „да еще *шайкѣ грабителей*, которые и дома выжимаютъ всѣ соки изъ народа, и нужна Манчжурія“, 2) Война началась „изъ-за того, что царь со своими министрами и *стаей хищниковъ*, желающихъ погрѣть свои руки около чужого добра, захватилъ Манчжурію“...

Мы ужъ знаемъ, что строгій авторъ *не понимаетъ разницы* между „всѣмъ буржуазнымъ обществомъ“ и „шайкой грабителей“ или „стаей хищниковъ“ — браконьеровъ и мародеровъ капитализма! Екатеринославскій Комитетъ говоритъ объ „интересахъ буржуазіи“. Авторъ письма поясняетъ, что рѣчь идетъ лишь объ интересахъ „*большинства*(?) буржуазіи“. А такъ какъ „Искра“ упоминаетъ о „*шайкѣ* грабителей“, то ясно, что „разногласій нѣтъ“, а „существуетъ единомысліе“... Авторъ указываетъ еще, между прочимъ, на такое частное противорѣчіе: „тов. Т. съ полнымъ правомъ посмѣивается надъ с-р-скимъ выраженіемъ: „буржуазно-самодержавный строй“, а тов. Практикъ, сторонникъ меньшинства, опредѣляетъ теперешній строй, какъ „капиталистически-самодержавный“. „Что видишь сучекъ въ очеси брата своего?“ „подсмѣивается“ нашъ критикъ — впрочемъ, далеко не „съ полнымъ правомъ“. Попробуемъ, товарищъ, подумать. Несомнѣнно, вѣдь, что нашъ строй самодержавный: такова его политическая форма. Несомнѣнно также, что онъ и капиталистическій: такова его экономическая структура. Я не вижу, поэтому, причины, почему бы тов. Практику не назвать нашъ строй въ цѣломъ „капиталистически-самодержавнымъ“. Но какъ же я заслужилъ поощреніе моего оппонента „подсмѣявшись“ надъ соотвѣтственнымъ выраженіемъ у „соц.-рев.“? Все дѣло въ томъ, что поощренъ я въ силу недоразумѣнія. Я „подсмѣивался“ не надъ выраженіемъ „буржуазно-самодержавный строй“, а надъ тѣмъ, что соц. рев. этому строю противопоставляютъ не *буржуазно*-демократическій, а просто „демократическій“, пытаясь политической формой скрыть — отъ другихъ, какъ и отъ себя — соціально-экономическое содержаніе. Вотъ и все. Но у нашего автора есть и еще обличительныя цитаты изъ „Искры“ и ея изданій. „Преслѣдуя свои интересы... капиталисты вгоняютъ государства въ кровопролитныя и разорительныя войны...“ „Тов. Т., ликуетъ авторъ письма, отвѣтьте мнѣ, это, конечно, правильно лишь по отношенію къ Японіи? А у насъ, по мнѣнію „Искры“ и меньшинства, нѣтъ?“

Съ точки зрѣнія *общей картины міровою капитализма*, — отвѣтимъ мы — связавшаго тысячами экономическихъ и политическихъ узъ національно-государственныя хозяйства міра, цитированная общая мысль вѣрна и „по отношенію“ къ Россіи въ ея войнѣ съ Японіей. Да, и Россію „капиталисты вогнали въ войну“. Но не русскіе капиталисты, ищущіе въ Манчжуріи и Кореѣ рынка для своихъ товаровъ, а капиталисты международной биржи, въ которыхъ самодержавіе должно, подъ страхомъ своего финансоваго банкротства, поддерживать вѣру въ непоколебимую мощь царскаго оружія. Такъ обстоитъ дѣло съ этой цитатой.

Нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, для критика обстоитъ дѣло съ цитатой изъ статьи тов. К. Д.: „Во главѣ ея (Японіи), какъ и во главѣ Россіи, стоитъ буржуазное правительство, защищающее одни только интересы капиталистовъ“. Тутъ, дѣйствительно, какъ бы отожествлено соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и Японіи. Но далѣе эта формулировка должнымъ образомъ ограничена и, что еще важнѣе, съ ней не связана та ложная оцѣнка войны, которую мы видѣли въ прокламаціяхъ нашихъ комитетовъ. Тов. К. Д. говоритъ: „Промышленность Россіи вовсе не настолько развита, чтобы пріобрѣтеніе новыхъ внѣшнихъ рынковъ являлось для нея необходимостью... Съ другой стороны, всякій здравомыслящій человѣкъ, даже *оставаясь на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія*, можетъ понять, что чѣмъ Россіи тратить милліарды на завоеваніе *совсѣмъ ей ненужной Азіи*, лучше бы ей употребить ихъ на введеніе всеобщаго народнаго образованія“... и пр. и пр. У нашего критика „существуетъ единомысліе“ и съ тов. К. Д., высказавшимъ эти взгляды, и съ Екатеринослав. Ком., утверждающимъ, что война ведется „всецѣло въ интересахъ буржуазіи“, которая поэтому и *не можетъ не привѣтствовать* ея „радостными кликами“.

Въ прокламаціи, изд. „Искрой“, авторъ возражая прихвостнямъ царизма, говоритъ, что, если бы царь дѣйствительно хотѣлъ помощи народной, онъ бы прежде всего далъ народу собираться, а у него на такія требованія „заготовлены штыки и пули“. Ясно: „Искра“ даетъ царю совѣты, какъ ему добиться народной помощи. Но „Искра“ дѣлаетъ, уважаемый товарищъ, нѣчто гораздо худшее: она въ каждомъ № обличаетъ неподготовленность самодержавія, его полную отсталость даже и въ военномъ отношеніи. Ясно: „Искра“ даетъ царю (или буржуазіи) указанія на необходимость введенія болѣе совершенныхъ методовъ истребленія японскихъ пролетаріевъ и крестьянъ... Что нибудь въ этомъ родѣ. Тотъ же листокъ, изд. „Искры“, восклицаетъ, что „россійскій народъ — царь надъ царями!“ Не ясно ли, что это ужъ прямое нарушеніе программы, которая недвусмысленно требуетъ демократической республики?! Распутываніе ученическихъ софизмовъ отнимаетъ, къ сожалѣнію, какъ видитъ читатель, слишкомъ много мѣста. Мы, поэтому, не будемъ останавливаться на рядѣ обвиненій въ томъ, что „Искра“ подмѣниваетъ классовые интересы интересами неопредѣленнаго „цѣлаго“, интересами „отечества“ и пр. Бѣдный авторъ, вѣроятно, самъ не разъ повторялъ фразу о томъ, что россійскій революціонный пролетаріатъ — носитель національнаго освобожденія, его авангардъ. Но онъ встрѣтилъ ту же мысль въ другомъ сочетаніи и въ новыхъ терминахъ — и „ересью“ показалось на этотъ разъ нашему „марксисту“ то, что онъ вообще считаетъ чистѣйшей „ортодоксіей“.

Нѣсколько словъ въ заключеніе. „Тов. Т. при написаніи своего фельетона забылъ о существованіи комитетовъ „меньшинства“, — рѣшится ли, однако, кто нибудь утверждать, что комитеты „меньшинства“ застрахованы отъ ошибокъ въ оцѣнкѣ текущихъ политическихъ событій?... Не знаю, — я лично не рѣшусь. Комитеты меньшинства проходили ту же примитивную, политическую школу, что и комитеты „большинства“, что и всѣ мы, россійскіе соціалдемократы — за исключеніемъ небольшой группы, богатой опытомъ европейскаго движенія. Но чѣмъ „меньшинство“ безконечно отличается отъ „большинства“ — такъ это горячимъ желаніемъ учиться, которое психологически опирается на отчетливое сознаніе нашей теоретической малокультурности, нашего политическаго варварства.

Очень и очень возможно, что какой-нибудь товарищъ изъ „меньшинства“ написалъ бы прокламацію въ родѣ той, какую выпустилъ Екатеринославскій Комитетъ. Но совершенно невѣроятно, чтобы этотъ товарищъ, находящійся на такомъ уровнѣ развитія, который позволяетъ ему предположить, что великій грѣхъ соц.-рев. состоитъ въ употребленіи термина „самодержавно-буржуазный строй“, или что выгоды и барыши шайки капиталистовъ тождественны съ интересами буржуазіи и даже буржуазнаго общества, совершенно невѣроятно, чтобы этотъ товарищъ считалъ себя теоретически и политически неуязвимымъ, чтобы онъ не могъ даже допустить, что критика его дѣятельности или мышленія, можетъ исходить изъ чего-нибудь иного, кромѣ раздраженнаго самолюбія — въ связи со II съѣздомъ — и интриганскихъ соображеній — въ связи съ III съѣздомъ. Нагруженный той твердой, якобы — „ортодоксальностью“, для которой нѣтъ вопросовъ, нѣтъ задачъ, для которой — море по колѣно, екатеринославскій Катонъ настолько лишенъ элементарнаго политическаго чутья (а это не его индивидуальная особенность, это судьба всякаго исчерпавшаго себя теченія), что не замѣчаетъ, какъ *невыгоденъ* для его дѣла тотъ нравственный сыскъ, который онъ производитъ, ставя сужденіе тов. Т. о Восточно азіатскихъ рынкахъ въ зависимость отъ явнаго желанія тов. Троцкаго малодушно отвертѣться отъ ожидающихъ его на III съѣздѣ скорпіоновъ.

Нагруженный непримиримой ортодоксальностью нашъ Катонъ весь III съѣздъ разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія „скорпіоновъ“. Ему не приходитъ въ голову, что задачей III-го съѣзда можетъ и долженъ быть вопросъ объ отношеніи къ войнѣ буржуазіи, которую онъ отождествляетъ съ группой земельныхъ хищниковъ, военныхъ поставщиковъ и желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ, — о политическихъ задачахъ соціалдемократіи въ нынѣшній моментъ, — о соотношеніи общедемократическаго и классового элемента въ нашей тактикѣ; ему не приходитъ въ голову, что общеніе его на III съѣздѣ съ редакціей Ц. О. можетъ и должно разносторонне обогатить его политическое сознаніе... что въ этихъ цѣляхъ необходимо на почвѣ текущаго политическаго опыта разработать къ III съѣзду рядъ тактическихъ вопросовъ... Нѣтъ, на III съѣздѣ нашъ Катонъ видитъ себя не иначе, какъ въ роли справедливаго, но безпощаднаго судьи. Предъ нимъ проходятъ Аксельродъ, Мартовъ... И онъ, Катонъ, „поступаетъ“ съ ними. Какъ? Онъ еще въ точности не знаетъ. Но строго, безпощадно строго. И духовнымъ окомъ онъ видитъ, какъ эти подсудимые и ихъ соучастники и единомышленники, въ предчувствіи злой участи, бросаютъ растерянными взорами окрестъ, подыскивая для себя смягчающія обстоятельства... въ Манчжурскомъ и Корейскомъ рынкахъ.

Т.

ЧТО-ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(По поводу нашихъ организаціонныхъ разногласій).

> Велика наша земля и обильна,
> а порядку въ ней нѣтъ.
> Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, авторъ настоящей замѣтки считаетъ нужнымъ заранѣе оговориться, что онъ не признаетъ себя приверженцемъ ни „большинства“, ни „меньшинства“ нашей партіи. Онъ убѣжденъ, что его позиція въ данномъ конфликтѣ представляетъ собой позицію огромнѣйшей части какъ активныхъ партійныхъ *работниковъ*, такъ и людей, сколько-нибудь *прикосновенныхъ* къ партіи. Вмѣстѣ съ этимъ *дѣйствительнымъ* большинствомъ, онъ не былъ на второмъ съѣздѣ, не принималъ лично ни малѣйшаго участія во всѣхъ его событіяхъ и судитъ о нихъ и ихъ результатахъ по тому, какъ они отражаются на дѣлахъ нашей партіи. Возможно — и даже неизбѣжно — что его оцѣнка поведенія „большинства“ и „меньшинства“ сильно отличается отъ оцѣнки ея со стороны самихъ представителей этихъ двухъ фракцій. Поэтому онъ думаетъ, что его мнѣніе о нашихъ партійныхъ разногласіяхъ не будетъ неумѣстнымъ на страницахъ „Искры“ и что многіе ея читатели найдутъ въ немъ, хотя, быть можетъ, и не полное, но, въ общемъ, вѣрное отраженіе ихъ собственнаго взгляда на причины печальной „усобицы“ въ рядахъ нашей партіи.

Прошло уже болѣе полугода со времени злополучнаго второго съѣзда, а узелъ раздоровъ, завязавшійся тамъ, запутывается какъ будто все сильнѣе и сильнѣе. Кажется даже, что ближайшіе участники этой, нельзя сказать, чтобы ужъ очень умной борьбы потеряли всякую надежду *развязать* узелъ, и намѣрены его *разрубить*, — одинъ при помощи третьяго съѣзда, другіе путемъ „свергенія съ престола“ „тирана“[1]) Ленина (см. № 66 „Искры“, письмо т. Плеханова). Къ несчастью, героическія времена Александра Македонскаго давно уже миновали, и намъ пора бы уже привыкнуть къ другимъ, менѣе сокрушительнымъ рѣшеніямъ спорныхъ вопросовъ. Прежде, чѣмъ отважиться на крайнія, поэтому и опасныя средства, необходимо еще и еще разъ присмотрѣться къ сущности нашихъ раздоровъ и поискать, нѣтъ ли какого либо болѣе мирнаго и болѣе сообразнаго съ интересами партіи способа ихъ улаженія. Замѣчательно дѣльное и вдумчивое письмо Каутскаго въ № 66 „Искры“ даетъ очень подходящій къ тому поводъ. Оно, по совершенно справедливымъ словамъ редакціи, „обратитъ на себя, вѣроятно, вниманіе всѣхъ, интересующихся нашими партійными дѣлами и, надо надѣяться, будетъ способствовать болѣе спокойному и хладнокровному отношенію массы членовъ партіи къ тѣмъ конфликтамъ, начало которымъ было положено вторымъ съѣздомъ партіи“. Лично пишущему эти строки письмо Каутскаго, несмотря на удивительную простоту высказанныхъ въ немъ мыслей, уяснило очень многое въ нашихъ партійныхъ неурядицахъ, а главное, дало вѣрный критерій для опредѣленія степени важности угнетающихъ насъ разногласій. И если редакція „Искры“ съ большимъ удовлетвореніемъ“ констатируетъ, что Каутскій высказался противъ позиціи „большинства“, то въ томъ же письмѣ она найдетъ многое такое, что должно заставить ее *покраснѣть* за поведеніе и позицію „меньшинства“, если только, конечно, она „спокойно и хладнокровно“ обдумаетъ его. Мы говоримъ это не для того, чтобы непремѣнно сказать что нибудь *непріятное* редакціи, а чтобы заставить ее поискать сучки въ собственномъ глазу: быть можетъ, добросовѣстно продѣлавъ эту операцію, она найдетъ тамъ цѣлое бревно. Но это, конечно, дѣло ея совѣсти и *ея* способности къ „хладнокровному и спокойному“ сужденію. Мы же будемъ излагать *наши собственныя мысли*. Итакъ, въ чемъ же теперь дѣло? Что же, наконецъ, *великое* и *важное* мѣшаетъ „большинству“ и „меньшинству“ дружно объединиться въ совмѣстной работѣ? Мы нарочно подчеркнули слова *великое* и *важное*, чтобы этимъ самымъ оттѣнить ту мысль, что только, дѣйствительно, какое-нибудь *важное* и *существенное* разногласіе можетъ оправдать тотъ поразительный „безпорядокъ“, который съ верху до низу царитъ въ настоящее время въ нашей партіи.

На съѣздѣ расхожденіе произошло, какъ извѣстно, по тремъ пунктамъ различной важности: a) по § 1 устава, по вопросамъ о составѣ b) редакціи Ц. О. и c) Ц. К. Споры по всѣмъ этимъ пунктамъ и привели къ образованію „большинства“ и „меньшинства“. Однако, въ *настоящее* время спорнымъ пунктомъ остался только одинъ, а именно третій; первые же два такъ или иначе уже улажены и прямо и непосредственно не могутъ уже служить яблокомъ раздора. Первый пунктъ рѣшенъ еще на съѣздѣ, простымъ большинствомъ голосовъ; второй — послѣ съѣзда, когда тов. Плехановъ, за выходомъ изъ редакціи тов. Ленина, оставшись единоличнымъ редакторомъ, кооптировалъ ея прежній составъ.

---

[1]) Авторъ письма спрашиваетъ, откуда взяты мною слова „вся буржуазія“... Въ фельетонѣ имѣется ссылка на прокламацію Московскаго Ком. Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками этого документа.

[1]) Этихъ словъ, поставленныхъ авторомъ въ кавычки, нѣтъ въ письмѣ Плеханова. Ред.

Итакъ, *только споръ о составѣ Ц. К.* и дѣлитъ нашу партію на „большинство“ и „меньшинство“ и *только онъ* такъ отравляетъ атмосферу партійной жизни. Что дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тов. Плехановъ въ № 57 „Искры“. Пытаясь разсѣять вызванныя его статьей „Чего не дѣлать“ „грустныя“ недоразумѣнія и выяснить истинный смыслъ своихъ словъ, онъ опредѣленно и рѣшительно заявляетъ, что нашъ Ц. К. „долженъ принять мѣры къ тому, чтобы явиться выраженіемъ всей нашей партіи, а не одной только части ея“, т. е., другими словами, кооптировать представителей отъ „меньшинства“. „Будетъ ли исполнено это требованіе? — пишетъ тов. Плехановъ дальше, — этого я не знаю. Но я хорошо знаю, что исполненіе его является единственнымъ средствомъ вывести нашу партію изъ состоянія тяжелаго кризиса, который чрезвычайно ослабляетъ наши позиціи и усиливаетъ позиціи нашихъ многочисленныхъ противниковъ и враговъ“. Итакъ, кризисъ можетъ быть устраненъ такой простой мѣрой, какъ кооптація въ Ц. К. представителей „меньшинства“. Другими словами, причина „ослабленія“ нашихъ позицій и „усиленія“ позицій нашихъ противниковъ и враговъ лежитъ, видимо, въ томъ, что Ц. К. упорствуетъ въ своемъ нежеланіи ввести въ свой составъ нѣсколько представителей „меньшинства“, на Цен. Ком., слѣдовательно, лежитъ тяжелая отвѣтственность за тотъ вредъ, который, несомнѣнно, принесенъ нашей партіи мѣсяцами разброда и хаоса.

Таково убѣжденіе „меньшинства“. И чтобы, съ одной стороны, предохранить партію отъ „вреднаго“ вліянія Ц. К., съ другой—возможно скорѣе водворить въ ней нормальную жизнь, оно втеченіи полугода систематически устранялось отъ работы на него и всячески затрудняло его дѣятельность, отвлекая отъ него силы и средства и всюду сѣя недовѣріе къ нему. *Такимъ путемъ* оно надѣялось заставить Ц. К. пойти на уступки, т. е. кооптировать въ свой составъ соотвѣтственное число представителей „меньшинства“.

Итакъ, если съ одной стороны „возвышенные“ мотивы и своеобразное пониманіе „интересовъ партіи“ удерживало Ц. К. отъ удовлетворенія требованій „меньшинства“, то столь же „возвышенныя“ побужденія и столь же близорукое пониманіе „интересовъ партіи“ одухотворяло „меньшинство“ въ его, внѣ всякаго сомнѣнія, *дезорганизаторской* дѣятельности, (ибо дискредитировать на каждомъ шагу Ц. К., отвлекать отъ него силы и средства и значитъ наносить тяжкіе удары партійной организаціи).

Но, отвлекаясь пока отъ вопроса объ отвѣтственности кого-либо за настоящее критическое положеніе партіи, мы поставимъ сперва слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли кооптація представителей „меньшинства“ въ Ц. К. необходима была *въ такой степени*, чтобы изъ этого допустимо на цѣлые шесть семь мѣсяцевъ тормозить партійную жизнь? До сихъ поръ намъ неизвѣстно *ни одного* сколько нибудь убѣдительнаго аргумента, который могъ бы оправдать *тотъ способъ*, которымъ „меньшинство“ боролось за мѣсто въ Ц. К. Какъ уже видитъ читатель, мы вовсе не склонны думать, что Ц. К. *не долженъ былъ* итти на встрѣчу требованіямъ „меньшинства“. Очень вѣроятно, что наша партія не переживала бы теперь такихъ безотрадныхъ дней, если бы онъ во время сдѣлалъ необходимыя уступки. Но не менѣе вѣроятно также и то, что наши дѣла не находились бы въ такомъ плачевномъ состояніи, если бы „меньшинство“, видя, что Ц. К. не идетъ на *всѣ* желательныя для него уступки, примирилось бы съ тѣмъ, *что есть*, т. е. взяло бы то, что ему давали и наряду съ „большинствомъ“ принялось бы за то дѣло, которое стояло и теперь еще стоитъ на ближайшей очереди, т. е. за *укрѣпленіе партійнаго практическаго центра.* Всякому мало-мальски разумному соціальдемократу должно быть вполнѣ ясно, что если наша партія не будетъ имѣть стойкаго и хорошо укрѣпленнаго центра, то наша *мѣстная* работа на добрую половину или невозможна или мало производительна. Поэтому, въ интересахъ партіи мы прежде всего обязаны создать, если ужъ не „политическаго вождя“ партіи, то, по крайней мѣрѣ, тотъ центральный партійный аппаратъ, который, въ свою очередь, создалъ бы матеріальныя *техническія* предпосылки широкаго размаха партійной работы, а, слѣдовательно, и облегчилъ бы возможность появленія „политическаго вождя“. Объ этомъ послѣднемъ „меньшинство“ толковало очень много, но, къ сожалѣнію, не только не содѣйствовало, но всячески *мѣшало* укрѣпленію того матеріальнаго базиса, при наличности котораго и возможно *серьезно* думать о широкомъ политическомъ руководительствѣ рабочими массами. Мы лично убѣждены въ томъ, что при настоящемъ состояніи нашей организаціи самый талантливый Ц. К. не былъ бы въ состояніи предпринять какія либо серьезныя политическія акціи, а вынужденъ былъ-бы посвятить всѣ свои силы выполненію тѣхъ необходимыхъ предварительныхъ работъ, которыя съ неменьшимъ успѣхомъ могутъ быть сдѣланы и простыми смертными, не награжденными семью пядями во лбу. Работы эти сводятся къ установленію прочныхъ связей между мѣстными и центральнымъ комитетомъ, созданію хорошей, всюду проникающей сѣти агентовъ, правильной организаціи пересылки литературы и т. п. Бундовскіе „вожди“ широкими политическими горизонтами не обладаютъ, но все же съумѣли создать такую организацію, о которой мы только еще мечтаемъ. Наша лично „умѣренность и аккуратность“ простирается на столько далеко, что *сейчасъ* мы предпочли бы самую маленькую, но реальную синицу организаціи въ рукахъ, самому огромному маниловскому журавлю „политическаго руководительства“ въ небѣ. Весьма возможно, что это замѣчаніе вызоветъ у нѣкоторыхъ, черезъчуръ экспансивныхъ товарищей взрывъ негодованія. Пусть: „хорошими то словами, братъ, адъ вымощенъ — скажемъ мы ему, а ты покажи ка намъ *на дѣлѣ*, какъ строятся крѣпкія политическія организаціи!“

Правда, свое уклоненіе отъ работы на Ц. К. „меньшинство“ оправдываетъ тѣмъ якобы серьезнымъ, соображеніемъ, что оно не хотѣло быть невольнымъ проводникомъ принциповъ, съ которыми оно должно бороться. Но это возраженіе не болѣе, какъ вздорный софизмъ, основанный на неправильной аналогіи между *государствомъ* и *партіей*. Быть въ роли агента русскаго правительства и Ц. К. далеко не одно и то же, — разъяснять это, думаемъ, нѣтъ никакой надобности. Помимо того, дѣятельность Ц. К. обусловливается, между прочимъ, и свойствами тѣхъ орудій, которыми онъ распоряжается. Слѣдовательно, его агенты изъ „меньшинства“ тѣмъ большее вліяніе оказывали бы на „политику“ Ц. К., чѣмъ болѣе необходимыми винтами въ партійной машинѣ они были бы, т. е. чѣмъ болѣе активную роль въ *общей* работѣ они выполняли-бы,—а это, разумѣется, возможно только въ случаѣ *участія*, а не *отказа отъ участія* въ общепартійной работѣ. Далѣе Составъ Ц. К. долженъ быть, по необходимости, текучимъ и въ него естественно должны втягиваться всѣ наиболѣе активные элементы партіи. Слѣд. ничуть не исключается, а напротивъ, само собой подразумѣвается, что современемъ, при установленіи нормальныхъ отношеній въ партіи, въ Ц. К. неизбѣжно должны войти и приверженцы „меньшинства“ и даже, быть можетъ, вполнѣ овладѣть имъ, если они окажутся наиболѣе умѣлыми и энергичными работниками. Никому-бы изъ „большинства“ и въ голову не пришло въ такомъ случаѣ огорчаться, просто потому, что это дѣленіе нашей партіи есть преходящій признакъ настоящаго ненормальнаго момента и исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ непонятной претензіи на „представительство“ въ Ц. К. партіи. Въ случаѣ же, если бы Ц. К. вздумалъ чѣмъ либо ограничить этотъ естественный и въ высшей степени желательный отборъ, оппозиція была-бы въ состояніи вызвать со стороны общественнаго мнѣнія соотвѣтственную реакцію. Не какъ теперь, „когда одна рука творитъ, другая сокрушаетъ“, а здоровымъ, нормальнымъ и безопаснымъ для цѣлости партіи путемъ. Такимъ образомъ, пожертвовавъ частью своихъ требованій (такъ какъ дѣло шло не о *всѣхъ*, а лишь о *незначительной* части требованій), „меньшинство“ не содѣйствовало-бы той анархіи, которая господствуетъ теперь въ партіи и, несомнѣнно, стояло бы ближе къ своей цѣли: къ ослабленію вредныхъ, съ его точки зрѣнія, тенденцій Ц. К. Оно не навлекло бы на себя упрековъ—въ значительной своей части, *вполнѣ справедливыхъ*—въ легкомысленномъ отношеніи къ партійной дисциплинѣ. Оно не видѣло бы такого явнаго недовѣрія къ себѣ со стороны большинства комитетовъ партіи, недовѣрія вполнѣ естественнаго и понятнаго, ибо невозможно оправдать мотивы страннаго поведенія „меньшинства“, столь необдуманно и легко игравшаго самымъ существованіемъ партіи.

Вотъ то „бревно“ въ глазу „меньшинства“, которое оно упорно не хочетъ замѣчать, но надъ которымъ ему слѣдовало бы пораздумать по прочтеніи письма К. Каутскаго. И чѣмъ скорѣе оно его замѣтитъ, тѣмъ скорѣе придемъ мы къ давно желанному миру въ партіи. И если *формально* Ц. К., можно сказать, одинъ виноватъ во всей этой печальной исторіи, — ибо послѣ того, какъ „меньшинство“ отклонило всѣ его *разумныя* уступки, ему слѣдовало бы удовлетворить даже и *неразумныя* требованія оппозиціи, если того требовали интересы партіи (бываютъ же въ жизни такіе „фокусы“!) — то *по существу*, послѣ того, какъ Ц. О. перешелъ въ руки „меньшинства“, на немъ лежитъ самая большая и самая тяжелая часть вины за дезорганизацію партіи втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. Таково, вѣроятно, не наше только личное мнѣніе: здравый смыслъ и нормальное чувство революціонера не могутъ привести къ инымъ выводамъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать оговорку. Мы вовсе не пишемъ обвинительный актъ противъ „меньшинства“ и не стараемся обѣлить „большинство“. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы подвести предварительные итоги внутри-партійной борьбѣ, и если мы подробно остановились на роли въ этой борьбѣ „меньшинства“, такъ только потому, чтобы внести поправку и отчасти объясненіе той картины партійнаго „опустошенія“, которая старательно, но нѣсколько односторонне, излагается на страницахъ „Искры“. Мы не видимъ ничего дурного въ томъ, если ея читатели познакомятся и съ другимъ ея освѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что редакція постарается, навѣрное, въ достаточной мѣрѣ ослабить его. Съ другой стороны, если прошлое, дѣйствительно, даетъ уроки настоящему и питаетъ будущее, то пусть члены партіи, *всесторонне* разбирая свои и чужія ошибки, учатся „чего не дѣлать“.

Но что же дальше? Какъ выйти изъ тупого переулка партійныхъ междуусобицъ? При доброй волѣ и *искреннемъ* желаніи служить только *дѣлу*, только ему одному, найти выходъ не очень трудно. Мы убѣждены, что переживаемый нашей партіей кризисъ является выраженіемъ слишкомъ быстраго перехода отъ тѣсной кружковой къ широкой партійной жизни.

Привыкшая къ старымъ условіямъ *кружковой* дѣятельности, психика революціонеровъ, естественно, не могла сейчасъ же приспособиться къ новымъ, болѣе сложнымъ условіямъ *партійной* жизни и... натворила глупостей „на всю Россію“. И не одинъ тов. Ленинъ, какъ думаетъ тов. Плехановъ, повиненъ въ этомъ, а *весь* „синклитъ“ нашихъ „вождей“, весь безъ исключенія, причемъ каждый „глупилъ“ на свой особый ладъ. Кружковая жизнь всегда связана съ преобладаніемъ *смѣлости* надъ *разсудительностью*, а партійная — требуетъ гармоніи этихъ двухъ свойствъ. Въ переживаемомъ нами кризисѣ *неразсудительная смѣлость* поступковъ была причиной многихъ и многихъ бѣдъ. Теперь мы должны высказать побольше *смѣлой разсудительности* и *разсудительной* смѣлости. И первымъ шагомъ къ тому будетъ чистосердечное признаніе своихъ ошибокъ *обѣими* сторонами и, по возможности, скорѣйшее устраненіе всѣхъ тѣхъ недоразумѣній и треній, которыя мѣшаютъ дружной совмѣстной работѣ на партію. Пережитое не пройдетъ даромъ и не дастъ возможности повторить подобныя прошлымъ роковыя ошибки... А, вѣдь, все ближайшее будущее партіи зависитъ отъ какого-нибудь десятка „пановъ“, засѣдающихъ въ центрахъ. Вся огромная армія „хлопцевъ“, разбросанная по обширному пространству Россіи, не принимаетъ непосредственнаго участія въ конфликтѣ и ждетъ его разрѣшенія отъ нихъ. Правда, многіе изъ нихъ, слишкомъ ужъ больно ощущая на своихъ чубахъ послѣдствія несуразной „панской драки“, начинаютъ приходить къ мысли о вмѣшательствѣ въ дѣло съѣзда, не потому, что они желаютъ кого-то тамъ „подавить“, а просто потому, что не видятъ „конца краю“ панскому упрямству. Отсюда видно, какая огромная и страшная отвѣтственность лежитъ на этомъ десяткѣ „пановъ“.

А между тѣмъ, жизнь не ждетъ, она быстро мчится впередъ и все болѣе усложняетъ и расширяетъ наши задачи. Достаточно просмотрѣть хотя бы извѣстія № 66 „Искры“, чтобы видѣть, какая необъятная масса спѣшной, настоятельной и благодарной работы ждетъ нашу партію. И неужели мы опять и опять принуждены будемъ съ краской стыда сознаться, что мы опоздали, не приготовились во время, не сумѣли овладѣть событіями и дать имъ желательное намъ направленіе! „На русской соціальдемократіи, говоритъ Каутскій въ своемъ письмѣ, лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ лицомъ международнаго пролетаріата, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю“. Эти золотыя слова необходимо основательно продумать и проникнуться ихъ глубокимъ смысломъ всѣмъ тѣмъ, кто еще не оцѣнилъ въ достаточной мѣрѣ всю серьезность переживаемаго нами момента и всю страшную опасность нашихъ раздоровъ. Въ особенности должны принять ихъ „къ свѣдѣнію и руководству“ тѣ, отъ кого въ первую голову зависитъ или поддерживать установившееся statu quo. — и тогда мы гигантскими шагами пойдемъ на встрѣчу неминуемымъ *пораженіямъ* и вполнѣ заслуженному *сраму*. — или же энергичный и добросовѣстный разрывъ съ анархіей настоящихъ дней, — и тогда мы скоро займемъ подобающее намъ мѣсто въ борьбѣ за свободу и соціализмъ!

Но для этого необходимо разстаться съ неумнымъ взаимнымъ упрямствомъ и итти на возможно большія уступки другъ другу. Въ настоящій критическій для партіи моментъ уступки не будутъ означать *пораженія* того, кто ихъ дѣлаетъ. Нѣтъ! Каждая такая уступка будетъ означать *побѣду*, побѣду надъ косностью мысли и воли во имя великихъ интересовъ россійскаго и международнаго пролетаріата! Хватитъ ли у насъ желанія перенести *такія* пораженія? Посмотримъ! N. N.

Отъ редакціи. Тов. N. N., видимо, очень добросовѣстно старается держаться „нейтрально“ въ нынѣшнемъ партійномъ спорѣ и, поскольку ему это удается, онъ высказалъ нѣкоторыя цѣнныя мысли. Къ сожалѣнію, ему это не всегда удается.

Достаточно тенденціозной является попытка *всѣ* разногласія свести къ тремъ отмѣчаемымъ товарищемъ вопросамъ, изъ которыхъ два цѣликомъ относятся къ спору о "мѣстахъ". Что тов. Ленинъ *такъ* смотритъ на дѣло, это понятно, но тов. Ленинъ и не брался давать вполнѣ объективную картину конфликта. Давая свое объясненіе, повторяющее то самое, которое тов. Ленинъ и другіе, иже съ нимъ, связали съ рядомъ *обвиненій* противъ „меньшинства“, обвиненій въ „оппортунизмѣ“ и „карьеризмѣ“, тов. N. N. обязанъ былъ заявить свое отношеніе къ *такому* толкованію характера разногласій по этимъ тремъ пунктамъ. Это было бы важно уже потому, что „меньшинство“, въ свою очередь, видитъ сущность партійнаго кризиса не въ спорѣ, напримѣръ, о § 1, а въ томъ, что рѣшеніе этого спора на съѣздѣ въ духѣ „меньшинства“ послужило, какъ это неоднократно признавалъ тов. Ленинъ, къ введенію такъ называемаго „осаднаго положенія“ противъ этого самаго „меньшинства“, т. е. къ системѣ „раскассированія“ той части партіи, которая провинилась по первому пункту. Почему же тов. N. N. обходитъ вопросъ объ *этомъ* разногласіи, о допустимости „осаднаго положенія“ въ партіи, *о возможности существованія* партіи, деморализуемой систематически „осаднымъ положеніемъ“? Отчего тов. N. N. молчитъ о своемъ отношеніи къ разногласію по вопросу о „бонапартизмѣ“, т. е. о допустимости, чтобы партійныя организаціи „составлялись“ тѣмъ самымъ центромъ, который передъ ними отвѣтственъ? Еслибы тов. N. N. не счелъ за лучшее молчать объ этомъ, онъ не могъ бы такъ „просто“ рѣшать вопросъ о средствахъ къ устраненію конфликта. Ни одинъ серьезный организаціонный конфликтъ не можетъ быть улаженъ безъ взаимныхъ уступокъ. Въ этомъ авторъ правъ. Но какъ быть съ тѣми, кто a priori считаетъ мысль о *такихъ* уступкахъ „оппортунизмомъ“, кто, какъ тов. Ленинъ, съ наивнымъ изумленіемъ вопрошаетъ: когда же былъ такой съѣздъ, на которомъ въ вопросахъ организаціонной практики обходилились бы безъ майоризаціи? Какъ быть съ тѣми, чья *оффиціальная* „доктрина“ гласитъ, что предполагаемые сочлены по партіи должны быть, прежде всего, поставлены „въ такое положеніе, при которомъ не могли бы вредить“? Очевидно, что, чтобы стали возможны взаимныя уступки, обѣ стороны должны заранѣе быть согласны въ томъ, что всѣ члены партіи, признающіе программу, одинаково „праведны“. Что „меньшинство“ такъ смотритъ на дѣло, это явствуетъ изъ самого упрека, дѣлаемаго ему въ желаніи „концентрировать всѣхъ“... и даже „южнорабоченцевъ“. И пока „большинство“ не заявитъ открыто, что и оно отвергаетъ дезорганизаторскій призывъ тов. Ленина оберегать единство партіи путемъ организаціоннаго преслѣдованія доброй половины ея членовъ, до тѣхъ поръ маниловщиной являются призывы къ „меньшинству“ показать примѣръ терпимости. А когда „большинство“, въ которомъ, мы увѣрены, назрѣваетъ сознаніе опасности бонапартистскихъ, съ позволенія сказать, „принциповъ“ организаціи, это сдѣлаетъ, тогда въ другомъ свѣтѣ предстанутъ и тѣ „требованія мѣстъ“, которыя меньшинствомъ выдвинуты и отстаивались, какъ *единственное средство* помѣшать тому дѣленію партіи на двѣ *фактическія* организаціи съ двумя политическими центрами, къ которому должна быть привести провозглашенная „большинствомъ“ тактика „осаднаго положенія“.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: „КАУТСКІЙ О НАШИХЪ ПАРТІЙНЫХЪ РАЗНОГЛАСІЯХЪ“.

Редакція „Искры“ (вся или большинство ея? Неужели тов. Плехановъ тоже получилъ „большое удовлетвореніе“ напр., отъ согласія Каутскаго съ § 1 въ формулировкѣ Мартова?) съ большимъ удовлетвореніемъ констатируетъ, что Каутскій „во всѣхъ существенныхъ пунктахъ высказался противъ позиціи, занятой большинствомъ“. Это удовлетвореніе не совсѣмъ понятно. Каутскій, вѣдь, самъ констатируетъ свое малое знакомство съ русскими условіями, и это вовсе не излишняя скромность съ его стороны: изъ его статьи ясно видно, что ему крайне смутно извѣстны не только всѣ перипетіи нашихъ разногласій, но даже и самая постановка вопроса той и другой стороной. Каутскій пишетъ, что *не вѣритъ* обвиненіямъ противъ Аксельрода и его друзей въ склонности къ оппортунизму, такъ какъ *не имѣетъ возможности провѣрить этихъ обвиненій*, а Аксельрода, Плеханова и Засуличъ знаетъ уже давно, „какъ ясные и послѣдовательно мыслящіе умы“; не говоря уже о томъ, что эта вѣра Каутскаго должна будетъ сильно поколебаться, когда онъ узнаетъ, что одинъ изъ этихъ ясныхъ умовъ, тов. Плехановъ, былъ однимъ изъ вождей большинства, выступившаго противъ Аксельрода, Засуличъ и др. съ обвиненіями въ оппортунистическихъ шатаніяхъ въ организаціонномъ вопросѣ, не говоря уже объ этомъ, отмѣтимъ, констатированный самимъ Каутскимъ, фактъ его некомпетентности и спросимъ: неужели позиція меньшинства такъ слаба, что оно получаетъ „большое удовлетвореніе“ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ соглашаются не на основаніи провѣрки его *теперешней* позиціи, а лишь на томъ основаніи, что въ его рядахъ имѣются товарищи, *донынѣ* не подававшіе повода вѣрить въ обвиненія ихъ въ оппортунизмѣ? Неужели меньшинство не надѣется уже, что можно и по провѣркѣ его позиціи согласиться съ нимъ? По моему мнѣнію, основныя мысли Каутскаго, особенно насчетъ § 1, вполнѣ подтверждаютъ какъ правильность формулировки Ленина, такъ и обвиненіе большинствомъ меньшинства въ оппортунистическихъ шатаніяхъ. Каутскій заявляетъ, что для свободной страны признаетъ необходимость *участія* каждаго члена партіи въ организаціи. Принципіальнаго разграниченія между партіей и организаціей для него не существуетъ. Партія, какъ *организованная* часть пролетаріата, является его идеаломъ, недостигнутымъ еще и нѣмецкой партіей, руководствующейся пунктомъ устава, похожимъ на Мартовскій § 1, страдающей отъ этого, по мнѣнію Каутскаго, пережитка полицейскихъ условій времени исключительнаго закона противъ соціалистовъ и не могущей отъ него пока еще избавиться. Для Каутскаго споръ о § 1 не принципіальный, а споръ о цѣлесообразности. Онъ авторъ слѣдующихъ строкъ: „Пролетарій — ничто, пока онъ остается изолированнымъ индивидуумомъ. Всю свою силу, всю свою способность къ прогрессу, всѣ свои надежды и чаянія черпаетъ онъ изъ *организаціи*, изъ планомѣрной совмѣстной дѣятельности съ товарищами“ (Neue Zeit, № 4, 1903, Franz Mehring s. 102) и признаетъ организаціонныя отношенія не только платонически. Для меньшинства — это споръ принципіальный, это „перегибаніе палки“ Ленинымъ, преувеличеніе роли сознанія, формализмъ, бюрократизмъ и проч. По Аксельроду (проток. съѣзда, стр. 243) „§ 1 въ формулировкѣ Ленина является прямымъ принципіальнымъ противорѣчіемъ съ съ самой сущностью, съ задачами соц.-дем. партіи пролетаріата“; онъ требуетъ разграниченія понятія партія и организація, заключая почему-то, что этотъ принципъ долженъ быть проведенъ еще болѣе строго въ соціальдемократической организаціи, чѣмъ у „Народной Воли“ (стр 238) Почему соціальдемократическая партія массъ, задающаяся цѣлью организовать эти массы, должна идти въ организаціонномъ вопросѣ по пути „Народной Воли“ — партіи заговорщиковъ par excellence — осталось тайной тов. Аксельрода. Тов. Мартовъ смѣется надъ § 1 Ленина, упрекая его въ пустой тавтологіи: партія есть организація, организація — партія. Пролетарская психологія, требующая именно отожествленія партіи съ суммой различнаго рода организацій, настолько чужда меньшинству, что оно даже не въ состояніи вести спора въ плоскости, данной Ленинымъ. Ленинъ даетъ параграфомъ первымъ стимулъ къ организаціи. Партія не классъ, а его авангардъ, его сознательные элементы и *всѣ* эти элементы должны быть организованы. Весь центръ тяжести этой постановки вопроса именно въ подчеркиваніи необходимости стремиться къ организаціи всѣхъ элементовъ, входящихъ въ партію, и лишь попутно разрѣшается вопросъ о томъ, какіе элементы войдутъ въ партію; ясно, что наиболѣе сознательные, признающіе программу и организаціонныя отношенія и признанные таковыми партіей. Меньшинство, не допускающее мысли объ отожествленіи партіи съ суммой организацій, переноситъ центръ тяжести на вопросъ, „какіе элементы войдутъ въ партію“ и, рѣшая, что, по Ленину, войдутъ лишь организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, всю свою борьбу сосредоточиваютъ противъ этой тенденціи съузить партію до размѣровъ заговорщической организаціи. Напрасно Ленинъ и другіе заявляютъ, что должны суще-

ствовать не только конспиративныя, тайныя организаціи, а организаціи всевозможныхъ родовъ, мартовцы упорно не замѣчаютъ этихъ другихъ организацій. Одинъ тов. Аксельродъ замѣтилъ, что Ленинъ идетъ навстрѣчу меньшинству своими периферійными кружками, что меньшинство такимъ образомъ ломится, по его выраженію, въ открытую дверь, но выводовъ изъ этой совершенно правильной мысли Аксельрода ни онъ самъ, ни его единомышленники никакихъ не сдѣлали, и ломятся съ все болѣе и болѣе растущимъ ожесточеніемъ и послѣ съѣзда въ открытую дверь. Эти периферійные кружки, эти широкіе рабочіе союзы всякаго рода совершенно чужды интеллигентскому индивидуализму, недооцѣнивающему значенія организаціи. Организацій профессіональныхъ революціонеровъ было уже за глаза довольно этой психологіи. Меньшинство и по сей часъ въ серьезъ не принимаетъ этихъ другихъ ленинскихъ организацій, онѣ, по его мнѣнію, придуманы Ленинымъ на съѣздѣ лишь для отвода глазъ, чтобы контрабандой провести его излюбленную, якобы, мысль о съуженіи партіи до организаціи заговорщиковъ, мечту, развиваемую имъ якобы еще въ „Что дѣлать?“. Ахъ, этотъ неисправимый „змій искуситель“! И все то онъ, все такъ хитро „закрываетъ забрало“! Ну, а кто же изъ дѣйствительно знакомыхъ съ „Что дѣлать?“ и съ „Письмомъ къ товарищу“ не знаетъ, что Ленину уже давно было, по выраженію нѣмцевъ, bitterer Ernst — до зарѣзу важны эти широкія организаціи? Когда Каутскій соглашается съ формулировкой Мартова, то дѣлаетъ это изъ за невозможности, по его мнѣнію, включить при самодержавіи всѣхъ членовъ партіи въ тайныя организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, съ чѣмъ согласно, думаю, и все большинство, т. е. дѣлаетъ ту же ошибку, что и меньшинство — не замѣчаетъ периферійныхъ кружковъ, ошибку, проистекающую у него попросту изъ того, что онъ мало посвященъ въ наши пренія на съѣздѣ.

Возможны ли широкія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ? Должна ли партія состоять изъ однихъ лишь профессіональныхъ революціонеровъ? Нѣтъ! отвѣчаетъ и большинство и меньшинство, причемъ меньшинство въ своемъ чисто метафизическомъ голомъ отрицаніи спѣшитъ прибавить: „значитъ, въ партіи должны быть и не только организаціи (а для меньшинства вѣдь не существуетъ *организацій* не профессіональныхъ революціонеровъ, а лишь отдѣльные члены, состоящіе подъ контролемъ организаціи), но и неорганизованные элементы“. Это положеніе, не подчеркивая стимула къ организаціи, измѣняетъ принципу, выставляемому и не однимъ Каутскимъ и Ленинымъ, принципу, по которому задачей соціальдемократической партіи является не только ускорить процессъ выработки соціалистическаго сознанія пролетаріата, но и *организовать* всѣ сознательныя силы его, по которому внѣ солидарности, внѣ организованности пролетаріата нѣтъ ему спасенья отъ гнета капитала, нѣтъ человѣчеству возможности „совершить скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Меньшинство не сумѣло остаться на высотѣ этого принципа, вѣрнѣе, признавая его лишь платонически, пожертвовало имъ въ угоду интересамъ даннаго момента, а это и есть оппортунизмъ. Большинство безъ жертвы принципомъ разрѣшило вопросъ на практикѣ: периферійные кружки и широкіе рабочіе союзы и даютъ стимулъ къ организаціи и позволяютъ расширять партію до безконечности, и разрѣшаютъ попутно вопросъ о составѣ партіи, ставя, претендующихъ на званіе ея членовъ подъ ея контроль и исключая этимъ возможное, при „эластичности“ формулы Мартова, обремененіе партіи расплывчатыми элементами, отъ которыхъ такъ страдаетъ теперь нѣмецкая партія. Передовица „Leipziger Volkszeitung“, — органа лѣваго крыла нѣмецкихъ товарищей — отъ 11 VI 1904 „Къ реформѣ организаціи партіи“ пишетъ, отмѣтивъ недовольство въ партіи широкой автономіей округовъ и стремленіе къ болѣе строгой централизаціи: „Но эта не строгая централизація на основѣ мѣстной (не общепартійной) является уже традиціей и не поддается измѣненію импровизаціей сверху. Теперешняя партійная организація страдаетъ много меньше отъ недостатка централизма, чѣмъ отъ несоотвѣтствія между организованными элементами и голосующими за партію, и особенно отъ стремленія партійной тактики считаться съ неорганизованными элементами“. *Событія послѣднихъ лѣтъ въ германской партіи, думаю, уже достаточно показали, сколь опасно подобное смѣшеніе элементовъ не годныхъ, не поддающихся организаціи съ элементами организованными; исторія нѣмецкой партіи учитъ нась, какъ мы должны строить нашу организацію.* Формулировка Мартова должна быть отвергнута на третьемъ съѣздѣ. Повторять ошибку нѣмецкихъ товарищей, происшедшую отъ отсутствія примѣра на практикѣ, значитъ отказаться самостоятельно использовать ихъ опытъ и шаблонно подражать ихъ каждому шагу. Позже, когда партія сживется съ ошибочнымъ параграфомъ, труднѣй будетъ ломать уже создавшіяся организаціонныя *отношенія*. Кончаемъ. Редакція пишетъ: „разумѣется, если бы Каутскому были извѣстны остроумныя попытки „углубить“ позицію „большинства“, сдѣланныя уральскими „представителями“ и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, онъ еще менѣе нашелъ бы въ себѣ солидарности съ этимъ „большинствомъ“. Мы же глубоко убѣждены, что, разумѣется, если бы Каутскому были извѣстны остроумныя попытки „углубить“ позицію „меньшинства“, сдѣланныя тт. Аксельродомъ, Мартовымъ и др. и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, попытки свести вопросъ о цѣлесообразности той или иной формулировки къ вопросу о принципіальныхъ разногласіяхъ, попытки возвести свое толкованіе соотношенія между партіей и классомъ — по Мартову нужно дать право каждому стачечнику объявлять себя членомъ партіи, — партіей и организаціей — по Аксельроду подражаніе народовольцамъ (см. выше), партіей и желающими вступить въ ея ряды — по Аксельроду (стр. 243) никакими декретами нельзя запретить вступить въ партію всякому, кто хочетъ себя называть соціальдемократомъ — въ послѣднее слово соціальдемократической теоріи, онъ оставилъ бы свою „вѣру“ въ непогрѣшимость Аксельрода, Засуличъ и ихъ друзей, констатируя еще разъ, что пословица errare humanum est (человѣкамъ свойственно ошибаться) имѣетъ свое приложеніе даже и къ „яснымъ и послѣдовательно мыслящимъ умамъ“.

А что Каутскаго объявятъ оппортунистомъ, пусть редакція не безпокоится. Зачѣмъ же валить съ больной головы на здоровую! Каутскій такъ же далекъ отъ воззрѣній Мартова и др., какъ былъ далекъ Либкнехтъ, на котораго нѣкогда ссылалось „Рабочее Дѣло“, защищая свои повороты, отъ тов. Кричевскаго, перемѣнявшаго въ 24 часа не только свою тактику, но и руководящіе принципы.

Свягинъ.

Отъ ред. Какъ замѣтитъ легко читатель, статья тов. Свягина представляетъ простое пережевываніе книги тов. Ленина („Шагъ впередъ“), вплоть до повторенія тѣхъ же, лишенныхъ всякаго смысла, „страшныхъ“ словъ. Въ особомъ отвѣтѣ, поэтому, статья тов. Свягина не нуждается. Отмѣтимъ лишь странность указанія на то, что Каутскій, якобы, плохо знакомъ съ нашимъ партійнымъ споромъ. Вѣдь Каутскій писалъ свое письмо *по поводу* присланной ему статьи одного изъ видныхъ членовъ „большинства“, написанной для освѣдомленія нѣмецкихъ товарищей. Если Каутскій *послѣ этой статьи* остался „плохо освѣдомленнымъ“ объ „оппортюнизмѣ“ „Искры“, то, очевидно, виноватъ въ этомъ авторъ статьи. Мы, съ своей стороны, позаботимся о томъ, чтобы К. Каутскій получилъ полное представленіе о новомъ сортѣ „ортодоксіи“, которая культивируется „твердокаменными“ товарищами „въ дополненіе“ къ старой Марксовой „догмѣ“.

КЪ ВОПРОСУ О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ ДѢЛЪ ВЪ ПАРТІИ.

Отъ редакціи. Помѣщая это письмо изъ Одессы, мы оговариваемся, что бойкотъ, которому подвергаетъ Одесскій Комитетъ редакцію Ц. О., дѣлаетъ совершенно невозможнымъ для насъ воздѣйствовать на веденіе соціальдемократической работы въ этомъ городѣ иначе, какъ предоставленіемъ полной свободы слова мѣстнымъ товарищамъ, недовольнымъ нынѣшней ея постановкой. Въ короткое время Одесскій Комитетъ, въ составѣ котораго, въ теченіе всей зимы, не было ни одного сторонника „меньшинства“, вызвалъ противъ себя острое недовольство въ своей периферіи. Намъ трудно еще судить, насколько въ этомъ обстоятельствѣ виноваты сами члены комитета, и въ какой мѣрѣ ихъ политика объясняется тѣмъ, что они раздѣляютъ взгляды „большинства“. При *нормальныхъ* условіяхъ партійная пресса могла бы не спѣшить доводить до гласности конфликты среди мѣстныхъ товарищей, всегда возможные въ большой партіи. При нормальныхъ условіяхъ апелляція недовольныхъ комитетомъ товарищей къ центральнымъ учрежденіямъ партіи служила бы, по общему правилу, лучшимъ средствомъ для мирнаго разрѣшенія конфликта и сдѣлала бы ненужнымъ его оглашеніе въ печати, сопряженное подчасъ съ большимъ обостреніемъ отношеній между враждующими сторонами. Но такія нормальныя условія предполагаютъ, прежде всего, одинаковую авторитетность центральныхъ учрежденій для всѣхъ враждующихъ сторонъ и одинаковую степень близости ихъ къ этимъ сторонамъ. Когда этого нѣтъ, — а таково положеніе дѣлъ у насъ — конфликты поневолѣ принимаютъ затяжной характеръ и оглашеніе ихъ въ партійной печати представляетъ меньшее изъ золъ.

Само собою разумѣется, что „Искра“ предоставляетъ Одесскому Комитету полную возможность оправдываться на ея страницахъ противъ предъявляемыхъ ему товарищами обвиненій.

Одесса. Лишь сейчасъ удалось мнѣ прочесть въ № 64 „Искры“ корреспонденцію отсюда товарища рабочаго, и вотъ мнѣ хочется кое-что дополнить, кое-что разъяснить въ этомъ, въ общемъ, вѣрномъ сообщеніи. Мнѣ кажется, что призывомъ Маркса: „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ его же рукъ“ слѣдуетъ и по сіе время пользоваться осторожно, ибо еще не такъ давно этотъ самый лозунгъ служилъ основаніемъ для отдѣленія отъ комитетскихъ организацій группъ „Рабочей Воли“. Слѣдовательно, неосторожное пользованіе этимъ лозунгомъ можетъ имѣть печальныя послѣдствія. Въ свою очередь, не берусь объяснять причину *приниженія* рабочаго дѣла, которое наблюдается, вѣроятно, не въ одной Одессѣ, но думаю, что одна изъ главныхъ причинъ этого — оторванность отъ *дѣла*, отъ *жизни* представителей такъ называемаго „большинства“, очевидно, мало знакомыхъ съ задачами революціонной соціальдемократіи и желающихъ совмѣстить широкое революціонное движеніе пролетаріата съ „ежевыми рукавицами“. И вотъ именно во всемъ чувствуется такая крайняя отдаленность теперешней комитетской работы отъ той, которая диктуется нашимъ пониманіемъ революціоннаго дѣла. Отсутствіе жизни, духа жива — вотъ какъ можно характеризовать теперешнее одесское движеніе. Какъ ни важны, какъ ни много значатъ вопросы организаціи партіи, но изъ-за нихъ проглядѣть насущныя нужды, диктуемыя моментомъ, возможно только тогда, когда, какъ описываетъ тов. Мартовъ въ № 63, все движеніе наблюдается изъ прекраснаго далека. Между тѣмъ рабочіе живутъ, волнуются, не получая отвѣта на свои вопросы и теряя довѣріе къ руководителямъ своимъ; а нашъ олимпъ занятъ въ это время вопросами о томъ, что будетъ съ россійской революціей безъ Ленина. Она несомнѣнно погибнетъ, ибо безъ вождей мы ни на шагъ (такъ мало мы вѣримъ въ себя, въ свои силы); они насъ вели два съ половиною года, они намъ устроили съѣздъ, мы же должны имъ повиноваться и избѣгать „смѣть свое сужденіе имѣть“. А, дастъ богъ, въ свое время они насъ и къ революціи приведутъ... Такова приблизительно схема міропониманія представителей здѣшняго большинства, и это упорное приведеніе всѣхъ разногласій, такъ волнующихъ всю партію, къ личнымъ счетамъ и т. п. — само по себѣ указываетъ на удивительное убожество и на неумѣнье ни на минуту освободиться отъ наивной типично-россійской психологіи, психологіи героевъ и толпы, подстрекателей и подстрекаемыхъ. Такъ настроены наши „большинствисты“, и это настроеніе передается, конечно, и периферіи и прочимъ работникамъ. Периферія эта не больно велика: пара-другая юныхъ сердецъ, частью неопытныхъ, частью мало освѣдомленныхъ, а потому на вѣру принимающихъ изреченія своихъ приходскихъ вожаковъ. Удивительно мало работниковъ революціи — явленіе, трудно объяснимое, причины котораго непонятны.

Таковы наши дѣла. Невесело становится, когда вообразишь себѣ ясно картину положенія, еще горше дѣлается при мысли о томъ, что вліяніе на рабочую массу утрачивается, связи въ большинствѣ потеряны, дѣло гибнетъ. Какъ ни безсиленъ былъ прошлогодній комитетъ во время іюльскихъ дней, онъ развилъ въ разгарѣ событій такую многостороннюю и кипучую дѣятельность, что можно только диву даваться, и хоть кое-что успѣлъ, поэтому, сдѣлать. Казалось бы, весь ходъ революціоннаго дѣла въ Одессѣ требуетъ продолженія прежняго, а между тѣмъ мы присутствуемъ при трагическомъ зрѣлищѣ агоніи нашей старой, видавшей виды организаціи. Дѣятельность нашего комитета приняла, если позволительно такъ выразиться, черезчуръ *интеллигентскій* характеръ. И доказательствъ этому масса. Рабочіе жалуются на отсутствіе руководителей. Организаторская часть хромаетъ. Мнѣ извѣстны, напримѣръ, нѣсколько интеллигентовъ, которые *недѣлями* (фактически) ходили за связями, и ихъ все кормили завтраками: вотъ, дескать, придите завтра, ужъ навѣрное будетъ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ люди просиживали безъ смысла, безъ цѣли, въ то время какъ — нужно ли еще объ этомъ распространяться? — теперь, какъ никогда еще раньше, нужно работать и работать. Въ это же время среди учащихся работа шла сравнительно сносно. Ожидавшимъ работы товарищамъ поручалась работа, можетъ быть, и важная, можетъ быть, и нужная, но, во всякомъ случаѣ, не та, которая ими ожидалась. А между тѣмъ, какъ говоритъ товарищъ-рабочій въ № 64 „Искры“, „нашъ комитетъ имѣетъ возможность только выпускать листки и устраивать ничтожныя собраньица въ нѣсколько десятковъ человѣкъ“. Прибавлю, что это еще въ лучшемъ случаѣ. Развѣ нужно еще дополнять эту картину?! Нужно сознаться, что листки съ литературной стороны теперь лучше былыхъ, но съ точки зрѣнія вліянія они уступаютъ прокламаціямъ прежнихъ комитетовъ. Параллельно съ этимъ, и проникновеніе ихъ въ массу и распространенность уменьшились, на что указывалось уже въ корреспонденціи въ № 61. Мнѣ, между прочимъ, извѣстно, что огромное сравнительно число экземпляровъ давалось для распространенія среди учениковъ, студентовъ, курсистокъ, слушателей и слушательницъ всякихъ курсовъ и пр. и пр. Со стороны, поэтому, можно бы подумать, что комитетъ сумѣлъ обезпечить за собою хотя бы сочувствіе общества. Ничуть не бывало. Средства воздѣйствія на него мизерны, участіе и сочувствіе его ничѣмъ не удается вызвать. Среди общества прокламаціи въ такой важный моментъ войны раздаются по рукамъ, притокъ денегъ настолько незначителенъ, что организація испытываетъ хроническій голодъ, и ей приходится для добыванія средствъ всячески изворачиваться, услуги, оказываемыя обществомъ, равны нулю. Между тѣмъ война настойчиво зоветъ къ работѣ, къ воздѣйствію на всѣ слои общества, зоветъ къ пробужденію и ихъ къ политической жизни. Было у насъ, но въ самомъ началѣ войны, нѣсколько прокламацій по поводу войны, но онѣ носили исключительно общій характеръ, тогда какъ послѣдовательный ходъ событій, представлявшій такой выдающійся агитаціонный матеріалъ, совершенно неиспользованъ. Цѣлый рядъ неудачъ на морѣ, хищеніе и грабежъ въ интендантствѣ и пр., гибель „Петропавловска“ и пр. и пр. — въ это время комитетъ печатаетъ въ видѣ брошюры свою знаменитую резолюцію о меньшинствѣ, помѣщенную въ № 64 въ приложеніи. Переходъ черезъ Ялу, стремительное наступленіе японцевъ, высадки на Ляодунѣ, поѣздки царя и обстановка ихъ и т. д. и т. д. — комитетъ обременяетъ типографію печатаніемъ увѣсистой брошюры: „Докладъ Одесскаго Комитета о второмъ очередномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.“, вышедшей въ серединѣ мая.[1]) Таковы дѣла, таковы факты. Перлы комитетской резолюціи извѣстны товарищамъ, перлы доклада (это разсказъ для непосвященныхъ о томъ, что было на съѣздѣ, разсказъ въ духѣ Павловича), заканчивающагося требованіемъ созыва III съѣзда, того же сорта. Мнѣ кажется, что нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ. Возможно, что я ошибаюсь, возможно, что бездѣятельность проистекаетъ не отъ непониманія, а отъ безсилія. Но это ужъ другое дѣло, здѣсь нужно радикальное средство... Всѣ указанія на недостатокъ людей — миѳъ; люди были, есть и будутъ, дайте имъ только возможность проявить *себя*, свободно работать подъ разумнымъ руководствомъ, привлеките рабочихъ къ активному политическому дѣйствованію, не смотрите на нихъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ, нуждающихся въ опекѣ людей. Появятся тогда дѣятели, закипитъ и жизнь, не отталкивайте только *ея*. Вѣдь, не говоря уже о войнѣ, никогда еще Одесса не переживала такого тяжкаго времени, времени промышленнаго застоя и безработицы. Банкротства слѣдуютъ одно за другимъ. Начались они съ мелкихъ предпріятій, за ними пошли крупныя, потянувшія за собою крахъ безконечнаго числа фирмъ, и пошла теперь круговая. Мелкія фабрики совсѣмъ закрылись, остальныя сократили производство до половины, построекъ нѣтъ, надвигается страшный голодъ. И вотъ навстрѣчу всѣмъ этимъ событіямъ намъ преподносится... „Докладъ“.

И больно, и тяжело писать обо всемъ этомъ... Укажу еще на одно обстоятельство. Это — ростъ Бунда въ Одессѣ, ростъ, идущій несомнѣнно на счетъ роста комитетскихъ силъ. Такъ, въ организаціи обороны на случай ожидавшагося погрома, въ которой участвовали комитетъ и Бундъ, силы, выставленныя обѣими организаціями, были равны! Между тѣмъ еще не такъ давно нашъ комитетъ объединялъ тѣ самые элементы, которые входятъ теперь въ Бундъ. Для воздѣйствія на нихъ бундовская организація издаетъ прокламаціи на *русскомъ* языкѣ.

Заканчивая на этомъ свое письмо, скажу, что, если краски мои мрачны, то онѣ являются лишь отраженіемъ того состоянія соціальдемократическаго дѣла у насъ, до котораго оно дошло въ послѣдніе мѣсяцы. Воочію видя эти результаты, возможно оцѣнить ламентаціи по поводу „дезорганизаторской политики меньшинства“. Что можетъ быть разрушительнѣе для нашей партіи той политики, которую проводятъ одесскіе послѣдователи большинства?!

Инт.

Резолюція Рижскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Рижскій Комитетъ признаетъ организаціонный централизмъ наиболѣе соотвѣтствующимъ задачамъ и условіямъ дѣятельности Россійской Соціальдемократіи типомъ партійной организаціи, и придаетъ особенно важное значеніе созданію замкнутой, строго централистической организаціи въ настоящее время, требующее отъ партіи громаднаго напряженія всѣхъ ея силъ и высокой степени организованности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рижскій Комитетъ выражаетъ полное довѣріе избранному съѣздомъ Центральному Комитету и увѣренность, что ему удастся, при товарищескомъ содѣйствіи всѣхъ партійныхъ организацій, успѣшно выполнить сложную работу фактическаго объединенія партіи.

Рижскій Комитетъ, признавая крайне желательнымъ всестороннее освѣщеніе возникшихъ на съѣздѣ организаціонныхъ разногласій, самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ примѣняемый редакціей Ц. О. и частью Лиги „революціонный“ методъ борьбы, вносящій въ партію раздоры и дезорганизацію, тормозящій ея положительную работу.

Такъ какъ редакція Ц. О. обнаруживаетъ упорное нежеланіе признать суверенитетъ съѣзда и товарищески подчиниться его постановленіямъ, Рижскій Комитетъ заявляетъ, что единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія дѣлъ, созданнаго обструкціонистской тактикой редакціи и части Лиги, онъ считаетъ немедленный созывъ третьяго съѣзда партіи.

Резолюція эта принята комитетомъ единогласно.

Мы считаемъ себя обязанными присовокупить къ этой резолюціи заявленіе, полученное нами отъ товарища, хорошо извѣстнаго редакціи:

Для характеристики того, какъ дѣлаетъ исторію „большинство“, и какъ создаются наиболѣе грозные приговоры надъ Центральнымъ Органомъ, считаю своимъ долгомъ заявить, что, состоя въ періодъ обсужденія Рижскимъ Комитетомъ вопроса о распрѣ между Ц. О. и Ц. К. членомъ ком. бюро, по причинамъ, зависящимъ отъ комитета, а не отъ меня, при обсужденіи и составленіи комитетской резолюціи не былъ, хотя комитету и было не безъизвѣстно о моемъ тяготѣніи къ „меньшинству“. Не спрашивали мнѣнія и не посвящали въ этотъ вопросъ совершенно и нѣкоторыя подкомитетскія организаціи, напр., интеллигентскую группу... Если съ такой же „коллегіальностью“ будутъ производиться выборы делегатовъ на третій съѣздъ, столь популярный въ средѣ большинства, нельзя не предвидѣть, чего можно будетъ ждать отъ третьяго съѣзда; во всякомъ случаѣ не безпристрастнаго рѣшенія вопросовъ, волнующихъ партію. Въ заключеніе долженъ сообщить, что резолюція, которую я имѣлъ предложить на обсужденіе товарищей, введшихъ меня въ свою среду, но не нашедшихъ возможнымъ дебатировать мое еретическое мнѣніе, гласила слѣдующее: „принимая во вниманіе, что возникшія между центральными учрежденіями партіи теоретическія разногласія въ области тактики не настолько серьезны, чтобы вести къ расколу партію, что самое возникновеніе этихъ разногласій объясняется не внѣшнимъ воздѣйствіемъ, а является прямымъ послѣдствіемъ двойственности задачъ, выпавшихъ на долю Р. С. Д. П., и потому сосуществованіе двухъ партійныхъ теченій, поскольку ни одно изъ нихъ не претендуетъ на исключительное господство, не можетъ быть вредно для партіи, а даже полезно, Р. К. убѣдительно проситъ центр. учрежденія, прекративъ излишнюю полемику и враждебныя дѣйствія другъ противъ друга, тормозящія партійное дѣло и деморализующія партійную среду, приступить къ исполненію своихъ прямыхъ, опредѣленныхъ партійнымъ уставомъ, обязанностей, не посягая на сферу дѣятельности другъ друга. Желательно возвращеніе тов. Ленина, какъ виднаго теоретика, партіи въ составъ редакціи Ц. О. и также принятіе въ составъ Ц. К. тѣхъ изъ видныхъ представителей меньшинства, которые того заслуживаютъ по своему дѣловому опыту и дѣловымъ способностямъ.“

Бывшій членъ комитета.

---

[1]) Эту брошюру Одесскій Комитетъ не счелъ нужнымъ доставить намъ, хотя она, какъ видно, спеціально занята обличеніемъ редакціи во всякихъ преступленіяхъ. Ред.

сообщение главноуполномоченнаго Краснаго Креста, что „выяснилась необходимость заготовлять и расходовать продукты не только для больныхъ, раненыхъ и медицинскаго персонала, но *и на довольствіе частей войскъ*“? Тутъ же „главноуполомоченный“ разсказываетъ (въ согласіи съ солдатомъ-авторомъ письма), что во время боя на Ялу и при Вафангоу Красный Крестъ долженъ былъ раздавать солдатамъ, не только чай, сахаръ, табакъ и проч., но даже *хлѣбъ*“! Теперь же Красный Крестъ приступаетъ даже къ открытію „*питательныхъ пунктовъ*“ для трехъ полковъ и проситъ „благотворителей“ о присылкѣ всякихъ припасовъ, въ томъ числѣ *сухарей!* Ни дать ни взять, какъ въ голодающей деревнѣ!

Орелъ. „Знаменательную, историческую минуту переживаетъ сегодня Орелъ“, писали вчера мѣстныя Губернскія Вѣдомости. Ай, батюшки, подумаетъ читатель, что же это такое съ Орломъ приключилось! Дѣло же просто въ томъ, что въ Орлѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, былъ царскій смотръ войскамъ, выступающимъ на Дальній Востокъ. „Обожаемаго“ послали показаться солдатамъ, въ надеждѣ, что тѣ, запечатлѣвъ въ своей памяти образъ царя-миролюбца, съ большимъ изувѣрствомъ будутъ истреблять „коварнаго“ врага, равно какъ и охотнѣе погибнутъ сами во славу нашего маленькаго вѣнценосца. Приготовленія къ пріѣзду „державнаго вождя“ начались уже дня четыре тому назадъ. Городъ запрудила масса полицейскихъ, урядниковъ, стражниковъ. Появились въ огромномъ количествѣ и просто подозрительные люди съ меланхолическимъ выраженіемъ на рожахъ, разгуливающіе по улицамъ. Полиція осмотрѣла всѣ подвальные этажи по мѣстамъ слѣдованія „всемилостивѣйшаго государя“, не пропустивши ни одного погреба, сдѣлала визитъ въ редакцію закрытаго теперь „Орловскаго Вѣстника“ и т. д. Увы, ни минъ, ни адскихъ машинъ нигдѣ не оказалось. Мосты, которыхъ въ Орлѣ, какъ нарочно, много, охранялись послѣдніе 3 4 сутокъ и днемъ, и ночью. Въ день пріѣзда „обожаемаго“ такъ и вовсе черезъ нихъ никого не пускали. Однако, хунхузы и здѣсь не показывались. Между тѣмъ городъ украшался флагами и коврами, которые, къ слову сказать, въ Орлѣ особою свѣжестью не отличаются. Пріѣхавшее спеціально духовное лицо тренировало здѣшнихъ поповъ, чтобы и они лицомъ въ грязь не ударили. Вообще, все было въ должномъ порядкѣ. Спрятанные за веревку, вѣрноподданные помахали „обожаемому“ картузами, покричали въ умѣренныхъ размѣрахъ „ура“... Маленькій, сѣренькій человѣкъ, окруженный громадными лохматыми казаками, проѣхалъ, сидя рядомъ съ нашею гордостью „Орловскимъ помѣщикомъ“-наслѣдникомъ и... все. „Удостоившись лицезрѣть“ (правда, изъ-за спинъ „охраны“), жители разошлись по своимъ дѣламъ, а наши милыя Губ. Вѣдомости записали день шестого мая „золотыми буквами на скрижаляхъ орловской лѣтописи“.

Освобождены арестованные въ мартѣ въ связи съ проѣздомъ черезъ Орелъ нѣкоего, нынѣ арестованнаго, соціалиста-революціонера, ѣхавшаго по паспорту депутата австрійскаго рейхсрата Фишера, прис. пов. Рейнгардъ и Цодиковъ (служ. въ земствѣ)

Курскъ. „У насъ призваны запасные чины. Предѣльный возрастъ ихъ 43 года. Взятые назначаются прямо въ Харбинъ. Что это было здѣсь — вы не представите, не видѣвши сами!.. Представьте себѣ русскихъ крестьянъ съ ихъ „зажиточностью“, съ ихъ семьями въ 7 8 человѣкъ, съ однимъ работникомъ, иногда вдовымъ (домъ совсѣмъ безъ женщины) и затѣмъ представьте, что этотъ „единственный кормилецъ“ долженъ идти въ Манчжурію. Сколько было слезъ, душу раздирающихъ сценъ — передать нельзя. . Три дня подрядъ я просыпался подъ звуки голосовъ подъ окнами: „а она то, сердечная, убивалась — вѣдь, четверо дѣтей!“ или: „вѣдь, 7 чел. дѣтей — малъ мала меньше, а жена недавно умерла“ и т д., и т. д., или слышите истерическія рыданія. — Я никогда не былъ свидѣтелемъ такого моря горя!...“

Вологда. 26 мая здѣсь было экстренное губ. земское собраніе. Предсѣдателемъ избранъ Еремѣевъ (нац.-либер.). Брянчаниновъ (предс. Грязовецкой земск. управы) предложилъ собранію поблагодарить бывшаго предсѣдателя Кудряваго за полезную дѣятельность, но предсѣдатель собранія Неѣловъ (предв. дворян. вологод. уѣзда) заявилъ, что онъ не можетъ „разрѣшить постановку этого вопроса въ виду того, что дѣятельность Кудряваго неодобрена правительствомъ“[1]. Кудрявый говоритъ ему: „вы не имѣете права заявлять это, такъ какъ неизвѣстно, за что я не утвержденъ“. Васильевъ, Масленниковъ, Лавровъ и др. гласные заявляютъ Неѣлову, что будутъ жаловаться въ Сенатъ на неправильныя дѣйствія его, какъ предсѣдателя собранія. Затѣмъ всѣ гласные отъ грязовецкаго уѣзда съ предводителемъ во главѣ (Ник. Мих. Волоцкой) подходятъ къ В. А. Кудрявому и благодарятъ его за бывшую его дѣятельность, какъ предсѣдателя губернской земской управы. Читается докладъ о пожертвованіи на войну. Вопросъ баллотируется сначала записками: куда ассигновать деньги — въ распоряженіе правительства или присоединиться къ организаціи Московскаго земства? Большинство высказалось за направленіе денегъ по второму адресу. Сколько ассигновать? Зубовъ говоритъ, что 100.000 р., ни больше, ни меньше и непремѣнно въ распоряженіе правительства. Нѣкоторые его поддерживаютъ. Васильевъ говоритъ, что такихъ денегъ земству взять неоткуда, такъ какъ запаснаго капитала у земства нѣтъ, и въ концѣ концовъ эти 100.000 придется выколачивать съ земскихъ плательщиковъ — полуголодныхъ мужиковъ, которые и безъ того много уже пожертвовали натурою — своими сыновьями и работниками, взятыми изъ семьи, — и предлагаетъ ассигновать не свыше 25.000 руб. въ помощь семьямъ убитыхъ и раненыхъ съ тѣмъ, чтобы присоединить эту сумму къ Московской земской организаціи, не посылая своего особаго уполномоченнаго; многіе гласные, и особенно гласные крестьяне, поддерживаютъ это предложеніе. Предсѣдатель собранія Неѣловъ читаетъ циркуляръ Плеве, недавно изданный и воспрещающій земскіе союзы, но пропускаетъ умышленно слова царя (приведенныя въ докладѣ управы), высказанныя уполномоченному Москов. земства князю Львову при представленіи его царю передъ отъѣздомъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь благодаритъ земскихъ дѣятелей за сочувствіе, выраженное пожертвованіями. Заставляютъ Неѣлова прочесть эти слова. Брянчаниновъ машетъ ожесточенно руками и кричитъ: „наплевать намъ на министра, когда самъ царь благодаритъ земцевъ и ничего не имѣетъ противъ земскаго союза съ этой цѣлью“. Въ концѣ концовъ постановлено большинствомъ ассигновать въ пользу семей пострадавшихъ на войнѣ 25000 р. съ присоединеніемъ къ Моск. зем. организаціи.

На другой день послана на Неѣлова жалоба подписанная чел. 15-ю гласными (меньшинствомъ). Когда благодарили Кудряваго, то Брянчаниновъ, между прочимъ, выразилъ пожеланіе дождаться въ недалекомъ будущемъ времени, когда опять увидимъ Кудряваго предсѣдателемъ губ. зем. управы. Вообще, засѣданіе было бурное.

Ростовъ. Въ серединѣ апрѣля начались у насъ многочисленные аресты; жандармы, задавшись цѣлью выловить всѣхъ революціонеровъ въ Ростовѣ, совершали свои набѣги самымъ безцеремоннымъ образомъ; днемъ и ночью врывались они въ обывательскіе дома и искали „внутреннихъ враговъ“. Такіе набѣги, продолжавшіеся вплоть до перваго мая, произвели ужасную панику среди обывателей, а въ рабочей средѣ тѣмъ временемъ шла прежняя работа.

Какъ 18 апрѣля, такъ и 1 мая были распространены въ большомъ количествѣ майскіе листки (ред. „Искры“ до 10.000), устроено было два собранія рабочихъ, на которыхъ ораторы выясняли значеніе майскаго праздника и его международный характеръ, говорили о требованіяхъ, которыя выставилъ международный соціалистическій конгрессъ въ Парижѣ, сравнивали празднованіе этого дня у насъ и въ Западной Европѣ. Вслѣдъ за этимъ, была распространена прокламація „Ко всему рабочему народу“ (изд. „Искры“, 4000 экз.), отъ которой рабочіе пришли въ неописуемый восторгъ. По полученіи № 64 „Искры“, въ которомъ описывается Якутская бойня, Донской Ком. рѣшилъ немедленно организовать рядъ массовыхъ сходокъ съ цѣлью протеста противъ возмутительнаго акта насилія и избіенія политическихъ ссыльныхъ. На дняхъ одна такая сходка состоялась; она была устроена очень конспиративно и сошла чрезвычайно удачно. На ней присутствовало 150 чел. рабочихъ. Познакомивши рабочихъ со всѣми ужасными условіями жизни политическихъ ссыльныхъ и изложивъ всѣ причины, непосредственно вызвавшія протестъ Якутскихъ товарищей, ораторъ коснулся и всѣхъ прежнихъ преступленій правительства, которыми оно думало и думаетъ уничтожить революціонное движеніе; говорилъ о Кишиневской рѣзнѣ, объ убійствѣ мирно демонстрирующихъ рабочихъ на улицахъ Кіева, Златоуста, Ростова и многихъ другихъ городовъ. Указавши на всѣ эти преступленія царскихъ слугъ, какъ на слѣдствіе всей хищнической политики самодержавнаго правительства, ораторъ перешелъ къ вопросу о современномъ народномъ бѣдствіи, — войнѣ, — которую, помимо воли народа, затѣяло варварское правительство для того, чтобы свистомъ пуль заглушить стоны и крики настрадавшагося народа и покрыть блескомъ славы сподвижниковъ царя. Въ заключеніе была предложена отъ имени Дон. Ком. резолюція, которую приняли рабочіе единогласно. Сходка прошла до того оживленно, настроеніе рабочихъ до того поднялось, что въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней среди нихъ только и говорится о героизмѣ Якутскихъ товарищей и о томъ, что „скоро-скоро наступитъ тотъ моментъ, когда вся самодержавная махина загрещитъ въ послѣдній разъ и съ шумомъ провалится въ бездну“. Бодро настроенные, мирно и тихо разошлись рабочіе по домамъ, тая въ глубинѣ души своей отрадное чувство, что наши дорогіе товарищи даже въ далекой Сибири не перестаютъ бороться съ общимъ намъ всѣмъ врагомъ — проклятымъ самодержавіемъ.

Вотъ текстъ принятой резолюціи: „Понимая, что убійство и избіеніе политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ является слѣдствіемъ всего политическаго режима, основаннаго на грубомъ произволѣ и дикомъ насиліи, собраніе ростовскихъ рабочихъ протестуетъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ новаго звѣрскаго преступленія царскаго правительства и выражаетъ глубокое убѣжденіе, что преступное правительство, прибѣгающее для спасенія царскаго трона къ убійствамъ беззащитныхъ людей, къ погромамъ, грабежамъ и безсмысленной войнѣ, не въ силахъ уничтожить того революціоннаго движенія, которое пустило глубокіе корни въ народной массѣ, что современный богатырь — рабочій классъ, кровь котораго уже неоднократно проливалась на улицахъ многихъ городовъ, съ еще большей ненавистью къ самодержавію, съ удесятеренной энергіей и смѣлостью направитъ всѣ свои силы на достиженіе той великой цѣли, которую ставитъ себѣ Р. С.-Д. Р. П. Вѣря въ близость крушенія всего самодержавнаго порядка, собраніе шлетъ горячій товарищескій привѣтъ Якутскимъ борцамъ, оставшимся вѣрными революціонному дѣлу даже въ далекой Сибири, и призываетъ всѣхъ россійскихъ гражданъ смѣло и открыто выступить на борьбу съ истиннымъ виновникомъ всѣхъ современныхъ бѣдствій въ нашемъ отечествѣ“.

Привѣтъ тверскихъ рабочихъ Якутскимъ борцамъ.

Героямъ якутянамъ отъ тверскихъ организованыхъ рабочихъ.

Товарищи! Шестого іюня на общей сходкѣ намъ сообщили о Вашемъ геройскомъ подвигѣ... Удаленные отъ всего міра, лишенные всякихъ способовъ планомѣрной борьбы за свободу, вы, — горсть непримиримыхъ борцовъ, — съ оружіемъ въ рукахъ рѣшили протестовать противъ новыхъ насилій надъ вами нашего звѣрскаго правительства... Мало того, что загнало васъ въ непроходимыя дебри Сибири, мало того, что осудило васъ на прозябаніе въ инородческихъ улусахъ вдали отъ друзей и товарищей, — своими послѣдними мѣропріятіями оно хотѣло сдѣлать вашу жизнь еще безотраднѣе и невыносимѣе. Вамъ запретили свиданія съ проѣзжающими товарищами, стѣснили свободу передвиженія и переписки, урѣзали и безъ того незначительное казенное пособіе, однимъ словомъ, захотѣли низвести васъ до положенія заживо погребенныхъ... Но вы не покорились, вы протестовали, — и одинъ изъ васъ убитъ, другимъ угрожаетъ военный судъ,

Товарищи! Мы гордимся вами! Товарищи! Вашъ поступокъ — примѣръ для насъ, примѣръ стойкости, непримиросги и отваги въ борьбѣ за нашу свободу. Мы посылаемъ Вамъ свой братскій привѣтъ, — да поддержитъ онъ Васъ въ минуту унынія и грусти. Вы не одни. За Вами сомкнутыми рядами встаютъ новые борцы, и каждое новое звѣрство увеличиваетъ ихъ число. Да будетъ проклято самодержавіе! Одной рукой оно губитъ народъ на Дальнемъ Востокѣ, а другой — душитъ всякій проблескъ свободы!

Долой самодержавіе!

Да здравствуютъ герои-якутяне!

Вѣчная память тов. Матлахову!

(Сообщено Тверскимъ Ком. Р. С.-Д. Р. П.)

Къ Якутской бойнѣ. Трое ссыльныхъ, не бывшихъ во время осады въ „Романовкѣ“, подали губернатору заявленіе, въ которомъ признаютъ, что, будучи въ это время въ городѣ, оказывали всякую помощь осажденнымъ. Они присоединены къ числу привлеченныхъ къ слѣдствію. Вотъ ихъ имена: Виленкинъ (солдатъ, кіевскій студентъ, по дѣлу Минскаго Ком.), Софья Влад. Померанецъ (зуб. врачъ, по дѣлу Кіевскаго Союза Борьбы 1898 г., была въ 1900 г. сослана на 5 лѣтъ) и Марья Сав Зеликманъ, по дѣлу Донского Ком. (1898 г.) Виленкинъ содержится на военной гауптвахтѣ, Зеликманъ и Померанецъ оставлены до суда на свободѣ, Л. Л. Никифоровъ почему-то высланъ въ село Усть Май кое.

Партіей, прибывшей въ Якутскъ вскорѣ по окончаніи осады, было подано губернатору заявленіе, аналогичное уже помѣщеннымъ въ „Искрѣ“ заявленіямъ солидарности съ „Романовцами“. Подъ заявленіемъ подписались: Б. Цейтлинъ, А. Гинзбургъ (оба по дѣлу „Юж. Раб.“, 1902 г.), Гр. Вейсманъ (Сѣв. Союзъ, 1902 г.), Цецилія Даргольцъ и П. Вайнштейнъ (трансп. „Искры“, осенью 1902 г.), М. Гальперинъ (дѣло „Бунда“, 1902 г.) Зальм. Левинъ, Вас. Ивановъ, Вигдоръ Гозенпутъ, Б. Тарасовъ И. Хмѣльницкій, Ф. Гиммельфарбъ, Анна Розенфельдъ, Ц. Левина, С. Апенченко, М. Капланъ. Судъ отложенъ до іюля.

Изъ села Хоратъ генералъ-губернатору и министру вн. д. посланъ протестъ за подписями ссыльныхъ: Грановскаго, Гессельбергъ, Дучугели, М. Экгаузъ, Багаева, (Сѣв. Союзъ), Ф Афанасьевой (дѣло „Искры“), Татаренко, Рубинштейнъ.

Лондонъ. 26 іюня (н. с.) состоялся митингъ по поводу избіенія ссыльныхъ въ г. Якутскѣ. Въ устройствѣ митинга приняли участіе шесть политическихъ группъ (Группа Содѣйствія Р. С.-Д. Р. П., гр. Бунда — „Verein Wecker“, гр. Соц.-рев., гр. P. P. S., гр. „Arbeiter Freund“ и гр. „Liberty“) и, кромѣ того, Эмигрантское общество и два лекторскихъ общества: соціальдемократическое и соціалистическое.

Залъ, вмѣщающій около 2000 человѣкъ, былъ совершенно полонъ. Говорились рѣчи на русскомъ, еврейскомъ, польскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Собранію была предложена на голосованіе та же резолюція, которая была ранѣе принята въ Женевѣ. Въ ней выражается горячій привѣтъ якутскимъ товарищамъ, протестъ противъ звѣрствъ русскаго правительства и обращеніе ко всѣмъ честнымъ гражданамъ съ призывомъ идти въ ряды борцовъ противъ самодержавія.

Поставленная на голосованіе, резолюція была принята *единогласно.* Результаты голосованія были встрѣчены съ большимъ энтузіазмомъ и многократными криками „ура!“.

Политическіе процессы. „На дняхъ (Кіевской?) судебной палатой Михаилъ Назарьевъ (быв. петерб. студ., обв. въ транспортѣ изданій „Союза рус. с. д.“) присужденъ къ 2½ г. арестантскихъ ротъ. На вопросъ о виновности М. Н. отвѣтилъ рѣчью о томъ, что такое соц.-дем., чего она добивается, объ отношеніи самодержавія къ разнымъ классамъ, о классовой борьбѣ, о ближайшихъ задачахъ соц. дем. и призвалъ всѣхъ честныхъ людей подъ знамя соц.-дем.

Назарьеву очень не везло: адвокатъ, изучившій его дѣло въ СПБ. — Переверзевъ, недавно высланъ въ Вологодскую губ. Московскіе адвокаты уклонились отъ защиты. Пришлось взять защиту на себя брату Назарьева, молодому помощн. прис. повѣр., удрученному неудачами брата. Говорилъ онъ болѣе, чѣмъ смѣло, но судъ его не останавливалъ, видимо сочувствуя положенію двухъ братьевъ, только вдвоемъ представшихъ передъ судьями.“

По словамъ *легальныхъ* газетъ, недавно военнымъ судомъ въ Смоленскѣ осужденъ за революціонную пропаганду среди солдатъ рядовой Дайновскій — *на безсрочную каторгу*; другой рядовой приговоренъ къ *военной* тюрьмѣ, третій оправданъ.

Къ свѣдѣнію всѣхъ революціонеровъ!

(Добыто въ одномъ жанд. управленіи).

Списокъ охранныхъ отдѣленій и состоящихъ при нихъ завѣдующихъ наружнымъ наблюденіемъ съ указаніемъ адресовъ тѣхъ и другихъ.

Охранныя отдѣленія и завѣдующіе наружнымъ наблюденіемъ.	Адресъ охранныхъ отдѣленій.	Адресъ завѣдующихъ наружнымъ наблюденіемъ.	Отмѣтка въ перем. адр. охр. отд.	Отмѣтка въ пер. адр. зав нар. набл.
Тифлисское: Иванъ Ивановичъ Антоновъ, письмодитель.	Гор. Тифлисъ	Г. Тифлисъ, Михайловскій пр., д. Самойловичъ, № 129.		
Уфимское: Иванъ Ивановичъ Прудниченковъ.	Гор. Уфа.	Г. Уфа, Воскресенская ул., д. Максютовой.		
Иркутское: Павелъ Егоровичъ Сергѣевъ, конспиративно П. Е. Смирновъ.	Гор. Иркутскъ	Г. Иркутскъ, 3 я Солдатская ул., д. Баерскаго, № 13.		
Таврическое: 1) письмоводитель Павелъ Алексѣевъ Дьячковъ. 2) Гавріилъ Александровичъ Александровъ.	Гор. Симферополь.	Г. Симферополь, Старопочтовая ул., д. Базовой, № 4. Г. Севастополь, Пушкинск. у., д. Унковской, № 22.		
Донское: Яковъ Пантелеймоновичъ Аксеновъ.	Гор. Ростовъ на Дону.	Г. Ростовъ н/Д., Баташевская у., д. Гориной, № 4.		
Казанское: Павелъ Васильевъ Машковъ.	Гор. Казань.	Г. Казань, ул. Вторая Гора, д. Дроздова.		
Нижегородское: коллежскій регистраторъ Мих. Ивановичъ Рождественскій.	Гор. Н.-Новгородъ.	Г. Нижній Новгородъ, Старосолдатскій пер., д. Пузанова, № 10, кв. № 8.		
Одесское: коллежскій регистраторъ Андрей Тимофѣев. Вагановъ, конспиративно А. Т. Черноморскій.	Гор. Одесса.	Г. Одесса, Успенская ул., домъ № 14, кв. № 16.		
Кіевское: Игнатій Никитьевичъ Зеленовъ, конспиративно И. И. Зоринъ.	Гор. Кіевъ.	Г. Кіевъ, Бульварно-Кудрявская улица, д. № 29.		
Бессарабское: коллежскій регист. Никита Логиновичъ Сотниковъ.	Гор. Кишиневъ.	Г. Кишиневъ, Садовая улица, д. № 26.		
Харьковское: Иванъ Климентьевичъ Каенкенко, конспир. Климентьевъ.	Гор. Харьковъ	Г. Харьковъ, Михайловскій переулокъ, д. № 7.		
Томское: Алексѣй Николаев. Крашенинниковъ.	Гор. Томскъ.	Г. Томскъ, Ямской переул., д. Баранова.		

Архангельскъ. 4 мая. Послѣднее время изъ ссыльныхъ, слѣдующихъ этапомъ, почти никого не оставляютъ въ городѣ, а разсылаютъ по отдаленнымъ селамъ и деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ уже не хватаетъ квартиръ. Число ссыльныхъ въ Архангельской губерніи достигло уже почти 600 человѣкъ. У этапа, отправляемаго 29 мая въ уѣздъ изъ мѣстной тюрьмы, вышло какое-то столкновеніе съ администраціей (говорятъ, ссыльные требовали подводу до пароходной пристани). Въ результатѣ, ихъ провожалъ на пароходную пристань усиленный конвой, а также полиціймейстеръ, жандармскій офицеръ и другіе чины. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ были безъ шапокъ и очень возбуждены.

Въ дополненіе къ уже указаннымъ ссыльнымъ, изъявившимъ желаніе идти на *войну*, могу назвать слѣдующихъ: Щербань и Даниловъ (Кола), Малышевъ (Кемь), Адріенко, Лысенко (Онега), а во всей губерніи человѣкъ 8-10. Это все большею частью люди малосознательные, отъ которыхъ товарищи отшатнулись послѣ ихъ рѣшенія. Между прочимъ, кажется, никого изъ нихъ не сочли возможнымъ взять въ дѣйствующую армію.

Въ настоящее время здѣсь междуцарствіе. Прежній губернаторъ уѣхалъ, а новый еще не пріѣхалъ, и исправляющій должность губернатора вице губернаторъ фонъ Лиліенфельдъ-Тоаль, боясь попасть впросакъ, на всѣ просьбы ссыльныхъ отвѣчаетъ: „я разсмотрю ваше дѣло“, хотя бы дѣла никакого и не было, а то и просто отказываетъ. Такъ, двумъ-тремъ не разрѣшилъ поѣздки въ Соловецкій монастырь, благодаря ему же, вѣроятно, отказано во временномъ отпускѣ одному ссыльному для леченія дѣтей и т. д.

Изъ другой области наиболѣе интересенъ фактъ образованія мѣстнаго комитета Р. С. Д. Р. П., выпустившаго „Архангельскій листокъ“ № 1 (на гектографѣ), въ которомъ, между прочимъ, приведенъ рядъ корреспонденцій рабочихъ, и „Краткій очеркъ рабочаго движенія въ Архангельскѣ“ (тоже на гектографѣ). Затѣмъ образовалась „Группа соціаль-демократовъ Дальняго Сѣ-

[1]) На дняхъ же въ Московскомъ губ. земскомъ собраніи, во время выборовъ новаго предсѣдателя, собраніе, по предложенію предводителя дворянства кн. Трубецкого, благодарило за энергичную и полезную дѣятельность бывшаго, неутвержденнаго вновь, предсѣд. управы Шипова.

вера", выпустившая рядъ листковъ (на гектографѣ) — до 10. по 200-300 экземпляровъ каждаго: нѣсколько о войнѣ, перепечатки изъ „Искры", о Якутской исторіи, къ обществу, къ учителямъ и учительницамъ, программу группы и пр.

За послѣднее время было нѣсколько удачныхъ побѣговъ.

Въ погонѣ за нелегальной литературой.

М. Н. П. Секретно.
Казанскій Учебн. Округъ.
Инспекторъ нар. учил.
(2-го района) Вятской губ.
(27) апрѣля 1904 г. №

По распоряженію начальства прошу Васъ, Милостивая Государыня, въ случаѣ полученія Вами какихъ-либо преступныхъ воззваній или запрещенныхъ изданій, тотчасъ же выслать ихъ мнѣ, съ обозначеніемъ, когда и какимъ путемъ (по почтѣ или инымъ способомъ) Вы ихъ получили. При этомъ считаю необходимымъ предупредить Васъ, что удержаніе Вами означенныхъ изданій повлечетъ за собой законную отвѣтственность и немедленное Ваше удаленіе отъ должности.

Въ прочтеніи настоящаго секретнаго предложенія прошу Васъ на немъ расписаться и выслать его мнѣ обратно, никому не разглашая о содержаніи его.

Инспекторъ........
Читали: ....

Кубанская область. Двухмилліонное населеніе Кубанской области до послѣдняго времени представляло дѣвственное поле для соціальдемократической пропаганды и агитаціи. Попытки пропаганды въ Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ и другихъ городахъ были слишкомъ разрознены и несистематичны, исходили, большей частью, отъ пріѣзжей молодежи и высланныхъ изъ другихъ городовъ рабочихъ. и обыкновенно заканчивались съ отъѣздомъ случайно заброшенныхъ пропагандистовъ. Даже въ такихъ сравнительно крупныхъ рабочихъ центрахъ, какъ станица Тихорѣцкая и Новороссійскъ, никогда не существовало прочной организаціи, и почти не было попытокъ въ этомъ направленіи. Рабочее движеніе въ этихъ центрахъ въ концѣ 1902 и 1903 годахъ явилось отчасти отраженіемъ ростовскихъ событій и развивалось вполнѣ стихійно.

Лѣтомъ прошлаго года въ Екатеринодарѣ, наконецъ, образовалось „Соціальдемократическая группа организованныхъ рабочихъ", которая начала систематическую пропаганду среди рабочихъ и выпустила нѣсколько прокламацій по поводу стачекъ. Вопросъ о расширеніи дѣятельности этой организаціи и о выступленіи ея въ качествѣ комитета Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи нѣсколько разъ обсуждался членами группы и въ началѣ этого года рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ. Среди возраженій противъ такого выступленія главное заключалось въ томъ, что при отсутствіи въ Кубанской области сплоченнаго фабричнаго и заводскаго пролетаріата, даже солидной организаціи нельзя будетъ прочно укорениться въ мѣстномъ населеніи. Посмотримъ, такъ ли это? Можно ли революціонной соціальдемократіи разсчитывать на успѣхъ въ широкихъ кругахъ рабочаго класса Кубанской области?

До конца 60-хъ годовъ вся огромная территорія Кубанской области принадлежала кубанскому казачьему войску, и лицамъ не казачьяго сословія запрещалось даже селиться и пріобрѣтать какую либо собственность на земляхъ казачьяго сословія. Но одними силами этого сословія, подавленнаго поголовной службой, экономическое развитіе области не подвигалось впередъ, и правительство принуждено было въ 1868 г. издать законъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ лицамъ другихъ сословій пріобрѣтать на правахъ собственности дома и другія строенія съ усадьбами на войсковыхъ земляхъ. Послѣ изданія этого закона, втеченіе только пяти лѣтъ количество переселившихся въ Кубанскую область изъ другихъ губерній, такъ называемыхъ „иногороднихъ", достигло болѣе 200.000. Въ 70 и 80 годахъ притокъ иногороднихъ продолжался, а съ нимъ экономическій ростъ и разслоеніе на классы населенія области. Образовались торгово-промышленные центры, какъ Екатеринодаръ, Армавиръ, Новороссійскъ. Майкопъ, станицы Тихорѣцкая, Невинномысская, Лабинская и др. Въ настоящее время лицъ не-казачьяго сословія въ области болѣе 1.100.000, но почти вся земля остается въ рукахъ казаковъ и войска. Почти 80% всей земли принадлежитъ имъ и казнѣ, и около 10% земель, пожалованныхъ въ частную собственность за службу на Кавказѣ, и потомственной собственности войсковыхъ чиновниковъ. Изъ 3.264 000 дес. находившихся въ 97 году подъ посѣвами, на казачьей землѣ было 3.076.000. На однихъ войсковыхъ земляхъ иногороднихъ живетъ болѣе 700.000. Выдѣливъ изъ себя крупныхъ торговцевъ, промышленниковъ и земельныхъ собственниковъ, иногородніе въ массѣ, лишенные земли, живутъ значительно бѣднѣе кореннаго населенія и добываютъ средства, главнымъ образомъ, наемнымъ трудомъ въ качествѣ рабочихъ у казаковъ, промышленниковъ, на желѣзной дорогѣ и въ качествѣ арендаторовъ небольшихъ участковъ казачьихъ земель. Около 250.000 иногороднихъ, живущихъ постоянно въ станицахъ, не имѣютъ буквально „ни кола, ни двора".

Въ 80-хъ годахъ начинается, вмѣстѣ съ общимъ собираніемъ силъ реакціи, рядъ административныхъ мѣръ, направленныхъ противъ иногороднихъ и стремившихся искусственно поддержать „древніе обычаи, благочестіе, уваженіе къ старшимъ, чинопочитаніе, кои присущи казачьему населенію и стяжали ему милость монарховъ" (Приказъ военнаго министра 1892 г.).

Началось настоящее гоненіе на иногороднихъ. Указъ Александра III, измѣнявшій законъ 68 года въ томъ смыслѣ, что для пріобрѣтенія усадьбы необходимо разрѣшеніе станичнаго общества, былъ оглашенъ административнымъ путемъ, такъ какъ сенатъ отклонилъ его обнародованіе. Нѣсколько сотенъ тысячъ иногороднихъ отдано было въ полное распоряженіе станичныхъ правленій. Казаки составляли приговоры, воспрещавшіе сдавать землю въ аренду иногороднимъ. Почти во всѣхъ станицахъ посаженная плата за усадьбу была повышена до пяти копеекъ съ кв. саж., т. е. 125 р. въ годъ за десятину. Это былъ налогъ на право жительства и средство для выселенія уже осѣдлыхъ иногороднихъ. Составляя во многихъ станицахъ большинство населенія, иногородніе часто не могутъ посылать своихъ дѣтей въ школы, они лишены медицинской помощи, не имѣютъ права на своихъ усадьбахъ безъ разрѣшенія станичнаго правленія строить новые дома, ремонтировать старые. Бывали случаи, что атаманы издавали циркуляры, запрещавшіе иногороднимъ носить бешметы, пояса, стричь голову.

Но и господствующее сословіе стоитъ наканунѣ кризиса. Обремененное поголовной службой, учебными сборами, расходами на обмундировку и вооруженіе, казачество во многихъ станицахъ не въ состояніи нести эти повинности, и въ массѣ быстро разоряется. Въ другихъ, болѣе богатыхъ земельнымъ просторомъ станицахъ, казаки, чтобы отбыть повинности, принуждены залѣзать въ долги и по возвращеніи со службы попадаютъ въ кабалу своихъ обществъ или болѣе зажиточныхъ станичниковъ.

Развивающіяся экономическія силы разрушаютъ съ каждымъ днемъ казачество, среди котораго тоже происходитъ разслоеніе на классы. Тщетно областная администрація, путемъ административнаго воздѣйствія, старается поддержать „опору престола" — издаетъ циркуляры, запрещающіе передѣлы казачьихъ земель на долгіе сроки, отдачу въ аренду иногороднимъ земель болѣе, чѣмъ на одинъ годъ и пр. Циркуляры оказываются столь же безсильными передъ экономической необходимостью, какъ молебны и Николаи-чудотворцы самодержавія передъ японской артиллеріей и современнымъ гражданскимъ строемъ Японіи.

Передъ Кубанскимъ Комитетомъ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи стоитъ широкая задача организаціи пролетаріата въ такихъ центрахъ, какъ Новороссійскъ, Армавиръ, Екатеринодаръ, Тихорѣцкая и пр; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ поднять агитацію противъ самодержавія среди всего населенія Кубанской области. Исторія завязала такой крѣпкій узелъ вокругъ царскаго правительства, что даже такія мѣры, какъ уничтоженіе казачества, уравненіе въ правахъ иногороднихъ, свобода распоряженія землей могутъ быть проведены только вмѣстѣ съ разрушеніемъ самодержавнаго строя. Не намъ, конечно, жалѣть объ этомъ. Взявъ на себя эту задачу, революціонная соціальдемократія укрѣпитъ свое положеніе среди сотенъ тысячъ безземельнаго пролетаріата нашей области, который быстро и легко сознаетъ свои классовые интересы, какъ только, вмѣстѣ съ крушеніемъ самодержавія, съ него спадутъ корпоративные путы отжившаго казачества.

Надо замѣтить, что пропагандѣ и агитаціи нашего комитета должно оказать большое содѣйствіе существованіе среди иногороднихъ и казаковъ Кубанской области нѣсколькихъ десятковъ тысячъ сектантовъ, по преимуществу, раціоналистическихъ сектъ. Они оказываются очень воспріимчивыми къ соціальдемократической пропагандѣ. У Кубанскаго Комитета есть уже нѣкоторый опытъ въ этомъ отношеніи. Такъ, прошлой зимой, одинъ изъ членовъ комитета ѣздилъ на собраніе сектантовъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и постарался на этомъ собраніи разсѣять тѣ сплетни и клевету о соціальдемократахъ, которыя обычно распространяются полиціей и духовенствомъ. Рѣчь его на эту тему была принята восторженно, и сектанты, въ особенности молодежь, пожелали вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ комитетомъ. Во многихъ станицахъ Кубанской области часто происходятъ такія собранія сектантовъ, гдѣ бываетъ иногда нѣсколько сотенъ человѣкъ. На нихъ почти всегда можно выступить съ пропагандой соціальдемократическихъ идей.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Государственный Совѣтъ о праздничномъ отдыхѣ.

(По поводу высочайше утвержденнаго 10 мая 1904 года мнѣнія Государственнаго Совѣта).

„Оно (это мнѣніе) представляетъ каждому свободу располагать своимъ временемъ, какъ кому угодно; оно *снимаетъ одно изъ лишнихъ путъ*, которое безъ нужды лежало на личности русскаго человѣка".

(Кіевскіе Отклики № 148).

Государственный Совѣтъ раскрѣпощаетъ „личность русскаго человѣка"! Не странно-ли? Мы знаемъ, какая оргія реакціи царитъ теперь въ Россіи; мы знаемъ, съ какой неумолимой послѣдовательностью все новыя и новыя путы „безъ нужды" накладываются на „личность русскаго человѣка". И вдругъ! Что это?

Сущность новаго закона состоитъ въ томъ, что отнынѣ: „добровольное занятіе работой въ воскресенье, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданскіе, предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семъ препятствій". Въ этомъ положеніи либеральная пресса усмотрѣла *уничтоженіе лишнихъ путъ, лежащихъ на личности русскаго человѣка*, и легковѣрный обыватель можетъ отсюда начать строить надежды на *„новый курсъ"*. Но посмотримъ ближе мотивировку! Можно ли изъ нея увидѣть, что Государственный Совѣтъ шелъ этимъ закономъ на встрѣчу изнемогающей подъ тяжестью всякихъ путъ „личности русскаго человѣка". Нѣтъ! на этотъ счетъ Государственный Совѣтъ ясно и опредѣленно говоритъ: „всякій въ неурочную пору перерывъ ихъ (полевыхъ работъ) наноситъ неисчислимые убытки сельскому хозяйству, являющемуся главной основой народнаго благосостоянія". По этому поводу Государственный Совѣтъ „всецѣло раздѣляетъ убѣжденіе министра землѣдѣлія и гос. имущ. о вредномъ на правильное теченіе сельскохозяйственной жизни вліяніи излишняго (гдѣ норма?) числа нерабочихъ дней". Гос. Совѣтъ находитъ, что и вообще наше сельское населеніе такъ некультурно, что ему и праздновать не нужно. Такъ! Это непосредственный выводъ изъ его заключеній! „*По сложившимся въ крестьянской средѣ*, читаемъ мы, *бытовымъ условіямъ празднованіе нерѣдко соединяется съ разгуломъ, продолжающимся иногда далеко за предѣлы празднуемаго дня*". Съ этимъ зломъ, по мнѣнію Государств. Совѣта, правительство до сихъ поръ неправильно боролось. Вмѣсто того, чтобы „*содѣйствовать распространенію въ средѣ сельскаго населенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія*", оно „*не только не противодѣйствовало излишнимъ празднованіямъ, а напротивъ того, считало своей обязанностью ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни никакихъ работъ не производилось*". И такому неправильному отношенію Государ. Совѣтъ рѣшилъ положить конецъ. Лучшимъ средствомъ „для распространенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія" — онъ призналъ не праздновать. Народъ некультуренъ, у него дурная привычка проводить праздники въ разгулѣ, „разгулъ затягивается и за предѣлы праздниковъ", — слѣдовательно, чѣмъ меньше будетъ праздниковъ, — тѣмъ лучше. и уже во всякомъ случаѣ не имѣетъ смысла „ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни никакихъ работъ не производилось".

Такова логика Государственнаго Совѣта!

Мы видимъ, что сущность, основная задача этого новаго закона — противодѣйствовать вреду, причиняемому сельскому хозяйству праздниками крестьянъ. „*Сельское хозяйство — основа народнаго благосостоянія*", чѣмъ крестьянинъ больше работаетъ, тѣмъ это выгоднѣе для сельскаго хозяйства. И вдругъ, правительство въ лицѣ своихъ агентовъ запрещаетъ крестьянамъ работать, когда они этого хотятъ! Возможность такого явленія находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всей тенденціей, со всѣмъ существомъ нашего строя; все богатство наше выколачивается изъ труда производителей; съ каждаго дня трудящихся, съ каждаго часа ихъ труда большая или меньшая толика отнимается и всѣ эти отнятые трудовые часы наполняютъ амбары и карманы правящихъ классовъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше производитель работаетъ, — тѣмъ это выгоднѣе правящимъ классамъ, и вдругъ *запрещеніе работать, когда этого желаютъ трудящіеся*. Чѣмъ крестьяне будутъ больше работать, тѣмъ хлѣба будетъ больше. Это аксіома, ясная всякому радѣтелю о народномъ благѣ. Будутъ ли крестьяне болѣе сыты, если они будутъ больше работать — въ этомъ позволительно сомнѣваться, но хлѣба будетъ больше, если не у крестьянъ, то въ амбарахъ помѣщиковъ и купцовъ. И въ интересахъ нашего сельскаго хозяйства нужно, *чтобы крестьяне поменьше праздновали*. Благодаря скрытымъ, замаскированнымъ классовымъ соотношеніямъ у крестьянъ тоже существуетъ убѣжденіе, что, если они будутъ больше работать, то имъ лучше будетъ. Прикованные суррогатомъ, фикціей собственности къ психологіи собственниковъ, они не легко могутъ разгадать причину своей бѣдности, и потому все удлиняютъ и удлиняютъ свой рабочій день, все больше и больше труда вкладываютъ въ свою десятину и не замѣчаютъ. что вливаютъ свою работу въ бездонную бочку Данаидъ. И получалась любопытная картина: *правительство, стоящее на сторонѣ празднованія противно интересамъ сельской промышленности и желаніямъ массъ производителей...*

Положимъ, этотъ конфликтъ между агентами правительства и производителями встрѣчался довольно рѣдко; въ медовые мѣсяцы своего начальствованія молодые и не въ мѣру прыткіе земскіе, крестьянскіе и прочіе начальники, считая себя представителями и охранителями высшихъ категорій „*вѣры и престола*", разрѣшались иногда такими мѣрами въ заботѣ о народномъ времяпровожденіи и религіозномъ настроеніи, — и привлекали крестьянъ къ отвѣтственности за работу по праздникамъ; но, въ общемъ, это находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всей тенденціей и складомъ нашей жизни, что случаи такіе бывали относительно рѣдко, и наша либеральная пресса больше возмущается самой возможностью *такого* вмѣшательства властей.

Но какъ вообще могъ такой законъ сохраниться и оставаться до сихъ поръ въ силѣ? Причина ясна: церковь слишкомъ дѣятельный помощникъ эксплуататорскихъ классовъ и правительства, чтобы они не были готовы приносить ради нея подчасъ и крупныя жертвы. И нужны уже рѣзкая дисгармонія, рѣзкое противорѣчіе, чтобы отъ этого лучшаго украшенія и опоры нашего строя они рѣшились отколоть частицу. Но когда насущные интересы этого требуютъ — какъ шелуха, отлетаютъ ханжескія, христіанскія добродѣтели. И напрасно поетъ Государственный Совѣтъ о томъ, что „всякая мысль о колебаніи высокаго значенія праздничныхъ и торжественныхъ дней была бы, конечно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнута какъ обсуждавшимъ это дѣло совѣщаніемъ, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ"; напрасно съ ханжескимъ велерѣчіемъ онъ увѣряетъ, что „*освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ христіанъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться незыблемымъ*"! Это ложь! Ложь для настоящаго, еще большая ложь для близкаго будущаго! Уже и теперь для милліоновъ тружениковъ этого „*незыблемаго начала*" не существуетъ; у наемныхъ рабочихъ оно отнято нанимателями, у крестьянъ тѣми эксплуататорами крестьянскаго труда всякихъ видовъ и формацій, которые косвеннымъ образомъ, въ видѣ налоговъ, податей, заставляютъ крестьянина удлинять и удлинять свой рабочій день.

Народъ голодаетъ, недоѣдаетъ, народъ изнемогаетъ подъ тяжестью налоговъ, народъ вырождается подъ бременемъ непосильнаго труда и некультурности своей, а Государственный Совѣтъ идетъ ему на помощь не облегченіемъ налоговъ, не увеличеніемъ бюджета на подъемъ его культурности, — нѣтъ! онъ поступаетъ много проще: онъ желаетъ уменьшить число праздниковъ, тѣмъ болѣе, что, по своей малокультурности, народъ то и праздновать не умѣетъ, какъ слѣдуетъ. Какое дѣло Государственному Совѣту до того, что эти праздники — это быть можетъ безсознательное приспособленіе и самозащита изнуреннаго и ослабленнаго хроническимъ недоѣданіемъ организма? Зачѣмъ ему спускаться въ глубину; въ анализъ всего положенія крестьянъ?! Онъ хорошо знаетъ, что этотъ анализъ будетъ чреватъ непріятными для него открытіями; много проще *увеличить число рабочихъ дней*. А то, что на пути стоитъ „благоговѣйное, освященное вѣками начало празднованія" — не бѣда! Это начало уступитъ мѣсто заботѣ о свободѣ совѣсти. И либеральная печать даже запоетъ *объ устраненіи путъ, лежащихъ на личности русскаго человѣка!*

Вся фальшь, все ханжество изліяній о томъ, что не слѣдуетъ насильно заставлять праздновать тѣхъ, кто хочетъ работать, — рѣзко видно изъ того фокуса-покуса, который продѣлалъ Государственный Совѣтъ, исключивъ подъ шумокъ изъ статей 300 общаго учрежд. губернскаго (свод. зак. т. II.) и 24 устава о предупр. и пресѣч. наказ., содержащееся въ нихъ указаніе на воспрещеніе производства въ воскресенье и праздничные дни публичныхъ и казенныхъ работъ. Чѣмъ можно мотивировать эту отмѣну? Какое отношеніе имѣетъ этотъ законъ къ тому, что каждый можетъ свободно праздновать или работать, какъ ему заблагоразсудится? Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о работахъ *для себя*, а о *казенныхъ и публичныхъ*! Какъ мотивъ для отмѣны приводится дешевая софистика на ту тему, что подъ *публичными*, могутъ понимать *работу на публику*, а такое пониманіе можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія. И вотъ, вмѣсто того, чтобы соотвѣтствующимъ разъясненіемъ предупредить возможность такого ошибочнаго распространительнаго толкованія, и все же оставить этотъ законъ, какъ несомнѣнно стоящій на стражѣ „благоговѣйно почитаемаго христіанами начала празднованія", — вмѣсто этого Госуд. Совѣтъ подъ шумокъ отмѣняетъ весь законъ, отмѣняетъ запрещеніе *принуждать* къ работѣ въ праздники.

Чему же насъ учитъ эта страничка изъ жизни Государственнаго Совѣта?

Понятно, мы хорошо знаемъ, какъ безсмысленно существованіе закона, дающаго урянику, начальнику земскому, крестьянскому или какому бы то ни было другому, право *приказывать* приходить въ благоговѣйное настроеніе и потому не работать, но по поводу отмѣны Госуд. Совѣтомъ этого закона ликовать и пѣть о раскрѣпощеніи личности — не приходится. Рабочій классъ долженъ изъ этого мнѣнія Госуд. Совѣта понять, что та „*святость и незыблемость воскреснаго отдыха*", которая проистекаетъ изъ религіознаго отношенія къ праздникамъ и которая является собственно безсознательной самозащитой организма противъ гибельности безпрерывнаго труда, — что эта благоговѣйность къ празднику, какъ къ религіозному институту, *не выдерживаетъ напора растущей потребности во все большей и большей эксплуатаціи трудящихся.*

В. Тасингъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Майскіе дни въ Сибири.

Томскъ. 18 апрѣля были распространены двѣ майскія прокламаціи отъ Союза и одна отъ мѣстнаго комитета, напечатанныя въ союзной типографіи. Послѣ провала мѣстной союзной типографіи появленіе майскихъ прокламацій произвело оживляющее впечатлѣніе на публику и ошеломляющее на полицію. Послѣ провала здѣсь и въ Иркутскѣ, полиція полагала, что пѣсенка „Союза" спѣта... Демонстраціи, конечно, нельзя было ожидать, но полиція сильно безпокоилась и даже, какъ говорятъ, устраивала засады.

Иркутскъ. Первое мая у насъ прошло тихо. Вопреки ожиданію обывателей и полиціи, „бунта" не было. Въ ночь на 17 и 18 апрѣля по городу въ большомъ количествѣ были распространены прокламаціи Сиб. Соц. Д. Союза. Жандармерія, убѣжденная, что послѣ провала двухъ типографій Сиб. Союза: красноярской въ — октябрѣ и Томской — въ мартѣ, крамола въ Сибири уничтожена окончательно, должна была снова приняться за энергичное вылавливанье крамольниковъ. Утромъ 18 апрѣля начальникъ охраннаго отдѣленія доносилъ по телеграфу въ департаментъ полиціи: „17 и 18 апрѣля были выпущены типографскимъ путемъ и распространены прокламаціи Сиб. Соц. Д. Союза", далѣе слѣдовалъ шифръ. Днемъ и ночью по городу разгуливали усиленные солдатами конные и пѣшіе полицейскіе патрули. Генералъ-губернаторомъ Кутайсовымъ было приказано держать наготовѣ двѣ роты солдатъ. Повидимому, полиція и жандармерія энергично готовилась къ демонстраціи. Около 500 ш. прокламацій было распространено въ казармахъ. Солдаты охотно читали листки. Многіе изъ нихъ захватили листки съ собой на востокъ. Фельдфебель одной роты собралъ солдатъ, прочиталъ имъ прокламацію, а затѣмъ, ни слова ни прибавивъ отъ себя къ прочитанному, велѣлъ ротѣ разойтись. Послѣ прочтенія начались дебаты, нѣкоторые изъ солдатъ не соглашались съ прокламаціей и говорили, что война нужна и полезна имъ, но такіе принуждены были скоро сдаться на неотразимые доводы тѣхъ, которые защищали листки (это фактъ). Кутайсовъ, увѣренный, что „крамола" уничтожена, распространеніе среди солдатъ прокламацій принялъ — какъ передаютъ, за личное оскорбленіе и распорядился сдѣлать массовые обыски; но до сихъ распоряженіе почему то не приведено въ исполненіе[1]. 23 апр. изъ Иркутска отправили въ Маньчжурію Иркутскіе и Енисейскіе полки. Большинство солдатъ были пьяны. Нѣкоторые плакали — на войну идутъ не охотно. Съ однимъ изъ отправляющихся солдатъ удалось разговориться. На вопросъ: „какую пользу онъ получитъ отъ завоеванія Маньчжуріи?" — солдатъ, ухмылясь отвѣтилъ: „я понимаю все: знаю, кому нужна война съ Маньчжуріей. Мы вѣдь, добавилъ онъ, недавно читали „кое что" и захватили съ собой".

[1]) Только что получено сообщеніе о массовыхъ арестахъ; въ ночь на 19 мая арестованы: Шнейдесманъ, Бронштейнъ, ученики промышленнаго училища: Аленскій, Максаковъ, Феденовъ, Харитонова.

Верхнеудинскъ Здѣсь въ первый разъ были разбросаны и расклеены прокламаціи Сиб. Соц.Д. Союза. На обывателей уѣзднаго захолустнаго городишка (въ Верхнеудинскѣ около 10-ти тысячъ жителей) распространеніе листковъ произвело сильное впечатлѣніе. Обыватель, до сихъ поръ не говорившій ни о чемъ, кромѣ войны, заговорилъ о политикѣ, о какой то революціонной партіи, „о внутреннихъ врагахъ" отечества. Одни изъ обывателей утверждали, что подобныя „телеграммы" (такъ верхнеудинскій обыватель называетъ агитаціонные листки) могутъ распространяться только врагами отечества"—„жидами". Другіе, наоборотъ, указывали, что противъ войны могутъ говорить и писать только „хорошіе люди". Листки читались съ большимъ интересомъ. Передаютъ такую картинку: стоятъ на улицѣ двое „почтенныхъ" людей съ кокардами и читаютъ вслухъ прокламаціи, около нихъ кучка слушателей. По окончаніи чтенія слушатели задаютъ цѣлый рядъ вопросовъ такого рода: „кто это пишетъ? Гдѣ можно достать эти телеграммы? Можно ли ихъ выписать? Куда нужно объ этомъ написать?" и т. д. Тогда одинъ изъ чиновниковъ, тотъ самый, который читалъ вслухъ прокламацію, заявляетъ, что „эти телеграммы достать очень просто, нужно только сходить на берегъ и тамъ подъ лодкой ихъ сколько угодно". Нѣкоторые изъ слушателей идутъ туда и, дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ находятъ эти „телеграммы". Какъ попали туда листки, это объяснилъ потомъ одинъ лавочникъ. Утромъ 18 апрѣля, разсказываетъ онъ, къ нему въ лавку зашелъ нищій и, подавая прокламацію, сказалъ, что одинъ господинъ, давши ему денегъ, просилъ раздавать эти „телеграммы". Лавочникъ, прочитавъ прокламацію, посовѣтовалъ нищему бросить ихъ „куда нибудь подъ лодку", объяснивъ, что за это ему будетъ плохо. Испуганный нищій поспѣшилъ въ точности послѣдовать совѣту лавочника. Нѣсколько прокламацій попало и къ солдатамъ. Въ Верхнеудинскѣ въ это время находился запасной батальонъ. Фельдфебель одной роты, прочтя майскій листокъ, велѣлъ забить тревогу. Собравшимся солдатамъ онъ объяснилъ, что ихъ скоро распустятъ по домамъ, такъ какъ съ японцами заключено примиреніе. Каково же было разочарованіе солдатъ, когда на другой день командиръ батальона объявилъ о немедленномъ выступленіи въ походъ, для пополненія полковъ дѣйствовавшихъ на Ялу. Нѣкоторые, недоумѣвая, зачѣмъ это ихъ посылаютъ въ Маньчжурію послѣ состоявшагося уже „примиренія" обратились, къ фельдфебелю за разъясненіемъ, но фельдфебель, получившій хорошую головомойку отъ своего начальника за превратное пониманіе прокламаціи сердито отвѣчалъ: „пошли вонъ. Не ваше дѣло".

Чита. Въ ночь на 26 апрѣля и 1 мая въ городѣ и на дальнемъ вокзалѣ (въ мастерскихъ и депо) распространены были первомайскія прокламаціи четырехъ видовъ: два прошлогоднихъ изд. Орг. Ком. („Готовьтесь къ 1-му маю" и „Первое мая") и два изданія Сиб. Союза. Всего прокламацій распространено было 2000 ш. Демонстраціи, само собой, разумѣется, не было; она была бы просто разстрѣломъ демонстрантовъ, хотя начальство готовилось къ демонстраціи. Прилагаемъ объявленіе губернатора, развѣшанное по улицамъ и на вокзалѣ 20 апрѣля: „Дорожные и другіе рабочіе, подстрекаемые злонамѣренными людьми, склонны произвести нарушеніе общественнаго порядка посредствомъ устройства уличныхъ демнострацій. Рабочіе, среди которыхъ преступные люди подбрасываютъ разнаго рода воззванія и прокламаціи съ намѣреніемъ побудить ихъ на неповиновеніе начальства и нарушеніе общественнаго порядка, могутъ откликнуться на ихъ призывы, не сознавая того, что они тѣмъ самымъ совершаютъ преступленіе, строго караемое закономъ вообще, а въ настоящее время въ особенности. Въ цѣляхъ предупрежденія возможности возникновенія безпорядковъ, считаю, съ своей стороны, необходимымъ предварить рабочихъ и другихъ лицъ, что всякій подстрекатель, зачинщикъ — нарушитель общественнаго порядка и спокойствія, какъ и всякій, кто окажетъ изъ нихъ неповиновеніе начальству, будетъ безъ всякаго снисхожденія подвергнутъ наказанію по всей строгости законовъ военнаго времени".

Г. Чита, 30 апрѣля 1904 г. исправляющій должность губернатора Бѣломѣстновъ.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ работъ перваго мая не было, въ депо на половину работали (рабочихъ въ мастерскихъ 800 ч., въ депо около 200). 10 казаковъ съ нагайками и рота солдатъ ожидали на дальнемъ вокзалѣ начала демонстраціи.

Никакихъ собраній перваго мая не было въ виду крайней опасности. Дѣло въ томъ, что не задолго передъ тѣмъ распространены были въ массѣ прокламаціи „Ко всѣмъ", „Ко всѣмъ работницамъ и рабочимъ Сибири" и экземпляровъ 40 къ солдатамъ (въ казармахъ). Начальство затревожилось, по городу увеличены обходы, шпіоны ходятъ день и ночь. Празднованіе перваго мая выразилось, такимъ образомъ, въ отказѣ отъ работъ. Между городомъ и вокзаломъ (дальнимъ) на памятникѣ, поставленномъ въ честь проѣзда Николая перваго, до двухъ часовъ дня развѣвалось красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе, долой войну, долой военщину, да здравствуетъ миръ съ Японіей". Продержалось долго потому, что жандармамъ нужно было сначала притащить лѣсницу, чтобы его снять.

Иваново-Вознесенскъ. Первое мая въ Иваново-Вознесенскѣ отпраздновали двумя сходками: около сотни товарищей присутствовали на каждой. Говорили рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни. По городу было разбросано много листковъ: майскій Ц. К. и Ц. О., другой — одного Ц. К., „Война противъ войны" и т. д. Листки, приготовленные для Шуи, были забраны полиціей въ Ивановѣ.

Баку. Конецъ стачки на табачной фабрикѣ Мирзабекеянцъ.
(Изъ прокламаціи Бакинскаго Комитета.)

„Борьба съ фабрикантомъ на почвѣ улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ превратилась въ борьбу полиціи съ рабочими, словно требованія рабочихъ предъявлялись не къ фабриканту, а къ самой полиціи. Фабричная администрація, дѣйствуя провокаторскимъ способомъ, къ концу стачки наняла 15 работницъ и подъ прикрытіемъ полицейской стражи, демонстрировала ихъ на крышѣ фабрики, чтобы такимъ образомъ показать, что она не нуждается въ стачечникахъ.

„Полиція пригласила въ полицейское управленіе 60 татаръ, гдѣ полиціймейстеръ убѣждалъ ихъ стать на работу, обѣщая имъ однимъ прибавку расцѣнковъ, грозя въ противномъ случаѣ выслать въ Персію, гдѣ имъ „отрѣжутъ руки, носы, уши" и т. п.

„Грубость полиціи дошла до того, что околодочный надзиратель, арестовавъ одну дѣвицу, вовсе не работавшую на фабрикѣ Мирзабекеянца, лишь за то, что она не могла сказать, гдѣ находится ея сестра, работница этой фабрики, назвалъ ее проституткой. Правда, этотъ околодочный получилъ достойный отпоръ, но фактъ отъ этого не мѣняется.

„Губернаторъ дважды вывѣшивалъ объявленіе, что вышлетъ всѣхъ рабочихъ этапомъ на родину, если они не станутъ на работу. 28 рабочихъ было арестовано, и часть изъ нихъ уже выслана на родину этапомъ.

„Зорко слѣдя за всѣми стачечниками, полиція, лишь только накрывала сходку, занятую обсужденіемъ своихъ нуждъ, тотчасъ же тащила ее въ участокъ и угрозой вымогала подписку стать на работу. —

„Бороться на два фронта — съ фабрикантомъ и полиціей — оказалось не подъ силу нашимъ стачечникамъ, и они вынуждены были стать на работу, все же добившись нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ уступокъ, а именно: 1) самой низшей платы для работницъ въ 15 руб., 2) расходы на леченіе рабочаго за счетъ фабриканта и половина заработной платы семьѣ рабочаго во весь періодъ его болѣзни и 3) безплатная работа первыхъ 15 дней для новичковъ сократилась до семи дней.

Севастополь. Въ портовыхъ мастерскихъ появилось недовольство противъ широко распространенныхъ въ послѣднее время сверхурочныхъ работъ, которыя для 600 рабочихъ удлинили рабочій день до полныхъ 13 часовъ. Комитетъ Крымскаго Союза издалъ по этому поводу прокламацію къ рабочимъ. Въ отвѣтъ на прокламацію разсчитали было 60 рабочихъ, но командиръ надъ портомъ (завѣдующій казенными мастерскими) не утвердилъ этого распоряженія, въ виду законности требованія рабочихъ, и отмѣнилъ сверхурочныя работы. Тогда среди рабочихъ *сдѣльныхъ* проявилось недовольство этой отмѣной и можно было опасаться, что они станутъ просить о возобновленіи сверхурочныхъ работъ. Комитетъ издалъ прокламацію, разъясняющую невыгодность этихъ послѣднихъ для рабочихъ.

Пермь. Перваго мая въ Мотовилинскомъ заводѣ не вышло на работу 20 человѣкъ; всѣ оштрафованы по 3 руб. въ пользу Краснаго Креста.

У Любимова получили разсчетъ 8 человѣкъ, казавшіеся администраціи подозрительными. Арестованъ слесарь Кучинъ и, кромѣ того, еще трое рабочихъ при расклейкѣ прокламацій.

Екатеринбургъ. На второй или на третій день послѣ распространенія здѣсь первомайскихъ листковъ Ц. К., мѣстные жандармы устроили совѣщаніе и, обливаясь слезами, *на шпагахъ клялись уничтожить крамолу (фактъ)*; при этомъ досталось мѣстному обществу, которое, по мнѣнію синихъ, помогаетъ (?) мѣстному комитету.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЪѢЗДЪ НОРВЕЖСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Развитіе современнаго капиталистическаго способа производства съ желѣзной необходимостью вызываетъ всюду соціалистическое рабочее движеніе, являющееся выраженіемъ происходящей при этомъ способѣ производства классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. И чѣмъ дальше развивается капитализмъ, чѣмъ болѣе онъ становится международнымъ, тѣмъ болѣе обостряются классовыя противорѣчія, тѣмъ болѣе сходный характеръ принимаетъ классовая борьба въ разныхъ странахъ — и ученіе научнаго соціализма и международной соціальдемократіи завоевываетъ себѣ мѣсто въ программахъ все большаго числа національныхъ соціальдемократическихъ партій. Терпя временныя пораженія и неудачи, уклоняясь иной разъ отъ чисто пролетарской точки зрѣнія въ сторону реформизма и анархизма, рабочее движеніе, въ концѣ концовъ, преодолѣваетъ всѣ внѣшнія преграды, справляется и съ внутренними неурядицами и, обновленное и усилившееся, становится подъ знамя марксизма и принимаетъ программу международной революціонной соціальдемократіи. Маленькія скандинавскія государства: Швеція и Норвегія не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ крупныхъ государствъ: Германіи, Австріи или Италіи, и въ нихъ рабочее движеніе свершается подъ флагомъ научнаго соціализма.

18-ый очередной съѣздъ Норвежской Соціальдемократической Рабочей Партіи (она существуетъ всего 20 лѣтъ), имѣвшій мѣсто въ г. Драммѣ отъ 23 до 26 мая н. ст., служитъ подтвержденіемъ вышесказаннаго. Съѣздъ отличался многолюдіемъ (194 делегата) и важнымъ характеромъ работъ, выполненнаго имъ. Изъ отчета, представленнаго съѣзду секретаремъ партіи, видно, что Норвежская Соціальдемократическая Партія не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а довольно успѣшно подвигается впередъ. Въ настоящее время въ нее входитъ 347 рабочихъ союзовъ съ 19800 чел., при чемъ въ послѣдній годъ къ ней присоединился 91 новый союзъ; число женскихъ рабочихъ союзовъ, принадлежащихъ къ партіи, увеличилось за годъ вдвое. Партійная пресса развивается, увеличивается число подписчиковъ партійныхъ органовъ, расширяется сфера ихъ вліянія; главный органъ партіи, „Соціальдемократъ", даже въ финансовомъ отношеніи поправилъ свои дѣла, которыя до сихъ поръ были его больнымъ мѣстомъ. Наиболѣе важнымъ событіемъ въ минувшемъ году былъ фактъ избранія впервые въ норвежскій стортингъ (нижняя палата норвежскаго парламента) четырехъ соціальдемократическихъ депутатовъ (Берга, Іогансена, Фосганза и Эриксена), несмотря на отсутствіе въ Норвегіи всеобщаго и прямого избирательнаго права. Кромѣ того, политическая дѣятельность партіи выразилась въ общинныхъ и городскихъ управленіяхъ, гдѣ ея депутаты внесли, въ общемъ, двѣсти сорокъ разныхъ предложеній. Въ стортингѣ соціальдемократическая фракція держалась своей собственной политики, не вступая въ компромиссъ съ буржуазными партіями: она всегда боролась за свободу мысли и совѣсти, требовала народной милиціи и сокращенія срока военной службы; сокращенія расходовъ на государственный дворъ, и внесла проектъ сокращенія жалованья королю на 100.000 кронъ, который былъ отвергнутъ.

Наиболѣе интересными вопросами порядка дня были обсужденіе устава партіи, выработка программы для предстоящихъ выборовъ въ городскія думы и „манифестъ" партіи. Проектъ устава, предложенный коммиссіей, былъ принятъ почти безъ измѣненій. По этому уставу партія состоитъ изъ отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій, во главѣ которыхъ стоитъ выборное правленіе изъ 25 чел.; одиннадцать его членовъ, живущихъ постоянно въ столицѣ — Христіаніи, — образуютъ Центральное Правленіе Партіи, завѣдующее ея текущими дѣлами. Съѣзды партейтаги рѣшено устраивать черезъ каждые три года, въ годъ парламентскихъ выборовъ.

Въ качествѣ программы для выборовъ въ думы выставлены требованія: всеобщаго народнаго обученія, призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ, борьбы съ безработицей, устройства городскихъ библіотекъ и бань, ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ и т. п.

Товарищъ Бернтсенъ предложилъ съѣзду „манифестъ", который долженъ служить оффиціальнымъ символомъ вѣры партіи и „показывать, что норвежская партія такъ же революціонна и соціальдемократична, какъ и вся соціальдемократія". Вотъ текстъ этого манифеста, принятаго съѣздомъ единогласно:

„Экономическая жизнь въ нашей странѣ находится въ настоящее время въ состояніи упадка, слѣдующемъ за временемъ чрезмѣрной спекуляціи и перепроизводства. Эта экономическая революція, являющаяся слѣдствіемъ капиталистической системы, приводитъ къ тому, что въ эти періоды упадка сбереженія мелкихъ собственниковъ переходятъ въ руки крупной буржуазіи и международнаго капитализма, въ то время, какъ мелкіе собственники увеличиваютъ собой ряды лишенныхъ собственности пролетаріевъ.

„Уже теперь международный капитализмъ завоевалъ на нашей родинѣ экономическое господство, завладѣвъ всѣми нашими богатыми рудниками и копями, водяными источниками, лѣсами и большими равнинами, и благодаря этому сдѣлался собственникомъ нашей родины. Съ помощью закладныхъ, акціонерныхъ обществъ, банковъ и разныхъ другихъ органовъ и формъ эксплуатаціи онъ уничтожилъ понятіе наслѣдственной собственности. Не имѣя ни желаніяни, умѣнія предотвратить послѣдствія этого періода упадка, господствующій классъ крупной буржуазіи обнаруживаетъ этимъ свою неспособность быть господствующимъ классомъ: безработица растетъ, налоги возвышаются и общественные, государственные и общинные долги увеличиваются, въ то время, какъ потокъ эмигрантовъ лишаетъ страну сильнаго и желающаго работать юношества, несмотря на большія національныя богатства, лежащія неиспользованными. Какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, капитализмъ и у насъ обнаруживается постояннымъ увеличеніемъ колоссальнаго и невыносимаго бремени милитаризма.

„Слѣдствіемъ такого невыносимаго положенія нашей родины, благодаря развитію капитализма, является быстро увеличивающійся ростъ въ Норвегіи соціальдемократической партіи, которая тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ международной соціальдемократіи, руководящей организованной классовой борьбой пролетаріата всего міра. Это приводитъ насъ къ познанію и пониманію того, что паденіе буржуазнаго общества недалеко.

Съѣздъ Норвежской Парт. настойчиво приглашаетъ норвежскій пролетаріатъ усовершенствовать свою профессіональную, политическую и экономическую организацію и этимъ готовиться къ послѣдней, рѣшительной борьбѣ за введеніе соціалистическаго строя."

Принятый единогласно, этотъ манифестъ служитъ залогомъ того, что норвежскій пролетаріатъ въ лицѣ руководящей имъ Соціальдемократической Партіи стоитъ на вѣрномъ пути къ своему полному соціальному и политическому освобожденію, которое онъ осуществитъ въ союзѣ съ пролетаріатомъ всего міра. Драммскій съѣздъ доказываетъ намъ, что, вопреки увѣреніямъ разныхъ соціалъ-реформаторовъ и уподобляющихся имъ „соціалистическихъ" оппортунистовъ à la Бернштейнъ, развитіе современнаго рабочаго движенія совершается отнюдь не въ сторону смягченія классовой борьбы и сотрудничества классовъ, но въ сторону рѣшительной классовой борьбы за политическую власть, за диктатуру пролетаріата, не въ сторону соціальной реформы, но въ сторону соціальной революціи.

Съѣздъ закончился выборомъ должностныхъ лицъ партіи. Редакторомъ партійнаго органа „Соціальдемократъ" выбранъ О. Крингенъ, предсѣдателемъ партіи — Горнсрудъ, секретарями — Нильсенъ и Ормстэдъ, представителями въ Международномъ Секретаріатѣ — Крингенъ и Эриксенъ, делегатомъ на международный Амстердамскій съѣздъ — Крингенъ.

ЖЕРТВЫ РОССІЙСКАГО ПОЛИЦЕЙСКАГО РАЗВРАТА ВЪ ГАЛИЦІИ.

Въ № 270 отъ 9 іюня 1904 года въ издаваемой во Львовѣ газетѣ „Slowo Polskie" помѣщена была интересная корреспонденція изъ Тарнополя подъ заглавіемъ: „Орудія русскихъ жандармовъ" слѣдующаго содержанія:

Въ августѣ прошлаго года прибылъ въ д. Задмишувку Скалацкаго уѣзда, отдѣленную отъ русской границы рѣкою Збручъ — неизвѣстный молодой человѣкъ, говорившій на польскомъ и русскомъ языкахъ, который искалъ возможности переправиться черезъ границу вмѣстѣ съ имѣвшимся съ нимъ „багажемъ". Исполнителей смѣлаго плана онъ вскорѣ нашелъ въ лицѣ двухъ контрабандистовъ, мѣстныхъ крестьянъ — Назара и Бендеры, взявшихся за 20 гульденовъ переправить его вбродъ въ безопасное мѣсто; отсюда же на телѣгѣ онъ долженъ былъ ѣхать дальше. Въ ближайшую темную ночь одинъ изъ контрабандистовъ перенесъ черезъ Збручъ самого студента Долинскаго, въ то время, какъ другой несъ чемоданъ съ книгами и другими печатными изданіями, вѣсомъ въ три пуда. Потомъ, оставивъ Долинскаго въ кустахъ, Назаръ привелъ спустя минуту условленную ранѣе телѣгу. Переправа кончилась. Проводники получили слѣдуемое вознагражденіе и улетучились. Студентъ помѣстился въ телѣгѣ, но въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ тронуться въ путь, онъ замѣтилъ лежавшее рядомъ съ нимъ ружье. Подозрѣвая предательство, онъ бросился бѣжать, но былъ задержанъ возницей — переодѣтымъ русскимъ жандармомъ или даже офицеромъ; по данному сигналу отовсюду выскочили солдаты, связали Долинскаго, отобрали у него револьверъ и съ завязанными глазами доставили черезъ Волочискъ въ Кіевъ.

Спустя нѣсколько дней изъ Подволочиска и его окрестностей многими лицами въ Галиціи получены были подробныя сообщенія о случившемся, сообщенія вполнѣ согласныя между собою и не оставлявшія ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что двое „русскихъ довѣренныхъ" продали русскимъ властямъ за 30 рублей давно ожидаемаго революціонера. Общественное мнѣніе указывало на обоихъ контрабандистовъ, какъ виновниковъ преступленія. Начатое по этому поводу слѣдствіе привело къ судебному разбирательству передъ *Тарнопольскимъ судомъ присяжныхъ*, изъ которыхъ три четверти составляли крестьяне... Присяжные на вопросъ о виновности подсудимыхъ вынесли утвердительный вердиктъ. Судъ, принявъ во вниманіе доводы защиты, приговорилъ Якима Назара на основаніи § 90 уголов. код. за *насильственную* выдачу человѣка чужеземному правительству, и Андрука Бендеру за соучастіе въ томъ же преступленіи — каждаго къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ обязательнымъ постомъ каждые 14 дней; при этомъ судъ, въ видѣ исключенія, примѣнилъ нисшую мѣру наказанія.

Добавимъ отъ себя, что въ виду холопски-подлаго поведенія германскаго правительства, которое съ цинизмомъ юнкера помогаетъ царскому самодержавію преслѣдовать русскихъ революціонеровъ; въ виду недавняго приговора шведскаго суда надъ нѣсколькими финляндскими литераторами, приговора съ тріумфомъ подхваченнаго оффиціозной и полуоффиціозной русской прессой — этотъ вердиктъ провинціальнаго галиційскаго суда получаетъ болѣе важное значеніе. Этотъ вердиктъ является, съ одной стороны, серьезной угрозой для предателей „дружественныхъ державъ", которые теперь должны будутъ призадуматься надъ выгодностью своего ремесла; съ другой стороны это — звонкая пощечина жандармской „внѣшней" политикѣ русскаго правительства, пользующаяся „дружественными" державами только для своихъ грязныхъ полицейскихъ цѣлей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Совѣтомъ Партіи приняты 18-го (5-го) іюня слѣдующія рѣшенія

1) Совѣтъ Р. С-Д. Р. П. постановляетъ: Члены Совѣта, за исключеніемъ выбраннаго съѣздомъ, представляютъ собой делегатовъ двухъ центральныхъ учрежденій (Ц. О. и Ц. К.), дѣятельность коихъ Совѣтъ долженъ согласовать и объединять (§ 5 уст.). Эти четыре члена Совѣта могутъ быть смѣщаемы тѣми учрежденіями, которыя они представляютъ и отвѣтственны передъ ними. *(Принято единогласно).*

2) Во избѣжаніе на будущее время недоразумѣній при опредѣленіи количества голосовъ, требующихся по уставу Партіи для кооптаціи въ комитетъ новаго члена, Совѣтъ разъясняетъ:

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуемыя § 12 устава $^{2}/_{3}$ наличнаго количества членовъ комитета равняются цѣлому съ дробью — послѣдняя не принимается въ разсчетъ, если она равна $^{1}/_{3}$, и приравнивается къ единицѣ, если она равна $^{2}/_{3}$.

(Принято четырьмя голосами).

3) Принимая во вниманіе:

а) что въ Партіи существуютъ разногласія по вопросу о правѣ комитетовъ не принимать въ свой составъ лицъ, предлагаемыхъ Центр. Комитетомъ;

б) что на почвѣ этихъ разногласій возникаютъ раздоры, грозящіе дезорганизаціей мѣстнаго движенія,

Совѣтъ Партіи постановляетъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе партійнаго устава:

Согласно § 12 устава, комитеты пользуются правомъ кооптаціи, совершаемой при наличности квалифицированнаго большинства ($^{2}/_{3}$) голосовъ за рекомендуемаго кандидата. На постановленіе о кооптаціи можетъ быть приносима жалоба въ Совѣтъ и *ему только* принадлежитъ право отмѣны состоявшагося постановленія.

На Ц. К. уставъ Партіи возлагаетъ заботу о распредѣленіи силъ въ Партіи. Для выполненія этой своей обязанности Ц. К. не нуждается въ безапелляціонномъ правѣ ввода намѣченныхъ имъ кандидатовъ въ составъ мѣстныхъ организацій, что привело бы къ полному уничтоженію ихъ автономіи, и, сдѣлавъ фиктивной отвѣтственность всѣхъ центральныхъ учрежденій передъ Партіей, могло бы привести къ дискредитированію Ц. К.

4) Рекомендуя мѣстному комитету кандидата, Ц. К. имѣетъ возможность, согласно § 12 устава, апеллировать, въ случаѣ отказа комитета, въ Совѣтъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, Совѣтъ находитъ, что и по точному смыслу § 12 устава, и по всему духу нашей партійной организаціи, устанавливающей отвѣтственность Ц. К. передъ

съѣздомъ представителей мѣстныхъ комитетовъ, комитеты Партіи не обязаны принимать въ свой составъ кандидатовъ, предлагаемыхъ Ц. К. *(Принято четырьмя голосами).*

4) Въ случаѣ полнаго провала мѣстнаго комитета, возстановленіе его состава лежитъ на обязанности Центральнаго Комитета. Въ случаѣ образованія послѣ провала комитета изъ лицъ, неуполномоченныхъ Ц. К., требуется утвержденіе Ц. К. *(Принято единогласно).*

5) Совѣтъ Партіи проситъ партійныя организаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо часть организаціи обращается съ жалобой или съ вопросомъ въ Совѣтъ Партіи, немедленно сообщать полностью содержаніе этой жалобы или этого вопроса другой части организаціи ибо Совѣту Партіи необходимо имѣть изложеніе дѣла обѣими сторонами для рѣшенія спора. Та же просьба относится и къ случаямъ жалобы одной организаціи на другую организацію. *(Принято единогласно).*

6) Принимая во вниманіе:

а) что, согласно рѣшенію II съѣзда, Ц. К—ту было предоставлено заняться разсмотрѣніемъ предложенія тов. Бончъ-Бруевича объ изданіи соц.-дем. газеты для сектантовъ;

б) что, по соглашенію редакціи Ц. О. съ Ц. К., тов. Бончъ-Бруевичу было предоставлено изданіе, въ видѣ опыта, подъ фирмой Партіи и подъ контролемъ и отвѣтственностью ея центральныхъ учрежденій газеты „Разсвѣтъ", —

Совѣтъ находитъ, что опытъ изданія подъ редакціей тов Бончъ-Бруевича соціальдемократическаго органа для сектантовъ слѣдуетъ считать неудавшимся, ибо газета „Разсвѣтъ" ни по литературнымъ своимъ достоинствамъ, ни по способу ея веденія, не обѣщаетъ дать Партіи то, чего она можетъ требовать отъ такого органа.

Поэтому, и принимая во вниманіе неудовлетворенность гораздо менѣе спеціальныхъ нуждъ въ популярной литературѣ, чѣмъ тѣ, навстрѣчу которымъ идетъ „Разсвѣтъ", Совѣтъ признаетъ излишнимъ дальнѣйшее изданіе „Разсвѣта", какъ органа партійнаго, предоставивъ тов. Бончъ-Бруевичу, если онъ того пожелаетъ, издавать „Разсвѣтъ" отъ себя лично.

(Принято четырьмя голосами).

Центральнымъ Комитетомъ въ маѣ издано: *Парвусъ:* „Война и революція" 10.000 экземпл.

Съ октября по май на средства и при ближайшемъ содѣйствіи Центр. Ком. издано для Кавказскаго Союза:

1. *На грузинскомъ языкѣ:* „Извѣщеніе о втор. съѣздѣ" 2.000, „Вл. Кецховели" (некрологъ съ портр.) — 2.000, „Извѣщ." съ программой и резол. — 2.000, „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи" — 2.500, „Ко всѣмъ рос. раб." — 2.000, „Очерки изъ исторіи Великой Революціи" — 4.000, „Первое мая" — 4.000, „Пролетарскій праздникъ" — 2.200, „Къ крестьянамъ" 3.000.

2. *На армянскомъ языкѣ: Плехановъ:* „Первое мая" — 2.000, „Рабочій день" — 2.000, „Самодер. и рабочій классъ" — 2.000, „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ" — 2.000, то же съ программой, уставомъ и резол. — 2.000, „Пауки и мухи" — 2.200, „Рѣчь Гольдблята" — 2.000, „Запретные листки" — 2.000, „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи" — 2000, „Ко всѣмъ рабочимъ" — 2.200, „Первое мая" — 2.400, *Мартовъ:* „Пролетар. праздникъ" — 2.000.

Агитація по поводу войны. Изданы: **Полѣсск. Ком.** листки „Искры": „Жертвуйте, русскіе люди!"; „Кризисъ, безработица, война", и „Уроки войны" (всѣ по 5000 экз.) и „Акатуйскій протестъ" (700 экз.). **Архангельскимъ Ком.** въ №1 его „Листка" переиздано: „За что долженъ умирать русскій солдатъ?". **Бакинскимъ Ком.:** „Такъ ли мы воюемъ?" (о порядкахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій). **Юзовской группой** Донецкаго Союза: листокъ по поводу мобилизаціи.

Издано: Кавказскимъ Союзомъ № 8 „Борьбы пролетаріата" (Содержаніе: Бьетъ часъ! — Батумъ. — Кутаисъ. — Тифлисъ. — Баку. — Сибирь. — Некрологъ). — **Архангельскимъ Комитетомъ** „Архангельскій листокъ" № 1. — **Группой соц.-дем. дальняго Сѣвера** (въ Архангельскѣ) извѣщеніе объ образованіи группы. — **Сѣверозападнымъ Комитетомъ** извѣщеніе объ образованіи Комитета. — **Виленской группой** „Ко всѣмъ гражданамъ" (о голодовкѣ въ тюрьмѣ). — **Житомірской организаціей** „Къ абитуріентамъ". — **Иваново-Вознесенской группой Сѣвернаго Комитета** 1) „Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Бакулина" (80 *экземп.*), съ призывомъ къ стачкѣ. 2) Листокъ ко всѣмъ рабочимъ объ этой стачкѣ (300 экземп.), 3) „Къ рабочимъ завода Калашникова" и 4) Листокъ объ окончаніи стачки на этомъ заводѣ. — **Астраханской группой** переизданъ майскій листокъ Ц. К. и Ц. О.

Елисаветградской организаціей до 1 мая распространены слѣдующія *изданія:* „*Война* противъ войны" (изд. Крымскаго Союза) — 700 экз., „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" (тоже) — 500 экз., „Ко всему рабочему народу" (изд. Донецкаго Союза) — 250 экз., „Кто чѣмъ живетъ?" (изд. Одесскаго Ком.) — 200 экз., рѣчи Гольдмана и Гольдблята (изд. Ц. К.) — по 200 экз. Мѣстныя прокламаціи: 1) Къ обществу, 2) Къ рабочимъ гор. Елисаветграда, 3) Къ рабочимъ завода Яскульскаго. Сверхъ того изданы „Революціонныя пѣсни".

Новые комитеты партіи. Въ **Архангельскѣ** образовался комитетъ партіи. Группы Витебская, Двинская, Виленская и Минская объединились въ **Сѣверо-Западный** Комитетъ, издавшій извѣщеніе о своемъ возникновеніи (печатное).

Можетъ ли это быть? Въ № 148 „Посл. Изв." Загр. Комитетомъ Бунда помѣщено письмо бѣжавшаго изъ Сибири товарища, разсказывающаго, что Иркутскій Комитетъ Партіи отказался оказать ему какую бы то ни было помощь при побѣгѣ изъ мѣста ссылки на томъ только основаніи, что онъ, бѣжавшій, по своимъ взглядамъ, — „бундистъ". Насколько можно понять изъ письма товарища, рѣчь шла собственно не объ активномъ содѣйствіи побѣгу, а о помощи бѣжавшему уже товарищу во время нахожденія его въ пути. Мы считаемъ совершенно невѣроятнымъ это сообщеніе и полагаемъ, что честь Иркутскаго Комитета и Сибирскаго Союза требуетъ, чтобы оно было опровергнуто. Если же бы — паче чаянія — оказалось, что подобный фактъ имѣлъ мѣсто, то мы вынуждены были бы протестовать противъ подобнаго поступка партійной организаціи со всей энергіей. Ни при какихъ обстоятельствахъ членъ нашей партіи не имѣетъ права уклониться отъ оказанія помощи жертвамъ революціонной борьбы, если только это въ его силахъ. Никакая междупартійная борьба не освобождаетъ отъ *этого* долга. Въ самый разгаръ ожесточенной полемики между соц.-рев. и соц дем., кіевскіе „искровцы" привлекли къ участію въ своемъ побѣгѣ соціалиста революціонера Плесскаго. Недавно еще въ побѣгѣ изъ виленской тюрьмы участвовали сообща члены самыхъ различныхъ партій. И въ то время, какъ въ якутской тюрьмѣ представители Р. С.-Д. Р. П. и „Бунда" вмѣстѣ ждутъ суда за ихъ совмѣстное вооруженное сопротивленіе въ Романовкѣ, поступокъ Иркутскаго Комитета (если онъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто) былъ бы вопіющимъ нарушеніемъ лучшихъ традицій нашей партіи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ „докладѣ о II съѣздѣ" Павловича и въ брошюрѣ „Шагъ впередъ — два назадъ" утверждается что тов. Павловичъ передъ II съѣздомъ партіи былъ единогласно избранъ седьмымъ членомъ редакціи „Искры" на время съѣзда. Въ виду обращаемыхъ къ намъ, по этому поводу, запросовъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе:

1) Въ редакцію „Искры" тов. Павловичъ никогда избираемъ не былъ. Еслибъ редакція состояла ко времени съѣзда не изъ шести, а изъ семи лицъ, то это обстоятельство не было бы скрыто отъ съѣзда.

2) На одномъ изъ собраній редакціи незадолго передъ съѣздомъ на которомъ присутствовали всѣ ея, члены кромѣ Аксельрода — тов. Ленинъ внесъ такое предложеніе: если во время съѣзда между членами редакціи возникнетъ разногласіе по какому либо вопросу, подлежащему обсужденію съѣзда — прежде, чѣмъ эти разногласія сдѣлать извѣстными съѣзду — редакція должна собраться отдѣльно, чтобы попытаться выработать общее мнѣніе. Непосредственнымъ поводомъ къ этому предложенію тов. Ленина послужило разногласіе между Г. В. Плехановымъ и нѣкоторыми членами редакціи по вопросу о желательности изданія „популярной газеты" и въ связи съ этимъ — о желательности продолженія „Южнаго Рабочаго" (Г. В. Плехановъ высказался утвердительно по этимъ вопросамъ). Когда предложеніе тов. Ленина было принято, онъ предложилъ, чтобы на случай, если по предлагаемому спорному вопросу голоса раздѣлились поровну, на засѣданіе редакціи приглашался одинъ изъ извѣстныхъ всѣмъ намъ товарищъ съ рѣшающимъ голосомъ *по этимъ именно вопросамъ,* по которымъ получилось такое раздѣленіе. Когда и это предложеніе было принято, то послѣ того, какъ было рѣшено такого „супер — арбитра" выбрать единогласно, былъ предложенъ на эту роль тов. Ленинымъ одинъ изъ сотрудниковъ „Искры", но его имя не собрало всѣхъ голосовъ. Тогда было предложено, что бы требующійся „седьмой" былъ однимъ изъ ожидавшихся на съѣздъ членовъ О. К. Изъ числа послѣднихъ извѣстны всей редакціи *лично* были тт. Травинскій и Павловичъ. Послѣ того, какъ тов. Травинскій не былъ одобренъ однимъ изъ голосовавшихъ, какъ недостаточно ему извѣстный, имя тов. Павловича не встрѣтило возраженій. Подписавшіеся считаютъ нужнымъ заявить, что въ лицѣ тов. Павловича они выбирали члена высшей въ то время партійной коллегіи и не усматривали въ своемъ вотѣ никакого такого особаго довѣрія къ данному товарищу, котораго они не оказали бы *всякому* практику, стоявшему на одной съ ними принципіальной почвѣ („искровства") и принадлежавшаго къ одной изъ партійныхъ коллегій. О томъ, чтобы тов. Павловичъ — хотя бы на съѣздѣ — принималъ участіе въ чисто — редакціонныхъ дѣлахъ, не поднималось и рѣчи, и у редакціи не было и тѣни основанія предполагать, что тов. Павловичъ имѣетъ какое нибудь отношеніе къ литературѣ.

3) Постановленіе редакціи не было сообщено оффиціально т. Павловичу и даже шестому члену редакціи Аксельроду, съ которымъ остальные члены встрѣтились только на съѣздѣ — потому, что вскорѣ послѣ начала съѣзда тов. Ленинъ предпочелъ спорные — между нимъ и другими членами редакціи — вопросы сдѣлать предметомъ обсужденія членовъ *организаціи* „Искры", вслѣдствіе чего особое обсужденіе ихъ въ предѣлахъ редакціи стало излишнимъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что тов. Павловичъ введенъ въ заблужденіе, предполагая, что онъ былъ избранъ въ редакцію „Искры", хотя бы на одинъ часъ, и что тов. Ленинъ выражается нѣсколько неточно, когда говоритъ о выборѣ Павловича въ „редакцію". Мы бы считали себя безконечно виноватыми передъ тов. Павловичемъ, еслибъ эта ошибка — въ наше время, когда „литераторы" снова взяты подъ подозрѣніе въ революціонной неблагонадежности — послужила къ поврежденію политической репутаціи этого товарища. Насколько мы знаемъ, онъ всегда былъ внѣ подозрѣній въ причастности къ литературному цеху.

В. Засуличъ, Л. Мартовъ, Г. Плехановъ, Старовѣръ

Заявленіе Сибирскаго Союза[1]).

Сибирскій Союзъ и всѣ Сибирскіе Комитеты въ спорѣ между центрами рѣшительно встали на сторону позиціи, занятой тов. Ленинымъ. Разногласій по этому вопросу нѣтъ. *Бывшая* Сибирская делегація не представляетъ Сибирскаго Союза въ этомъ вопросѣ. Сибирскій Союзъ и Комитеты стоятъ совершенно на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ ея бывшіе делегаты въ отношеніи къ разногласіямъ въ центрахъ. И только по причудливой игрѣ „массы случайностей" на съѣздѣ — сибирская делегація оказалась въ оппозиціи съ собственной организаціей... И мы глубоко убѣждены, что такія непредвидѣнныя „случайности" сыграли не съ одной нашей организаціей злую шутку. Сибирскій Союзъ.

Маленькое недоразумѣніе. (Письмо въ редакцію.)

Дорогіе товарищи!

Позвольте мнѣ исправить маленькое недоразумѣніе, которое получилось съ напечатаннымъ въ № 67 „Искры" „Отвѣтомъ Каутскому". Дѣло въ томъ, что это вовсе не „отвѣтъ Каутскому"; на такія вещи, какъ письмо Каутскаго, нѣсколькими небрежно написанными строчками не отвѣчаютъ. Это нѣсколько мыслей по поводу письма, набросанныхъ на клочкѣ бумаги и адресованныхъ *лично тому товарищу,* который доставилъ мнѣ любезно письмо Каутскаго еще въ рукописи; слова „хорошо было бы, если бы редакція напечатала это письмо" — относятся именно къ письму Каутскаго, которое я возвращалъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ клочкомъ. Съ тѣхъ поръ письмо Каутскаго было напечатано, и мое сомнѣніе оказалось несправедливымъ. Очень жаль, что я выразился неясно, но свои бѣглыя замѣчанія я вообще не считалъ даже „письмомъ", а потому и не подумалъ о возможности такого истолкованія моихъ словъ.

Надѣюсь, Вы дадите мѣсто въ „Искрѣ" этому разъясненію.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

авторъ печатнаго „отвѣта"

Отъ ред.: съ разъясненіемъ невольнаго недоразумѣнія остается все еще неяснымъ: отчего бы это для ред. „Искры" было неудобно помѣщеніе письма Каутскаго? Ужъ не случилось ли съ товарищемъ новаго недоразумѣнія, и не имѣетъ ли онъ въ виду какого-нибудь другого письма?

[1]) Согласно имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, составъ Сибирскаго Союза сильно измѣнился со времени II съѣзда. *Ред.*

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Пермь. 23 мая арестованы: Мутныхъ, Кириллова, Южоевъ, Трейстеръ и трое рабочихъ, имена коихъ неизвѣстны. **Ростовъ на Дону.** 11 12 іюня арестовано 10 человѣкъ, было 30 обысковъ. **Петербургъ.** Большіе аресты въ началѣ іюня. **Харьковъ.** 24 апрѣля здѣсь арестованъ студ. универ. А. П. Липовъ, за „распространеніе прокламацій среди родныхъ" (!). **Кривой Рогъ.** Въ ночь съ 30 апрѣля на 1 мая взяты на собраніи: курсистка Татьяна Рейнишъ, Борисъ Рейнишъ, бухгальтеръ М. Ципинъ, Федоръ Диковъ, Дм. Михайловъ, Ид. Левинъ, Ал. Браиловскій.

Въ **Херсонской** губ. тюрьмѣ съ 1 мая 1903 по 1 мая 1904 года находились въ заключеніи 60 лицъ (48 мужч. и 12 женщ.). Изъ нихъ: интел. — 22 (17 мужч. и 5 женщ.), просидѣвшихъ вмѣстѣ 2123 дня (въ среднемъ — 96 дней), рабочихъ — 37 (30 мужч. и 7 женщ.), просидѣвшихъ вмѣстѣ 3104 дня (въ среднемъ — 83 дн.), и 1 хозяинъ-ремесленникъ (просидѣлъ всего 1 день). Въ томъ числѣ: сельскихъ учителей — 3, учительницъ — 2, студентовъ — 3, оконч. сельско-хоз. учил. — 2, оконч. университетъ — 2, оконч. город. учил. — 4, оконч. жен. гимн. — 1, учащаяся — 1, экстернъ — 1, бухгальтеръ — 1, неопредѣлен. профес. (интел.) — 3 (1 мужч. и 2 женщ.), заготовщиковъ — 2, столяр. — 4, слесарей — 5, переплетч. — 5, маляр. — 1, живописц. — 3, портн. — 2, сельск. раб. — 1, приказч. — 6, наборщ. — 1, хозяинъ живописн. мастерск. — 1, папиросниц. — 1, модистокъ — 6. Къ 1 мая 1904 года въ тюрьмѣ оставались: Н. Трайтель и И. Балишанскій (оконч. город учил.), Е. Шенсонъ (маляръ), С. Зайдель (живопис.), М. Балишанскій (слесарь). В. Надлеръ (нар. уч.), Ив. Толстиковъ (оконч. сельско-хоз. уч.), Зина Айнбергъ (учит.), Ник. Пересвѣтовъ (оконч. сельско-хоз учил.), Эренбургъ (стол.), П. Любарская (модистка). Я. Перельштейнъ (прик.), І. Буновъ (живопис.), С. Сухаревъ (экст.), С. Машинъ (нар. уч.), Ц. Гуревичъ (папиросница), Дм. Тахчогло (оконч. Петерб. ун., по Ростовск. дѣлу), Г. Ровберъ, И. Каминскій, И. Фельдманъ и Г. Экшертъ (приказчики), С. Щирякъ (переплетч.), Клара Поринъ (модистка), С. Картъ (наборщикъ), Бетя Надлеръ (оконч. гимназ.).

Въ Орловской тюрьмѣ сидятъ слѣд. лица: Авдѣевъ — типографъ, 2 солдата: Волковъ и Рудаковъ, взяты на Пасхѣ, обвин. въ принадлежности къ Р. С. Д. Р. П., Никольскій — инт. (арест. въ февралѣ), столяръ Шишковъ съ сыномъ и дочерью, арестов. вмѣстѣ съ солдатами (при обыскѣ кое что нашли), привезенная еще въ августѣ изъ Одессы дѣвица Рискиндъ, Крылова (с.-р.), Тяпунковъ (с.-р.) и Азбукинъ. Арестованный на Пасхѣ бывш. студ. Шмидтъ выпущенъ.

Бѣжали изъ Восточной Сибири: 1) Рерихъ (Петерб. дѣло 1903 года), 2) Логачева, сосланная на поселеніе по дѣлу Ростовской демонстраціи 2 марта 1903 г., 3) Шехтеръ (Полтав. д.), 4) Стенцель (Петерб. дѣло) — тоже 5) Шкловскій (по дѣлу всеоб. стачки въ Одессѣ) и 6) Бѣлый, раб. — оба изъ Шенкурска.

Некрологъ. 13 іюня въ Haut-Mornex (близъ Женевы) скончался отъ чахотки товарищъ Михаилъ Маркіяновичъ Чайченко. Много горя и страданій посылаетъ жизнь русскому революціонеру, но къ М. М. она была особенно жестока и несправедлива. Уже въ дѣтствѣ онъ знакомится со всѣми лишеніями необезпеченнаго существованія, пробуетъ всѣ роды занятій, и между борьбой за кусокъ хлѣба онъ готовится въ Учительскій Институтъ и поступаетъ въ таковой въ Ѳеодосіи, гдѣ ему, какъ лучшему ученику, назначаютъ стипендію. Однако, и здѣсь ему не удается устроиться. Вскорѣ М. М. является однимъ изъ вожаковъ въ одной изъ семинарскихъ исторій, за что лишается не только стипендіи, но и долженъ былъ покинуть самый институтъ. Послѣ долгихъ мытарствъ ему удается попасть въ Тифлисскій Учительскій Институтъ, который онъ вскорѣ также долженъ былъ оставить, и теперь уже навсегда, изъ-за какого-то тоже семинарскаго протеста. Выкинутый изъ него, онъ попадаетъ въ трудное положеніе интеллигентнаго пролетарія и на своей спинѣ испытываетъ всѣ прелести этого существованія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни даже его крѣпкій отъ природы организмъ не выноситъ всѣхъ лишеній, и онъ сильно заболѣваетъ и попадаетъ въ тифлисскую городскую больницу, гдѣ у него обнаруживаются первые признаки ужасной болѣзни, которая потомъ свела его въ могилу. Не смотря на все это, онъ продолжаетъ усиленно заниматься своимъ самообразованіемъ и готовится къ университетскому экзамену, для чего въ концѣ 90-хъ годовъ отправляется въ Харьковъ. Здѣсь онъ сближается съ мѣстными соціальдемократами и принимаетъ участіе въ дѣлахъ комитета. Въ 1900 году его арестовываютъ и онъ попадаетъ въ харьковскую тюрьму, столь извѣстную своими ужасными условіями. Не удивительно, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣзнь быстро прогрессируетъ, но его продолжаютъ держать, не смотря на безчисленные протесты товарищей. Только когда весной 1901 г. онъ настолько ослабъ, что не могъ уже ходить и его выносили на креслѣ изъ камеры, жандармы рѣшили выпустить его, боясь, очевидно, его смерти и сопряженныхъ съ этой послѣдней непріятностей. Послѣ восьми мѣсяцевъ тюрьмы его высылаютъ подъ надзоръ полиціи на родину, въ Ростовъ. Тамъ онъ вскорѣ опять попадаетъ въ тюрьму, обвиняемый въ участіи въ демонстраціи 1902 года въ Ростовѣ, но, выпущенный черезъ три мѣсяца за недостаткомъ въ рукахъ жандармовъ серьезныхъ уликъ противъ него, онъ ѣдетъ подъ надзоръ въ Одессу и, совсѣмъ уже больной, не перестаетъ дѣлать все, что можетъ, для дорогого ему дѣла. Не принимая непосредственнаго участія въ одесскомъ соціальдемократическомъ движеніи, онъ сотрудничаетъ въ издававшейся тогда одесскимъ комитетомъ газетѣ „Рабочее Слово", гдѣ помѣщаетъ нѣсколько статей. Когда же въ Одессѣ наступаютъ знаменитые іюльскіе дни, онъ забываетъ свою болѣзнь и смертельный исходъ въ случаѣ его ареста и отправляется на одно изъ собраній въ Дюковскій садъ, гдѣ агитируетъ среди сѣрой массы независимцевъ за необходимость политической борьбы и выставленія политическихъ требованій. Науськиваемая переодѣтыми шпіонами, масса набрасывается на него и еще одного товарища и звѣрски избиваетъ ихъ. Совсѣмъ больного въ полузабытьѣ его привозятъ домой, и съ тѣхъ поръ начинается у него борьба между жизнью и смертью. Но такъ какъ впереди его ожидаетъ еще ссылка, то его завѣтной мечтой становится заграница, гдѣ онъ думаетъ поправить свои силы, и этотъ планъ, откладываемый то изъ-за отсутствія денегъ, то изъ-за все усиливающейся болѣзни, ему удается осуществить только въ послѣднее время. Едва поправившись, онъ ѣдетъ за границу и, совсѣмъ больной, пріѣзжаетъ въ Женеву, гдѣ послѣ недѣли безпрерывныхъ страданій умираетъ въ Haut-Mornex. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Намъ доставлены слѣдующія изданія, вышедшія въ Россіи: 1) Одесской организаціи „Бунда" — „Ко всѣмъ одесскимъ рабочимъ и работницамъ" (евр.), 2) „Деръ Бундъ" № 3, 3) „Ко всѣмъ бердичевскимъ рабочимъ и работницамъ" (евр.) — изд. Бердичевскаго Комитета „Бунда", 4) „Къ русскимъ женщинамъ" — изд. „группы демократовъ" (призывъ къ поддержкѣ революціоннаго „Крас. Кр."), 5) „Къ запаснымъ Воронеж. губ." — отъ Гр. Рев. Нат.

Отчетъ Загр. Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем.

Изъ Брюсселя за мартъ 50 фр., за апр. 70 фр., за май 100 фр. (Изъ нихъ отъ Ф. 40 фр., отъ Ш. 1 фр., отъ Э. 50 с. на эмигр. 9 фр. 50 с.) Изъ Митвейды въ апр. 73 фр. 80 с., въ маѣ 55 фр. въ іюнѣ 71 фр. 20 с. Изъ Вѣны 36 фр. 40 с. Изъ Давоса черезъ Нину въ апр. 60 фр., въ іюнѣ 100 фр. Изъ Мягкаго знака за апр. 255 фр., за май 143 фр. Отъ Лозанской Гр. Сод. Пар. за апр. 90 фр., за май 95 фр. и еще 100 фр. Отъ 2-ой Гр. Сод. Пар. въ Берлинѣ 334 м. 50 пф. Отъ Женевской Гр. Сод. Пар. „Единеніе" 150 фр. Изъ Фрейбурга Баденскаго въ маѣ 41 фр., въ іюнѣ 54 фр. Изъ Кетена 73 фр. 80 с. Отъ F. in H. 12 фр. Изъ Гейдельберга 67 фр. и 5 фр. Отъ Цюрихской Гр. Сод. Пар. за апр. 65 фр., за май 146 фр. Отъ Бернской Гр. Сод. Пар. за мартъ, апр., май 611 фр. 90 с. (Въ томъ числѣ за лит. 243 фр. 35 с., за первомайск. лит. 75 фр., первом. праз. 40 фр. 65 с., съ рефер. Ортодокса 60 фр. 70 с. ежемѣс. взносы 61 фр., Б. К. Ф. 85 фр., за карточ. 28 фр. 25 с., изъ Россіи 7 фр. 95 с., отъ „буржуя" 10 фр.) Изъ Дрездена 26 фр. Изъ Мюнхена за янв.-апр. 433 м. Черезъ Дейча отъ F. in H. 12 м., изъ Брауншвейга 42 м. изъ Лейпцига 41 м., изъ Дрездена 25 м. Изъ Лондона за лит. 3 ф. ст. 4 ш.

Въ пользу Якутянъ. Отъ Лозанской Гр. Сод. Пар. 30 фр. 90 с. Отъ Женевской Гр. „Единеніе" 24 фр. 60 с. Отъ одной дамы 5 фр. Изъ Брауншвейга 43 фр. Изъ Гейдельбергской Гр. Сод. Пар. въ маѣ 52 фр. 50 с., въ іюнѣ 332 фр. Изъ Митвейды 25 фр. Отъ Парижской Гр. 27 фр. 60 с. Отъ Лондонской Гр. 5 ш.; отъ неизвѣстнаго черезъ лондонцевъ 20 ш.; въ лондонской рус. безплат. читальнѣ собрано 4 ш. 6 п. Изъ Мягкаго знака 40 фр. Отъ одного гейдельбергскаго студ. 2 фр. 45 с. Изъ Дрездена 24 фр. Изъ Антверпенской кассы 34 фр. Изъ Антверпена 48 фр. 40 с. Отъ 2-ой Берлинской Гр. 50 фр. Изъ Вѣны 200 кронъ. Изъ Цюрихской Сибир. Кассы 86 фр. 65 с.

Для ссыльныхъ и заключенныхъ. Изъ Женевской Сибир. Кассы 109 фр. 80 с. Изъ Гейдельбергской Кассы 25 фр. Изъ Лозанскаго Краснаго Креста 40 фр. Изъ Цюрихской Сиб. Кассы для ссыльныхъ на Ангарѣ 53 фр. Изъ Бреславля въ пользу Крас. Кр. 5 фр. Изъ Берлинской Кассы эмигрантовъ 25 р. Въ Вернѣ получено членомъ Лиги изъ Сибир. и Эмигр. Кассы въ апрѣлѣ и маѣ для четыр. эмигр. 50 фр. и на поддержку Екат. тов. въ маѣ 20 ф.

Бернская Сибир. и Эмигр. Касса получила заимообразно для помощи якутскимъ товарищамъ въ маѣ отъ Загр. Ком. Бунда 265 фр., отъ Загр. Лиги 125 фр., отъ П. С. Д. 159 фр. и отъ Соц.-Рев. 265 фр. Получено отъ ред. „Освобожденія" — 200 р и 100 м. На первомайск. празд. собрано 58 фр. Получено изъ Львова 12 фр. 50 с., изъ Дармштадта черезъ Соц.-Рев. 62 фр. черезъ нихъ же изъ Берна 5 фр., отъ цюрих. тов. 50 фр., отъ рабочаго въ Бернѣ 1 фр.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центральнымъ Комитетомъ:

V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для редакціи" или „для Лиги").